Н. П. Остроумовъ.

Исламовѣдѣніе.

3. Коранъ.

القران

Религіозно-законодательный кодексъ мусульманъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Ташкентъ.
Тип. при Канц. Турк. Ген.-Губ.
1912.

Издано по постановленію Сыръ-Дарьинскаго Областного Статистическаго Комитета.

Н. П. Остроумовъ.

Исламовѣдѣніе.

3. Коранъ.

القرآن

Религіозно-законодательный кодексъ мусульманъ.

Ташкентъ.
Тип. при Канц. Турк. Ген.-Губ.
1912.

Незабвенной памяти

Георгія Семеновича Саблукова,

переводчика и изслѣдователя Корана.

Предисловіе.

По словамъ А. Леруа-Болье, у большинства азіатскихъ народовъ религія тождественна съ цивилизаціей. Религіозныя вѣрованія не составляютъ только внѣшнихъ формъ общественной жизни, какъ традиціонное одѣяніе цивилизаціи, но проникаютъ въ плоть и кровь народныхъ массъ. Въ сущности, весь Востокъ, въ особенности мусульманскія страны, какъ-бы отлиты въ свою религію. Кромѣ того, у мусульманина, религія очень часто смѣшивается съ національнымъ чувствомъ и иногда даже его замѣняетъ*). Для всякаго политическаго дѣятеля, равно какъ и для мыслителя, на всемъ пути отъ восточной части Средиземнаго моря до китайскихъ морей, наибольшій интересъ представляетъ религіозная жизнь народовъ. Для русскаго же изученіе восточныхъ религій имѣетъ особый интересъ: Россія такъ же, какъ и Франція, имѣетъ въ средѣ своихъ подданныхъ магометанъ и буддистовъ. Вліяніе Корана и настроеніе мусульманскихъ массъ представляются, слѣдовательно, для нея факторами, которые ей приходится изучать. Исламъ въ Азіи и Африкѣ остается до сихъ поръ жизненнымъ историческимъ началомъ; онъ сохранилъ въ этихъ обѣихъ странахъ склонность къ прозелитизму и, благодаря этому, число его послѣдователей постоянно возрастаетъ, даже въ странахъ христіанскаго владычества. Быть можетъ, европейскимъ государствамъ, соперничающимъ за преобладаніе въ Азіи и Африкѣ, будетъ въ недалекомъ будущемъ весьма важно имѣть исламъ за себя.

„Въ числѣ великихъ задачъ, оставляемыхъ нерѣшенными XIX столѣтіемъ XX-му, одно изъ первыхъ мѣстъ, говоритъ тотъ же авторъ, занимаетъ вопросъ о пріобщеніи восточвыхъ народовъ къ западной цивилизаціи. Вопросъ этотъ касается тысячи милліоновъ людей, такъ какъ онъ имѣетъ отношеніе къ туркамъ, арабамъ, персамъ, индусамъ, малайцамъ, китайцамъ, японцамъ (браманистамъ, буддистамъ и мусульманамъ). Такимъ образомъ, это—насущный вопросъ для будущаго

*) Современные мусульманскіе публицисты отожествляютъ національность съ исповѣданіемъ мусульманской религіи: „Мы живемъ—пишетъ А. Кантеміровъ—по нормамъ шаріата и религіи Магомета, ибо народы, исповѣдующіе мусульманство, по преимуществу религіозны, и всѣ національныя и индивидуальныя особенности ихъ растворяются въ религіи“. (Въ мірѣ мусульманства, отъ 12 августа 1911 года, № 17. Ст. „Русское дѣло и мусульманское“, стр. 3).

нашей планеты. Долженъ ли Востокъ съ его окраинами и множествомъ племенъ, его населяющихъ, слиться съ европейской цивилизаціей и какимъ способомъ можетъ произойти это сліяніе? Придется ли ему, подобно славянскому и германскому міру, склонить свою голову подъ св. крещеніемъ и отречься отъ воинствующаго ученія Мухаммеда и отъ кроткой религіи Шакьямуни, или наоборотъ—эти восточные религіозные культы только преобразятся въ иную форму подъ вліяніемъ западныхъ вѣяній?

„Сказаннаго достаточно, чтобы понять значеніе этого вопроса. Сообразить же данныя для возможнаго его рѣшенія можно, только изучивъ религіи Востока, изслѣдовавъ ихъ жизненность и опредѣливъ ихъ склонность къ превращенію въ новыя формы"*).

Въ Средней Азіи наиболѣе распространенною религіей считается религія мусульманская, основывающаяся на ученіи Корана. Не смотря на это, русскіе туркестанцы мало или совсѣмъ не интересуются Кораномъ и потому нерѣдко высказываютъ по поводу его ученія взгляды, не отвѣчающіе дѣйствительности: Корану приписываются такія мысли, какихъ въ немъ нѣтъ и не могло быть (о культурномъ прогрессѣ въ современномъ смыслѣ слова), или же наоборотъ—умалчиваются и даже отрицаются такія предписанія, которыя ясно и опредѣленно выражены въ Коранѣ (война съ невѣрными, невольничество, многоженство и затворничество женщинъ). Между тѣмъ въ послѣдніе годы, въ виду несомнѣннаго **„пробужденія"** мусульманъ индійскихъ, турецкихъ (младотурки), египетскихъ и россійскихъ (младотатары), современные мусульманскіе публицисты настойчиво стараются доказывать въ своихъ газетахъ и журналахъ, что:

1) Коранъ не препятствуетъ современному общечеловѣческому прогрессу и общечеловѣческой культурѣ

и 2) что Коранъ долженъ быть переведенъ на народные языки племенъ, исповѣдующихъ исламъ, а ученіе его согласовано съ современными научными данными и т. д.

Эти двѣ основныя мысли различно варіируются у разныхъ современныхъ мусульманскихъ публицистовъ. Мы воспользуемся словами напечатанной въ № 11 газеты „Въ мірѣ мусульманства" (отъ 1 іюля 1911 года) статьи:

„Прошло уже 1328 лѣтъ, по магометанскому лѣтоисчисленію, когда пророкъ, во главѣ съ небольшой группой послѣдователей, принужденъ былъ оставить Мекку.

„Мекка и тогда, какъ и теперь, насквозь пропитанная торгашескимъ духомъ, казалось, легко могла задушить грандіозныя цѣли и иде-

*) Изъ предисловія къ французскому переводу „Путешествія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича на Востокъ". (Правит. Вѣсти 1893 г. № 215).

алы, задуманные Пророкомъ. И этотъ знаменательный день—Гиджра, являющійся по справедливости моментомъ зарожденія Ислама, остался памятнымъ въ исторіи развитія человѣчества.

„Эта небольшая община выросла въ міровую силу и въ настоящее время распространяется отъ береговъ Атлантики далеко на востокъ и югъ, въ холодную Сибирь, китайскій Гинпанъ, Индейскій Архипелагъ, гдѣ особенно старую и прочную базу магометанства образуетъ Ява, жемчужина Зунда,—съ числомъ послѣдователей минимумъ въ 200—250 милліоновъ.

„Поступательное движеніе европейскихъ государствъ въ „Домъ Ислама"—раньше всего, аннексія Алжира и Туниса Франціей, укрѣпленіе Англіи въ Египтѣ, Синаѣ, Суданѣ, вдоль береговъ Аравіи (Аданъ, Султанатъ, Оманъ, Персидское побережье), въ значителяной мѣрѣ подняло магометанъ, воздѣйствовавъ на ихъ національное самолюбіе. При общей агрессивной политикѣ европейскихъ державъ, весьма основательны подозрѣнія свободныхъ покуда послѣдователей Ислама (Марокко, Персія, Афганистанъ, Турція; агрессивная же политика выражается въ занятіи французами—въ видѣ „залога"—различныхъ частей восточнаго Марокко; въ испанскомъ походѣ противъ риффовъ, критскомъ вопросѣ и т. д. до посылки Германіей военнаго судна.

„Второе обстоятельство—хотя оно во всей шири обнаружится лишь въ будущемъ—это постепеннное проникновеніе на востокъ западно-европейской культуры и техники. Не только сознаніе превосходства западныхъ воззрѣній и принциповъ заставляетъ интеллигентныхъ магометанъ измѣнять свои устарѣлые общественные и политическіе порядки, но еще и то обстоятельство, что большая часть мусульманской территоріи находится подъ протекторатомъ великихъ европейскихъ державъ, прокладывающихъ въ магометанскій міръ дорогу хозяйственнымъ, политическимъ, милитарно-техническими и многими другими способами. Особенно на ростъ народнаго могущества вліяютъ такія чисто европейскія мѣропріятія правительства: какъ пожертвованія большихъ суммъ (въ Алжирѣ, напримѣръ), основаніе просвѣтительныхъ учрежденій, ремесленныхъ школъ, поощреніе коврового промысла и др. Профилактическія мѣропріятія правительства выражаются въ борьбѣ съ произволомъ, введеніемъ правовыхъ нормъ, борьбой съ эпидеміями, угнетавшими раньше населеніе, посредствомъ общественной самодѣятельности устройствомъ карантиновъ, больницъ и абсолютнымъ уничтоженіемъ набѣговъ и междоусобицъ, препятствовавшихъ мирному развитію народностей.

„Естественное слѣдствіе всего этого—безусловный ростъ магометанскихъ странъ подъ владычествомъ европейцевъ. Но все же было бы самообманомъ думать, что такой внѣшній успѣхъ возбудитъ въ

душѣ магометанскаго подданнаго иное, нежели чувство недовѣрія къ „завоевателю". Покорность, которую проявляютъ магометане, это—сознаніе безсилія противъ европейской силы.

„Общепризнано, что всѣ цивилизаторскія стремленія Франціи въ Алжирѣ, окруженномъ плотной стѣной исламистскаго права и обычая, безплодны; нѣтъ никакого сродства также между магометами и англичанами въ Египтѣ. Правда, европейская техника облегчила пилигримство введеніемъ парового сообщенія, сблизила между собою отдаленныя страны Ислама, но внутренняго примиренія не произошло. Естественная связь, поддерживаемая силой и временами нарушаемая вспышками народнаго гнѣва (возстаніе Сипаевъ въ Индіи, въ 1857 г., Арабипаши въ 1882 г. въ Египтѣ, въ 1870 г.—въ періодъ нѣмецко-французской войны—въ Алжирѣ Абдъ-ель-Кадеръ, Шамиль на Кавказѣ, Махди въ Суданѣ).

„Будущее покуда темно. Развитіе прессы, развитіе новыхъ литературныхъ тенденцій среди турокъ и русскихъ мусульманъ—стремленіе къ безъискусственной народности,—все это должно подготовить дорого новому.

„Исламъ все еще обладаетъ живительными соками: не только необразованному негру, малайцу, китайцу или порабощенному индусу онъ создаетъ внутренній міръ. Въ силу присущаго ему демократическаго характера, ему удастся перебросить мостъ между соціальными дифференціями и удержать въ своемъ религіозномъ зданіи свою міровую общину: пилигримство остается на своей высотѣ и разноситъ идеи Ислама на Западъ и Востокъ.

„Отношеніе Ислама къ культурѣ и европейскимъ воззрѣніямъ подвергается научной и практической критикѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія, частью благожелательныхъ, частью неблагожелательныхъ. Одно только обстоятельство упускается при этомъ изъ вида: если бы Исламу, въ силу неблагопріятныхъ условій, не удавалось проводить въ жизнь своихъ всеобъемлющихъ тенденцій, то католическимъ церквамъ обоихъ направленій предоставлено было бы безграничное и безпрепятственное поле дѣятельности, причемъ греческая ортодоксальная и фанатическая церковь, получивъ такой толчекъ и прикрытіе, сочла бы возможнымъ вступить въ борьбу со свободномыслящимъ протестантизмомъ и задушила бы послѣднее въ своихъ „братскихъ" объятіяхъ. Это обстоятельство, кажется, не принимается съ должною серьезностью во вниманіе свободомыслящими, хотя оно должно было подсказать всю невыгоду ослабленія Ислама". (А. Т.).

Такъ думаютъ и могутъ писать современные образованные мусульмане, зная, что русскіе, для вразумленія которыхъ не одна татарская газета издается на **русскомъ** языкѣ, не интересуются Кораномъ,

не знакомы съ его ученіемъ даже по русскому переводу и потому могутъ повѣрить всему, что захотятъ напечатать и распространить образованные татарскіе публицисты... Какъ на поразительный примѣръ полной неосвѣдомленности русскихъ интеллигентныхъ людей относительно Корана, укажемъ здѣсь на слѣдующее замѣчаніе авторитетнаго военнаго писателя-академика (Н. Ф. Дубровина), напечатанное въ Военномъ Сборникѣ:

„Какъ извѣстно (!), Коранъ состоитъ изъ трехъ частей: **шаріата**, т. е. изреченій Магомета, имѣющихъ для его послѣдователей силу закона, **тариката**—изложенія дѣйствій и поступковъ пророка, достойныхъ подражанія для каждаго правовѣрнаго, и **хакыката**—видѣній и вѣрованій пророка .. Тарикатъ есть та часть Корана, которая научаетъ покорять страсти и заключаетъ въ себѣ наставленія, относящіяся до облагораживанія чувствъ, чтобы сдѣлаться угоднымъ Богу“*).

Столь страннаго и совершенно произвольнаго объясненія ученія Корана нигдѣ еще автору издаваемаго руководства встрѣчать не приходилось. Вѣдь, если нѣмецкій оріенталистъ Шпренгеръ считалъ Коранъ „книгою съ семью печатями“, то это совсѣмъ не значитъ, чтобы смѣшивать Коранъ съ шаріатомъ, тарикатомъ и хакыкатомъ и притомъ считать ихъ отдѣльными частями этой книги...

Не нужно послѣ этого удивляться, если многіе русскіе утверждаютъ, что Коранъ разрѣшаетъ мусульманамъ брать семь женъ и что его догматическое ученіе очень близко подходитъ къ евангельскому...

Между тѣмъ Коранъ имѣетъ полное право на серьезное вниманіе къ нему всѣхъ образованныхъ людей Россіи и особенно администраторовъ, находящихся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ подчиненными имъ мусульманами. Жоржъ Сейль болѣе полутораста лѣтъ назадъ, въ 1737 г., писалъ въ предисловіи къ своему переводу, что ему не представляется нужды въ извиненіи за переводъ Корана, или доказывать, что сочиненіе это полезно и любопытно.. Если предписанія, касающіяся вѣры и государственнаго устройства какого нибудь иноземнаго народа достойны нашего изученія, то предписанія Мухаммеда, законодателя арабовъ и основателя государства (которое менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ распространилось въ большей части свѣта, нежели Римская Имперія во время цвѣтущаго своего состоянія)—не недостойны нашего вниманія, какъ потому, что эти учрежденія слишкомъ широко распространили свое господство, такъ и потому, что англичане имѣютъ близкія отношенія къ народамъ, которые управляются законами Мухамеда...

---

*) Октябрь 1890 г., ст. „Изъ исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, стр. 198—199.

Приведенныя мысли англійскаго арабиста-переводчика*) Корана имѣютъ не меньшее значеніе для нашего отечества, въ числѣ подданныхъ котораго находится болѣе 15 милл. мусульманъ, считающихъ Коранъ откровеніемъ Божіимъ, св. писаніемъ, основою законодательнаго кодекса мусульманъ-шаріата При этомъ необходимо имѣть въ виду, что Россія находится въ особыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ двумя вассальными ханствами—Бухарой и Хивой, общее населеніе которыхъ можно опредѣлять въ 6 7 милл. человѣкъ. Такимъ образомъ, подъ непосредственнымъ управленіемъ и вліяніемъ Россіи состоитъ болѣе 20 милл. исповѣдниковъ Корана, что составляетъ одну седьмую часть всего населенія Россійской Имперіи.

Столь внушительная по числу, разноплеменная и иновѣрная группа населенія отличается отъ коренного населенія Россіи не только внутреннею, духовною сплоченностью между собою, но и обнаруживаетъ постоянное тяготѣніе къ Турціи, продолжающей считать Россію своимъ „исконнымъ“ врагомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ многочисленный „мусульманскій міръ“ вступилъ теперь въ эпоху возрожденія и обновленія и прогрессивнаго развитія на основныхъ началахъ Ислама**), и съ этой точки зрѣнія Коранъ пріобрѣтаетъ для насъ еще большее значеніе. Чтобы не быть голословнымъ, укажемъ на повсемѣстное стремленіе мусульманъ къ просвѣщенію и на усиленную пропаганду путемъ новометодныхъ школъ и учрежденія просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществъ, среди которыхъ обращаетъ на себя вниманіе недавно открытое въ Парижѣ **„Братство студентовъ-мусульманъ“**, членами котораго состоятъ: арабы Египта, Туниса, Алжира и Сиріи***), турки, татары Закавказья, Крыма и Поволжья, индійскіе мусульмане, персы и представители разныхъ другихъ народностей земного шара, исповѣдующихъ Исламъ. При открытіи этого „Братства“, однимъ изъ его членовъ было сдѣлано такое обращеніе къ собравшимся представителямъ Ислама:

---

*) Г Сейль долгое время пробылъ въ Аравіи, прежде чѣмъ приступилъ къ переводу Корана, желая дать соотечественникамъ точный переводъ этой законодательной книги. *Авторъ.*

**) Въ № 10-мъ газеты „Въ мірѣ мусульманства“, отъ 24 іюня 1911 года, между прочимъ напечатано: „А пока намъ важнѣе всего освободить религію свою, Исламъ, отъ тѣхъ мертвящихъ формъ, въ которыя она закована, очистить отъ плевелъ, которыя вплелись въ нее, такъ какъ только люди, мировоззрѣніе которыхъ не засорено ошибочными взглядами на жизнь, могутъ подняться надъ окружающей ихъ обстановкой, могутъ пойти вѣрнымъ и безтрепетнымъ шагомъ по пути прогресса и культуры“. (На 2-й стр. 3-й столб.).

***) Объ умственномъ движеніи среди арабовъ можно судить по ст. проф. А. Е Крымскаго и Б. В. Миллера „Всемусульманскій университетъ при мечети Азхаръ въ Каирѣ..“ (Древности Восточныя, т. 2. вып. 3) и по ст. И. Ю. Крачковскаго „Историческій романъ въ современной арабской литературѣ“, (Журн. М. Н. Пр. 1911 г., іюнь).

„Дорогіе братья! Прежде чѣмъ сказать что-либо, позвольте мнѣ выразить Вамъ свои чувства, чувство гордости и счастья, овладѣвшія мною при видѣ столь многочисленной группы будущихъ мусульманскихъ дѣятелей. Я отъ души радъ и тому, что вы, братья, какъ одинъ человѣкъ, отозвались на наше приглашеніе и явились сюда. Это хорошая примѣта: такое отношеніе къ дѣлу многое обѣщаетъ въ будущемъ".

„Цѣль настоящаго братства, вѣроятно, всѣмъ изъ васъ извѣстна, и я не стану повторять ея. Мы, мусульмане, находимся при исключительныхъ условіяхъ. Мы не похожи на другихъ народовъ ни исторіей, ни культурой, ни вѣрованіями, ни характеромъ дѣятельности въ повседневной жизни. У насъ все по своему и поэтому насъ понимаютъ такъ мало. Будучи даже культурными, мы не теряемъ этой первоначальной особенности и всегда чувствуемъ ее. Чтобы болѣе ярко представить вамъ эту особенность, позвольте мнѣ разсказать одинъ характерный случай изъ моей собственной жизни. Какъ-то разъ, во время путешествія, мнѣ пришлось нѣкоторое время прожить въ Висбаденѣ. Между прочими достопримѣчательностями города я обозрѣвалъ и громадную фабрику—самое послѣднее слово техники. И вотъ, въ этой колоссальной фабрикѣ, среди остроумнѣйшихъ произведеній человѣческаго генія, среди самыхъ послѣднихъ открытій всемогущей науки, я бродилъ цѣлыми часами и восхищался. Цѣлая толпа ученыхъ инженеровъ работала среди громадныхъ машинъ, и я былъ среди нихъ. Теперь, представьте себѣ, друзья: несмотря на все величіе тамъ, я страдалъ душою. Я зналъ все, что они дѣлаютъ, я говорилъ на ихъ языкѣ, по братски бесѣдовалъ съ ними и, можетъ быть, не уступалъ имъ въ культурномъ отношеніи; но я всетаки чувствовалъ себя одинокимъ, заброшеннымъ и изолированнымъ. Мнѣ казалось, что эти люди не понимаютъ меня, не раздѣляютъ моихъ мнѣній и не питаютъ ко мнѣ ничего, кромѣ чувства простой деликатности, порожденнаго культурой. Я былъ одинокъ, среди этой сказочной громады, среди этого царства шашинъ и приборовъ. Я былъ одинъ, потому что я былъ мусульманинъ.

„Можетъ быть для европейца все это покажется смѣшнымъ, но я увѣренъ, что вамъ самимъ знакомы эти чувства. Такова психологія мусульманскихъ народовъ. Вотъ примѣръ передъ вами. Вы пріѣхали сюда изъ разныхъ концовъ земли; несомнѣнно, вы родились и воспитывались при различныхъ условіяхъ, живете въ центрѣ міровой культуры и, можетъ быть, многое перезабыли изъ своей родной религіи, но тѣмъ не менѣе, при одномъ словѣ вы вспомнили все свое прошлое, всѣ свои традиціи и, повторяю, при одномъ словѣ „Исламъ" васъ охватило чувство братскаго единенія и вы, представители разнообраз-

ныхъ племенъ, какъ дѣти одного отца, собрались въ это помѣщеніе. Развѣ это не доказываетъ оригинальности мусульманской психологіи?

„Вмѣстѣ съ тѣмъ эта оригинальность, странная для европейца, приноситъ и принесетъ въ будущемъ громадную пользу мусульманству. Наши народы постепенно объединяются и по мѣрѣ улучшенія средствъ сообщенія, единеніе это будетъ все болѣе тѣснѣе. Какой бы ни былъ народъ, но разъ онъ исповѣдываетъ Исламъ, слѣдовательно, душа его вполнѣ схожа съ душею другого мусульманслаго народа. Единеніе наше въ будущемъ несомнѣнно. Конечно, подъ именемъ единенія я не подразумѣваю что нибудь похожее на панисламизмъ, да и вообще я не вѣрю въ эту идею*). Панисламизмъ, это—химера, совершенно безпочвенная фантазія празднаго человѣка... Помимо того, что панисламизмъ неосуществимъ благодаря различнымъ не зависящимъ отъ насъ причинамъ, онъ излишенъ, я бы сказалъ даже вреденъ. Вспомните, что въ настоящее время на земномъ шарѣ почти нѣтъ такой мусульманской страны, такого государства, которая болѣе или менѣе не зависѣла бы отъ народовъ, совершенно чуждыхъ религіей, обычаями и образомъ жизни. Всѣ наши единовѣрныя страны подчинены европейцамъ. Укажите мнѣ хоть одну страну, которая была бы вполнѣ независима (голосъ позади: Турція!)

„И что же? Не смотря на такое, казалось бы, неблагопріятное положеніе исламъ не идетъ къ регрессу, а напротрвъ съ каждымъ днемъ все идетъ впередъ, безъ принужденія вербуя въ свои ряды новыхъ послѣдователой.

„Намъ нѣтъ основанія бояться какого бы то ни было вырожденія или ассимиляціи съ другими народами. Безусловно, прежде всего намъ необходимо не только братское единеніе между единовѣрными народами, но и единеніе между всѣми народами; мы должны братски относиться къ каждому. Пусть мусульманскіе народы впервые докажутъ, что братское единеніе съ иноплеменнымъ народомъ вовсе не приноситъ вреда для самой религіи, ни для жизни. Нужно вѣрить, что именно только это единеніе дастъ возможность развернуть свои культурныя силы нашимъ темнымъ единовѣрцамъ.

„Пусть многіе утверждаютъ, что наша религія мѣшаетъ нашему прогрессу,—это ничѣмъ не доказано. Исламъ никогда не можетъ вредить или по крайней мѣрѣ задерживать наше движеніе впередъ, разъ мы всею душою захотимъ этого. Религія не при чемъ. Стоитъ намъ только уяснить себѣ, что лишь въ культурѣ наше лучшее будущее—

*] Нѣкоторые современные публицисты даже совершенно отрицаютъ существованіе среди мусульманъ идеи панисламизма, но это отрицаніе не можетъ быть принято, какъ противорѣчащее дѣйствительности. Панисламизмъ есть среди мусульманъ. *Авторъ.*

мы будемъ прогрессировать. Религія не можетъ намъ загородить дорогу. Исламъ въ сущности вовсе не такъ строгъ къ новизнѣ, какъ думаютъ многіе. Можетъ быть, только благодаря исламу, расцвѣла арабская культура, имѣвшая столь громадное значеніе для прогресса человѣчества*).

„Широкая будущность ожидаетъ наши народы, но достигнуть ее они могутъ только путемъ упорнаго культурнаго труда. Мы, молодыя силы, будущіе защитники нашихъ единовѣрцевъ, должны работать не покладая рукъ и вести къ свѣту своихъ братьевъ. Мы будемъ піонерами лучшей, радостной жизни и по всѣмъ уголкамъ единовѣрвыхъ странъ разнесемъ радостную вѣсть, что на этой грустной землѣ есть истина, свѣтъ и братская любовь.

„Насъ поймутъ, если мы будемъ говорить отъ чистаго сердца и если—молодыя поколѣнія воспитаются на нашихъ идеяхъ. Миръ, а не насиліе долженъ царствовать среди насъ. Намъ нѣтъ надобности губить свои силы, гоняясь за различными фантастическими мыслями... Намъ все равно не удается возстановить арабскій халифатъ, тогда какъ культурной работой мы можемъ добыть себѣ лучшее мѣсто среди народовъ земли. Пусть каждый изъ насъ будетъ вѣстникомъ мира, любви и всепобѣждающей культуры. Пусть каждый работаетъ среди своего племени и дѣлитъ свои лучшія мысли съ окружающими его.

„Конечно, можетъ быть, пройдетъ много-много лѣтъ, прежде чѣмъ мы увидимъ результаты своихъ трудовъ, но это не должно смущать насъ. Не нужно падать духомъ, всѣ мы труженники должны объединиться въ одну тѣсную семью и работать, не считая ни времени, ни потраченной силы.

„Нужно безконечно любить нашу исторію, нашихъ славныхъ предковъ и все то, что связано съ понятіемъ мусульманства. Любовь къ прошлому—вотъ что сблизитъ нашихъ разноплеменныхъ единовѣрцевъ. Наши предки были злы, некультурны, грубые эгоисты—мы согласны съ этимъ, но это не должно унижать ихъ въ нашихъ глазахъ. Пусть они ничего не сдѣлали для исторіи, пусть они были даже вредны для человѣчества, но мы будемъ любить ихъ, потому что они наши. Только сильная любовь къ чему-нибудь родному дастъ намъ силу въ борьбѣ за прогрессъ и торжество мысли. И пусть эта одухотворяющая, оживляющая неизсякаемая любовь будетъ любовью къ нашимъ предкамъ. Она вдохнетъ въ наши молодыя души непоколебимую отвагу и въ упорной борьбѣ за свободу мысли и за лучшее будущее останется за нами“...**).

---

*) Этотъ взглядъ не всѣми учеными раздѣляется.

**) Газета „Въ мірѣ мусульманства“, № 9 отъ 17 іюня 1911 г. Ст. „Мусульманская молодежь въ центрѣ міра“.

Трудно, разумѣется, говорить въ настоящее время о томъ, къ какимъ рѣшеніямъ и задачамъ придетъ мусульманскій міръ послѣ своего возрожденія—пойдетъ ли онъ въ дальнѣйшей своей исторіи по пути мирнаго прогресса, присоединится ли къ общеевропейской культурѣ, или вступитъ на завѣщанную Кораномъ, враждебную христіанству дорогу*), какъ объ этомъ болѣе откровенные мусульманскіе публицисты опредѣленно высказываются**). Въ самое послѣднее время, въ № 20 (отъ 2 сент. 1911 года) газеты „Въ мірѣ мусульманства", авторъ статьи „**Наша интеллигенція**" заявляетъ, что мусульманамъ Россіи само время уже поставило задачу: „принять цѣликомъ либо культуру Запада, либо возродить и продолжить свою чисто исламскую культуру. Если же ни то, ни другое невозможно имѣть въ чистомъ видѣ, то создать новую, претворивъ въ теократизмѣ ислама европейскій раціонализмъ. Пребывать же и далѣе въ состояніи неопредѣленности нѣтъ никакой возможности, ибо это было бы равносильно полному отказу нашему***) отъ участія въ разрѣшеніи міровыхъ проблемъ, что несомнѣнно повлечетъ за собою паденіе вѣры въ мощь ислама, давшаго громадную долю своего наслѣдія теперешней культурѣ Европы".

Въ виду сказаннаго, позволительно напомнить здѣсь о нѣкоторыхъ историческихъ фактахъ, доказывающихъ, что фанатизмъ всегда былъ присущъ исламу, какъ положительная заповѣдь Корана, подтверждаемая открытыми возстаніями мусульманскихъ подданныхъ противъ своихъ иновѣрныхъ правительствъ. „Никогда не должно упускать изъ вида—писалъ англійскій генеральный консулъ въ Тунисѣ,—что Коранъ есть религіозный и политическій кодексъ. Всѣ мусульмане такъ смотрятъ на него, а потому нельзя ожидать, пока ихъ вѣра такъ тѣсно соединена съ ихъ національною политикой, чтобы они пожертвовали вѣрой въ пользу политики, которую можно коротко опредѣлить такъ: сохраненіе вѣры въ ея чистотѣ чрезъ изолированіе и уединеніе себя; возвращеніе странъ, подпавшихъ подъ власть христіанскихъ государствъ; искорененіе народовъ и племенъ, которыя отказываются платить дань за право жизни и тѣмъ самымъ ставятъ себя, по предписанію пророка, въ положеніе открытаго возстанія и потому повинны смерти. Образованные мусульмане постараются, конечно, смягчить эти предписанія ссылками на другія мѣста Корана и преданій; тѣмъ не менѣе означенныя предписанія составляютъ непреложные догматы почти 200 милліоновъ мусульманъ" ****).

*) Гл. 5, ст. 56 и мн. др. мѣста, въ которыхъ говорится о невѣрныхъ.

**) Ст. „Послѣднее слово ислама Европѣ", „Жизнь и ученіе Мохаммеда или духъ ислама" (Берлинъ, 1902 г.) и турецкій журналъ „Таарифуль-муслиминъ" и татарскія газеты.

***) Разумѣется—татарско-мусульманскому.

****) Ст. „Теократическій принципъ ислама и слѣдствія этого для мусульманъ и христіанъ" въ Хр. Чт. 1882 г. стр. 715. Въ настоящее время считается 250 милл. мусульманъ.

Извѣстный знатокъ мусульманскаго права, Баронъ Торнау 30 лѣтъ назадъ высказался, что обсужденіе мусульманскаго гражданскаго права невозможно на основаніи понятій и принциповъ европейскихъ законодательствъ и что для точнаго ознакомленія съ мусульманскимъ гражданскимъ правомъ необходимо имѣть хотя-бы краткія, но во всякомъ случаѣ точныя, положительныя свѣдѣнія о религіозныхъ постановленіяхъ ислама. Обсужденіе этого права по юридическимъ европейскимъ понятіямъ, а еще болѣе подведеніе постановленій онаго подъ систему и рубрики западныхъ законодательствъ, равно какъ изложеніе въ сочиненіяхъ о мусульманскомъ правѣ объ общественномъ и частномъ гражданскомъ бытѣ мусульманъ, безъ одновременнаго указанія на постановленія о вѣрѣ и въ особенности о религіозной обрядовой части, вводятъ въ заблужденіе на счетъ дѣйствительнаго значенія многихъ гражданскихъ постановленій ислама и даютъ неточное понятіе о томъ, чего Мохаммедъ, какъ гражданскій законодатель, предполагаетъ достигнуть чрезъ установленіе новыхъ гражданскихъ законовъ. Сколь-бы ratio legis ни была несовершенна въ гражданскихъ постановленіяхъ мусульманъ, она однако существуетъ и выражается однимъ словомъ: **„въ подчиненіи оныхъ законамъ о вѣрѣ“**. Кромѣ того, всякое частное лицо, - -продолжаетъ тотъ-же авторъ,—вступая въ сношенія какого бы то ни было рода съ подданными другаго государства, не можетъ, для огражденія собственныхъ интересовъ, не ознакомиться съ тѣми, въ чужой странѣ дѣйствующими законами, которые въ оной регулируютъ гражданскія отношенія частныхъ лицъ между собою. Если же такое знакомство съ законами необходимо въ разныхъ европейскихъ государствахъ, въ которыхъ гражданскіе законы основаны, болѣе или менѣе, на однихъ и тѣхъ же началахъ, гдѣ отчасти дѣйствуютъ интернаціональныя законоположенія въ пользу частныхъ лицъ, то тѣмъ болѣе необходимо знаніе гражданскихъ законовъ мусульманскихъ странъ, въ которыхъ законодательство основано на началахъ, въ иныхъ случаяхъ даже противоположныхъ европейскимъ понятіямъ“.*) Онъ же замѣчаетъ, что нравственное достоинство каждаго частнаго лица повсюду оцѣнивается степенью подчиненія его тѣмъ частнымъ постановленіямъ въ государствѣ, на которыхъ основывается благоустроенный общественный частный бытъ, что ни въ какомъ законодательствѣ не проявляется столь ослзательно, какъ въ мусульманскомъ. Мусульманинъ, не исполняющій въ полной точности хотя бы внѣшнихъ обрядовъ религіи, считается неблагочестивымъ и неблагонадежнымъ лицомъ; онъ чрезъ это лишается въ средѣ своихъ единовѣрцевъ довѣрія, не допускается, напримѣръ, къ свидѣтельству, къ опекунству и т. д.

*) Особенности мусульманскаго права. Изд. 1880 г.

Изъ приведенныхъ авторомъ двухъ историческихъ фактовъ, въ подтвержденіе своей мысли, укажемъ на возстаніе сипаевъ въ Индіи вслѣдствіе принужденія ихъ употреблять ружейныя патроны, смазанные свинымъ масломъ, и на бѣгство крымскихъ татаръ, вслѣдствіе возложенія на духовныхъ лицъ отчисленія наслѣдственной части отступнику отъ ислама*).

По нашему мнѣнію, возстаніе сипаевъ чрезвычайно характерно какъ для мусульманъ, помирившихся съ иновѣрнымъ правительствомъ и съ необходимостью стать въ ряды солдатъ, подъ команду иноземныхъ и иновѣрныхъ офицеровъ, но не рѣшившихся прикасаться къ животному веществу, признаваемому ими нечистымъ, такъ и для христіанскихъ завоевателей Индіи, сумѣвшихъ подчинить своей власти фанатическій народъ и не обратившихъ вниманія на то, что свинья считается у мусульманъ нечистымъ животнымъ. Такой ничтожной на взлядъ европейцевъ ошибки, подавшей поводъ къ столь серьезному возмущенію, не было-бы, если-бы англійскіе офицеры были основательно знакомы съ духомъ и буквою Корана, въ которомъ запрещеніе относительно свинины два раза опредѣленно подтверждено**), и если бы они осмотрительнѣе обращались съ мусульманами.

Казалось-бы, что и мы, русскіе, управляя столь долго многочисленными мусульманами и имѣя непосредственныя и разнообразныя отношенія къ нимъ,—должны быть знакомы съ основнымъ законодательнымъ кодексомъ мусульманъ; но этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать по отношенію къ огромнѣйшему большинству русскихъ, такъ какъ только немногія отдѣльныя личности знакомы непосредственно съ ученіемъ этой религіозно-законодательной книги,—и притомъ почти всегда изъ научныхъ интересовъ, а не въ видахъ требованій жизни... Естественными послѣдствіями незнакомства нашего съ Кораномъ является то, что многіе склонны видѣть въ Коранѣ образецъ всякаго совершенства, а иные приписываютъ ему такіе недостатки, какихъ въ немъ нѣтъ. „Такъ говорится въ Коранѣ“, „Такъ учитъ Коранъ“— можно слышать очень часто отъ лицъ, которыя Корана и въ руки не брали***).

Между тѣмъ знакомство съ Кораномъ и знакомство основательное положительно необходимо по соображеніямъ первостепенной важ-

*) Особенности мусульманскаго права, стр. 9—10, 12—15. И позже, въ 80-хъ г., враги Британскаго правительства въ Индіи запугивали индусовъ-мусульманъ слухомъ о томъ, что къ продаваемому на базарѣ коровьему маслу примѣшивается свинное сало.

**) Коранъ, гл 6, ст. 146; гл. 16, ст. 116.

***) Даже ученый раввинъ и профессоръ Женевскаго университета Вертермейстеръ сказалъ однажды, что Коранъ предписываетъ мусульманамъ держать во время письма правую руку неподвижно, почему они и пишутъ справа на лѣво. (Нар. Шк. 1883 г. № 8, стр. 43) А въ Коранѣ нѣтъ и намека на это.

ности. Въ настоящее время никакой правитель не рѣшится отрицать значенія религіи въ жизни народа и страны. Э. Тэйлоръ замѣчаетъ, что изученіе религіи какого-нибудь народа будетъ имѣть наградою болѣе разумное пониманіе вѣрованій людей, съ которыми мы живемъ, такъ какъ человѣкъ, понимающій только одну религію, на самомъ дѣлѣ понимаетъ ее не болѣе того, сколько человѣкъ, знающій одинъ языкъ, понимаетъ послѣдній*).

Намъ, русскимъ, это необходимо вдвойнѣ, потому что подъ русскимъ управленіемъ живутъ около 20 милл. мусульманъ, а характеръ каждаго народа болѣе всего познается изъ его вѣрованій**)... Когда мы будемъ знакомы съ основными положеніями Корана, тогда будемъ вѣрнѣе судить о характерѣ своихъ согражданъ-мусульманъ, ставящихъ выше всего законодательство, основанное на Коранѣ***). Единство вѣрованій сближаетъ мусульманъ несравненно болѣе, чѣмъ христіанъ, какъ это доказываетъ и послѣдняя война Турціи съ Италіей. По объявленіи войны, всѣ разноплеменныя народности, исповѣдущія ученіе своей св. книги-Корана, мгновенно забыли раздѣлявшіе ихъ политическіе интересы и соединились въ одно религіозное цѣлое, враждебное христіанству, а представители народныхъ массъ для большаго воодушевленія ихъ объявили „священную войну“. Берлинскій отдѣлъ панисламскаго комитета разослалъ тогда во всѣ страны мусульманскаго міра шифрованную инструкцію для представителей ислама слѣдующаго содержанія:

„Турція, какъ калифатъ, ни подъ какимъ видомъ не можетъ уступить Триполи. Уступка колоніи не можетъ быть ни чѣмъ оправдана въ глазахъ магометанъ. Даже въ личныхъ интересахъ, Турція не можетъ допустить уступки Триполи, такъ какъ въ подобномъ случаѣ ей, во-первыхъ, какъ государству, представятся самыя сложныя затрудненія на Балканахъ; во-вторыхъ, какъ калифатъ, она, вѣроятно, будетъ замѣнена арабскимъ калифатомъ. Уступка Триполи равносильна самоубійству государственному и религіозному. Магометане предоставляютъ Турціи очень опредѣленныя требованія, исполненія которыхъ исламистскія организаціи считаютъ безусловными и осуществленія которыхъ онѣ готовы добиваться въ крайнемъ случаѣ даже помимо Отоманскаго правительства. Эти требованія сводятся къ слѣдующему: бойкотъ итальянской торговли не только въ Турціи, но и повсюду, гдѣ живутъ магометане, именно въ Египтѣ, Индіи, Алжирѣ, Тунисѣ, въ Крыму, на Кавказѣ и т. д. Если же итальянцы и по улаженіи кон-

*) Первобытная культура. Рус. перев. подъ редакціей Коропчевскаго. Спб. 1872, т. 1, ч. 2, гл XI, стр. 5.

**) Такъ выразился покойный проф.-историкъ Бестужевъ-Рюминъ.

***) См у Торнау и Казембека въ предисл. къ Мухтасаруль-вигкаету.

фликта, осмѣлятся оставаться въ Турціи, то ихъ надо считать плѣнниками. Калифатъ долженъ прибѣгнуть къ своему авторитету, обратиться къ магометанамъ всего свѣта съ воззваніемъ о помощи деньгами и людьми. Въ крайнемъ же случаѣ, если европейскія державы не окажутъ воздѣйствія на Италію, калифатъ долженъ будетъ считать всѣ международныя соглашенія, въ особенности касающіяся неведенія священной войны, несуществующими.

„Образъ дѣйствій Италіи является не только нарушеніемъ международнаго права, но и всѣхъ европейскихъ конгресовъ, на которыхъ европейскія державы гарантировали неприкосновенность Турціи. Если державы не исполняютъ данныхъ ими гарантій, то и калифатъ въ правѣ считать себя свободнымъ отъ своихъ обѣщаній.

„Если Турція, противъ ожиданія, не приметъ во вниманіе этихъ требованій, то должна быть готова къ тому, что они будутъ проведены въ жизнь помимо нея. Черезъ два мѣсяца и два дня начнется паломничество правовѣрныхъ въ Мекку и къ гробницѣ пророка. Послѣ этого все станетъ возможнынъ“. *).

Изъ сказаннаго видно, насколько важно въ жизни мусульманъ ученіе Корана и насколько необходимо обстоятельное знакомство съ этимъ вѣроучительнымъ и законодательнымъ кодексомъ для каждаго русскаго администратора и чиновника, находящихся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ мусульманами...

Независимо отъ указаннаго чисто практическаго значенія Корана въ государственной жизни Россіи, за нимъ остается и огромное научное значеніе, объясняющее намъ неослабѣвающій къ этому произведенію арабскаго генія интересъ, съ какимъ ученые оріенталисты и просвѣщенные европейцы до сихъ поръ занимаются изученіемъ его.

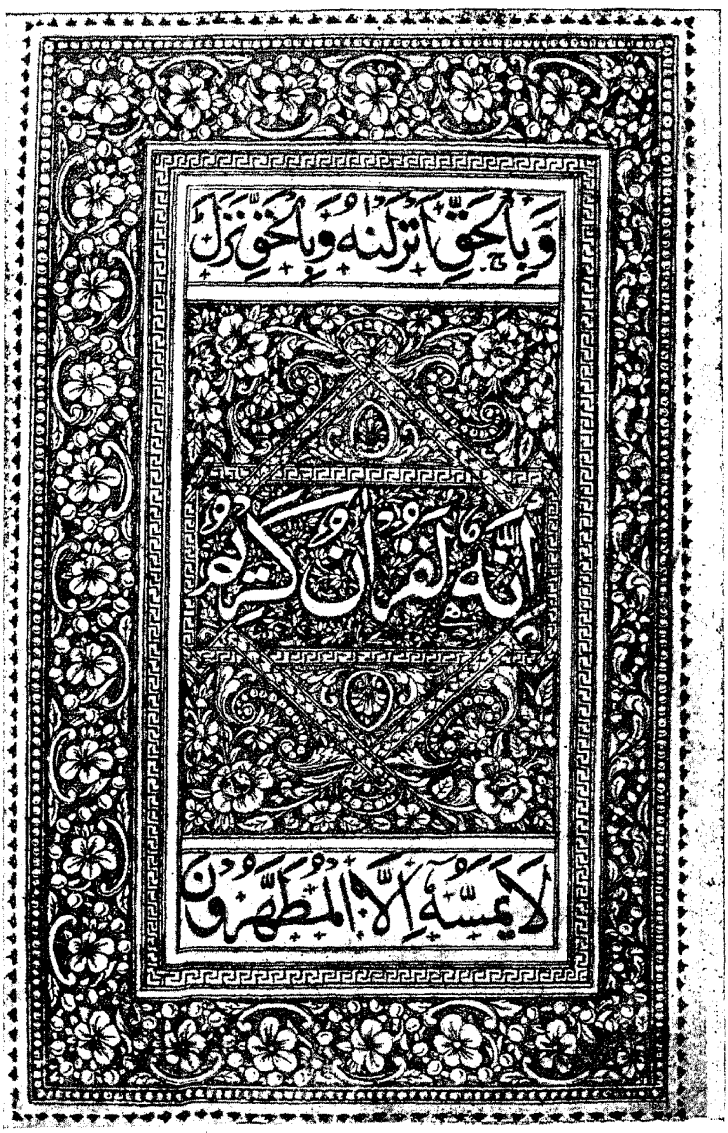
Этими соображеніями оправдывается настоящее **второе** изданіе нашей книги**), предназначаемое восполнить недостатокъ руководства по исламовѣдѣнію для г.г. офицеровъ, обучающихся въ школѣ при Ташкентскомъ Отдѣленіи Императорскаго Общества Востоковѣдѣнія.

---

*) Заимств. изъ „Нов. Времени“ № 12760 отъ 20 сентября 1911 года.

**) Въ первомъ изданіи эта книга имѣла заглавіе „Коранъ и прогрессъ“. (Ташкентъ, 1901 г.). Въ настоящемъ изданіи, кромѣ дополненій и измѣненій въ текстѣ, нѣкоторымъ страницамъ дано другое мѣсто, а самый текстъ иллюстрированъ рисунками.

АРАБСКІЙ ТЕКСТЪ КОРАНА.



Заглавный листъ Корана Инд. изд. 1283 г.

1. Разныя названія Корана.

„Коранъ"—одно изъ 55 названій*) религіозно-законодательнаго кодекса мусульманъ, встрѣчающихся въ этой книгѣ,—слово арабское, которое не только точно, но и приблизительно не указываетъ на содержаніе этого кодекса. На мусульманскомъ Востокѣ, какъ и вообще на Востокѣ, до настоящаго времени, а тѣмъ болѣе въ древнее время, книгамъ весьма рѣдко давались точныя названія, опредѣленно указывающія на ихъ содержаніе, какъ это дѣлается у западныхъ народовъ, въ Европѣ. У восточныхъ народовъ заглавія книгъ или отличаются изысканностью и вычурностью, или же бываютъ до такой степени просты и общи, что въ обоихъ случаяхъ, по такимъ заглавіямъ бываетъ трудно и даже невозможно составить болѣе или менѣе точное представленіе о содержаніи книгъ Въ самомъ дѣлѣ, мы привыкли соединять съ выраженіемъ „Коранъ" представленіе объ основномъ религіозно-законодательномъ кодексѣ мусульманъ, подобно тому, какъ подъ именемъ „Библіи" мы всегда разумѣемъ всѣ священныя книги ветхаго и новаго завѣтовъ, хотя оба приведенныя названія не указываютъ опредѣленно на содержаніе этихъ св. книгъ. Греческое выраженіе „Библія", въ буквальномъ своемъ значеніи, можетъ быть приложено къ каждому литературному сборнику, состоящему изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сочиненій или книгъ, имѣющихъ одну цѣль, одно назначеніе, хотя бы содержаніе каждой отдѣльной книги было отлично отъ содержанія прочихъ книгъ. Но названіе „Библія" освящено временемъ и употребленіемъ, и мы соединяемъ съ этимъ названіемъ извѣстное, строго опредѣленное представленіе, какъ о сборникѣ священно-историческихъ, законодательныхъ и пророческихъ книгъ евреевъ. Точно такъ же и арабское названіе „Коранъ", съ равнымъ правомъ, можно придать другому произведенію, назначенному для чтенія, такъ какъ это слово означаетъ буквально „чтеніе", происходя отъ арабскаго глагола „караа"—

*) Джаладдинъ Ас-Союти въ сочиненіи своемъ „Иткянъ" приводитъ эти названія (см. ниже.).

читать*). Время и употребленіе установили за этимъ названіемъ тотъ смыслъ, какой приданъ былъ ему еще Мухаммедомъ, какъ религіозно-законодательному кодексу мусульманъ, и не только по отношенію ко всей этой книгѣ, но и по отношенію къ каждой отдѣльной ея части**).

Почему-же такое слишкомъ общее названіе придано было книгѣ, столь выдающейся изъ ряда обыкновенныхъ книгъ?—Потому что это было въ духѣ арабовъ. Кромѣ того, Мухаммедъ, называя свои проповѣди „кораномъ“ ***), хотѣлъ подражать современнымъ ему евреямъ,

*) Въ извѣстномъ араб.-персид. словарѣ „*Сураха*“ это слово, между прочимъ, объясняется такъ:

قرأ بالفتح حيض اقرأ قرؤ بضمتين جماعت اقرؤ كذلك فى القاة وفى الحديث دعى الصلوة ايام اقرائك ✿ وايضا پاكى وهومن الاضداد ✿ وميان دوحيض وسپرى شدن حيض ووقت حيض ووقت پاكى زن ✿ اقرأت المرأة اى حاضت وطهرت ايضا ✿ قال الاخفش اى صارت صاحبة حيض فاذا حاضت قلت قرأت بلا الف ✿ اقراء نزديك آمدن حاجت وبوقت وزيدن باد قارئ وقت آن يقال منه اقرأت الريح اذا دخلت فى وقتها ✿ قال الهذلى (ع) اذا هبت لقارئها الرياح ✿ اى لوقتها ✿ استقراء ماندن فحل ناقه راتا بيندكه آبستن شده است يانى ✿ قال ابو عمر و يقال دفع فلان جاريته الى فلانة تقرئها اى تمسكها عندها حتى تحيض للاستبراء ✿ واقراء ت النجوم اذا ناخر مطرها ✿ قرآن جمع كردن ونبى يقال ماقرأت الناقة سلا قطا اى ما جمعت وقراء ت جنينا اى لم تضم رحمها على ولد وايضا خواندن قراءة مثله قارئ نعت منه قراءة جماعة مثل كافر وكفرة ومنه سمى القرآن ✿ وقال ابو عبيدة سمى به القرآن لانه يجمع السور ويضمها ✿ وقوله تعالى ان علينا جمعه وقرآنه فاذا قرأناه فاتبع قرآنه ✿ قال ابن عباس فاذا بيناه فاعمل بما بيناه لك ✿ وفلان قراء عليك السلام واقرائك السلام بمعنى ✿ اقراء خوانانيدن مقرئ نعت منه ✿ قراء مرد پارسا وقد تقراء اى تنسك والجمع قراوّن وقرء ايضا جمع قارئ مثل كافر وكفار ✿ قراءة بالكسر مثل قرعته وباويقال ذهبت قراء البلاد واهل الحجاز يقولون قرة البلاد بلا همز ومعناه انه اذا مرض بها بعد ذلك فليس من وبأ البلد ✿

(Calcutta. 1812 г. Томъ первый, стр. 27—28). Этой выпиской авторъ обязанъ А. А. Семенову, имѣющему въ числѣ своихъ книгъ и это рѣдкое изданіе труда небезызвѣстнаго Джамаля Кураши (Каршинскаго).

**) Коранъ. гл. 10, ст. 16; гл. 15, ст. 1; гл. 17, ст. 47 и 80; гл. 20, ст. 113.

***) Коранъ, гл. 56, ст. 76: „Это ученіе есть досточтимый коранъ“.

которые называли свои священныя книги и отдѣльныя ихъ части „Микра“, т. е. чтеніе—выраженіемъ одного корня въ арабскомъ и еврейскомъ, близко родственныхъ между собою языкахъ*).

Такъ же обще и неопредѣленно и другое арабское названіе Корана „Фурканъ“ или „Аль-фурканъ“, означающее буквально отдѣленіе, различеніе, (истины отъ лжи, добра отъ зла). Это названіе придано Корану также самимъ Мухаммедомъ**) на томъ основаніи, что заключающееся въ немъ ученіе, служа руководствомъ для мусульманъ въ области религіи, даетъ имъ въ тоже время возможность отличать истинное ученіе о Богѣ отъ ложныхъ ученій, добро отъ зла и т. д.

И это названіе придано было Корану также изъ подражанія іудеямъ, называвшимъ разные отдѣлы своего писанія выраженіемъ „перекъ“, которое по звуковому составу и по значенію совершенно тождественно съ приведеннымъ арабскимъ выраженіемъ „Фурканъ“.

Коранъ называется также Писаніемъ („Аль-китабъ“), ниспосланнымъ Богомъ***), или Писаніемъ Божіимъ, въ соотвѣтствіе названію ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ книгъ выраженіемъ „Священное писаніе“. Подобно христіанскому выраженію „Слово Божіе“, Коранъ называется „Каляму-Лла****), т. е. „Слово Божіе“ или же „Каляму-ш-шарифъ“, т. е. „благородное, священное слово“.

كلام شريف

Съ такимъ названіемъ печатался въ Казани Коранъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и распространялся не только во внутренней Россіи, но и въ Средней Азіи.

Коранъ называется „Откровеніемъ Божіимъ“ („аль-вахъюнъ“) *****) и разными другими именами.

По сравненію съ другими свитками, данными Богомъ до Мухаммеда, напримѣръ: Аврааму, Моисею и др. пророкамъ, Коранъ называется „Превосходнымъ свиткомъ“ („Масхафу-ш-шарифъ“) ******).

---

*) Въ красивомъ Бомбейскомъ изданіи Корана 1289 г. Хиджры, принадлежащемъ автору печатаемой книги, словомъ „Микра“ отмѣчены на поляхъ небольшіе отдѣлы Корана (въ двѣ страницы). Главы Корана 49—56 и главы отъ 58 до послѣдней, какъ небольшія по числу стиховъ, не подраздѣляются на „Микры“.

**) Въ гл. 25, ст. 1 Корана читаемъ: „Благословенъ Тотъ, кто ниспославъ рабу своему (т. е. Мухаммеду) Фурканъ для того, чтобы онъ былъ учителемъ мірамъ“. Въ гл. 3, ст. 2 читаемъ: Онъ (т. е. Богъ) прежде ниспославъ Законъ и Евангеліе въ руководство людямъ, а нынѣ—этотъ „Фурканъ“.

***) Коранъ, гл. 2, ст. 1; гл 6, ст. 92.

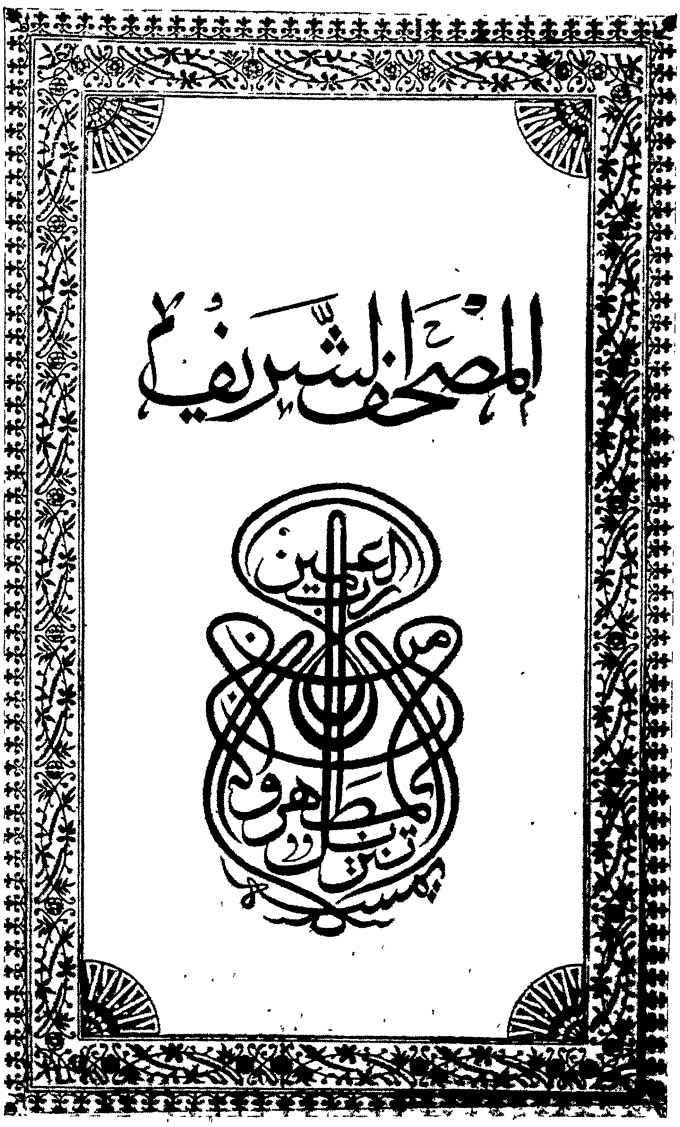
****) Коранъ, гл. 2, ст. 70; гл. 9, ст. 6; гл. 48, ст. 15.

*****) Коранъ, гл. 21, ст. 46; гл. 53, ст. 4. Въ томъ же смыслѣ употребляется въ Коранѣ выраженіе „тянзиль“, означающее буквально „ниспосланіе съ неба“ частями, отдѣлами: гл. 26, ст. 192; гл. 29, ст. 46; гл. 56, ст. 79; гл. 76, ст. 23; гл. 25, ст. 34; гл. 47, ст. 22.

******) Это названіе, придаваемое Корану, основывается также на текстѣ Корана, гдѣ упоминается о свиткахъ Корана на небѣ (гл. 80, ст. 13) и на землѣ (гл. 98, ст. 2). Ср. еврейское „сеферъ“.

Съ такимъ названіемъ въ Казани изданъ Коранъ въ 1320 г. Хиджры (1901—1902 г. по Р. Хр.).

Виньетка на заглавномъ листѣ Корана имѣетъ такой видъ:



То есть

لايمسه الا المطهرون تنزيل من رب العالمين

Кромѣ приведенныхъ, наиболѣе употребительныхъ названій Корана, обыкновенно обозначаемыхъ на заглавныхъ листахъ этой книги, ему придаются еще слѣдующія названія: „Великій, мудрый, славный, досточтимый, чудный, истина, благовѣстіе, милость, врачевство сердецъ, руководство на прямой путь, озареніе, драгоцѣнное писаніе, писаніе ясно изложенное, ученіе, ученіе мудрое, увѣщаніе, ученіе Мухаммеду и его народу, судебникъ для арабовъ, ученіе мірамъ и др.“ *).

*) См. приложенія къ переводу Корана г. Саблукова. Вып. 1, Казань, 1879, ст. 119—120 Джаладдинъ Ас-Союти въ своемъ сочиненіи „Иткянъ“ приводитъ всѣ 55 названій Корана, встрѣчающіяся въ Коранѣ, въ такомъ порядкѣ:

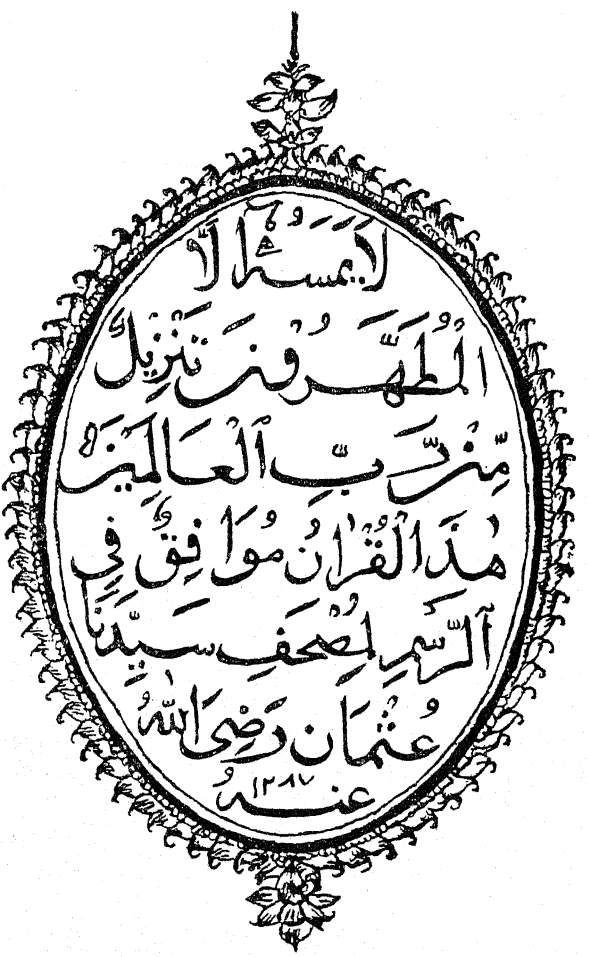
الكتاب المبين القرأن الكريم القلم البرهان النور الهدى الرحمه
الفرقان الشفا المعز الذكر المبارك العلى الحكمه الحكيم المهيمن المصدق
الحبل السراط المستقيم القيم القول الفصل النبؤ العظيم الحسن الحديث
المثنى المتشبه القتريل الروح الوحى العربى البشاير البيان العلم الحق
الهادى الغياب التذكره الغروة الوثقى الصدق العد الامر المنادى
البشرى المجيد الزبور البشير النذير العزيز البلغ القصص الصحف المكرمه
المرفوعه المطهره

(Заимств. изъ Dictionary of Islam by Thomas Patrick Hughes. London, 1895, S. 484).

2. Особенности изданій арабскаго текста Корана.

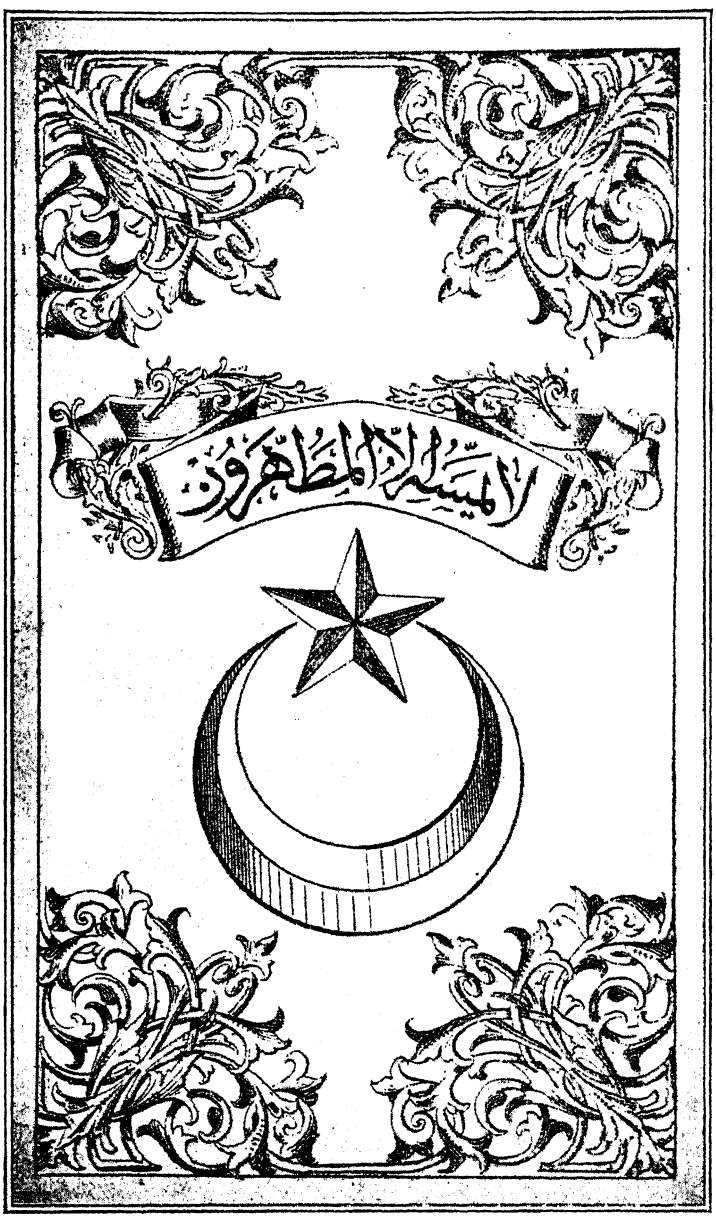
Прежде всего нужно имѣть въ виду, что, по свойству арабскаго письма, идущаго отъ правой руки къ лѣвой, арабскій текстъ Корана начинается тамъ, гдѣ европейскія книги оканчиваются, и кончается съ противоположной стороны, т. е. гдѣ европейскія книги начинаются.

Такъ какъ мусульмане относятся съ особеннымъ благоговѣніемъ къ своей священной книгѣ, то прежде всего наблюдаютъ, чтобы прикосновеніе къ ней было предваряемо омовеніемъ и потому въ нѣкоторыхъ изданіяхъ на заглавномъ листѣ ставится, въ видѣ виньетки, напдись:



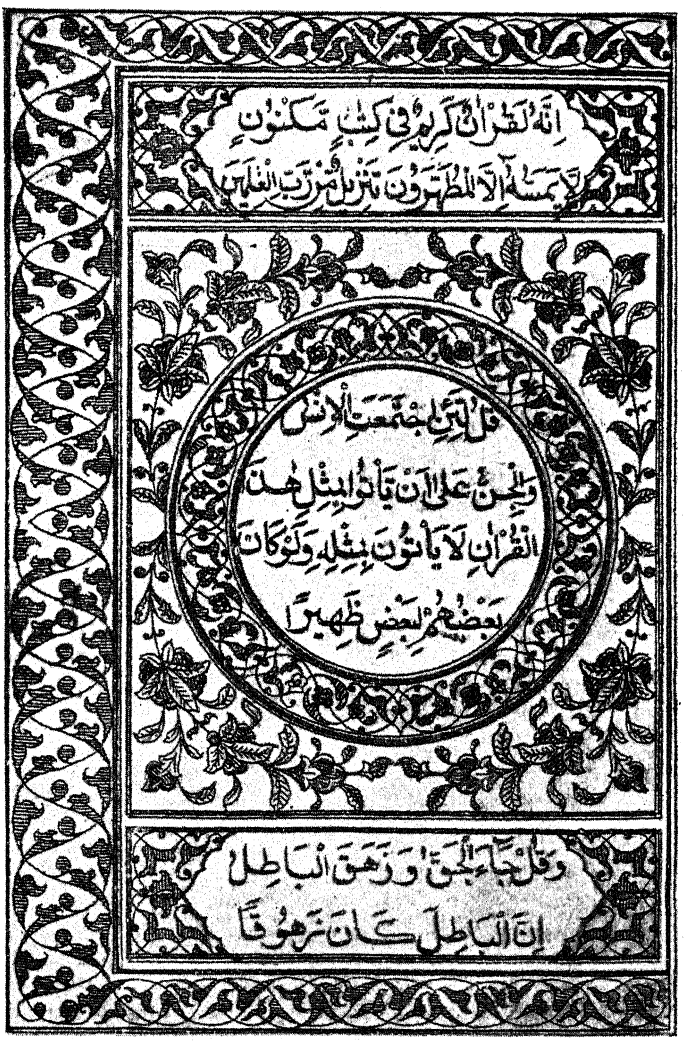
То есть: „Пусть только очистившіеся омовеніемъ касаются его. Это откровеніе Господа міровъ“ *). Этотъ Коранъ соотвѣтствуетъ подлинному списку господина нашего Османа,—да будетъ Богъ доволенъ имъ.

Въ стамбульскихъ изданіяхъ Корана, кромѣ приведеннаго изрѣченія, на заглавномъ листѣ печатается изображеніе звѣзды, охваченной полукруглымъ рогомъ луны.



*] Подлинное выраженіе Корана—гл. 56, ст. 78—79.

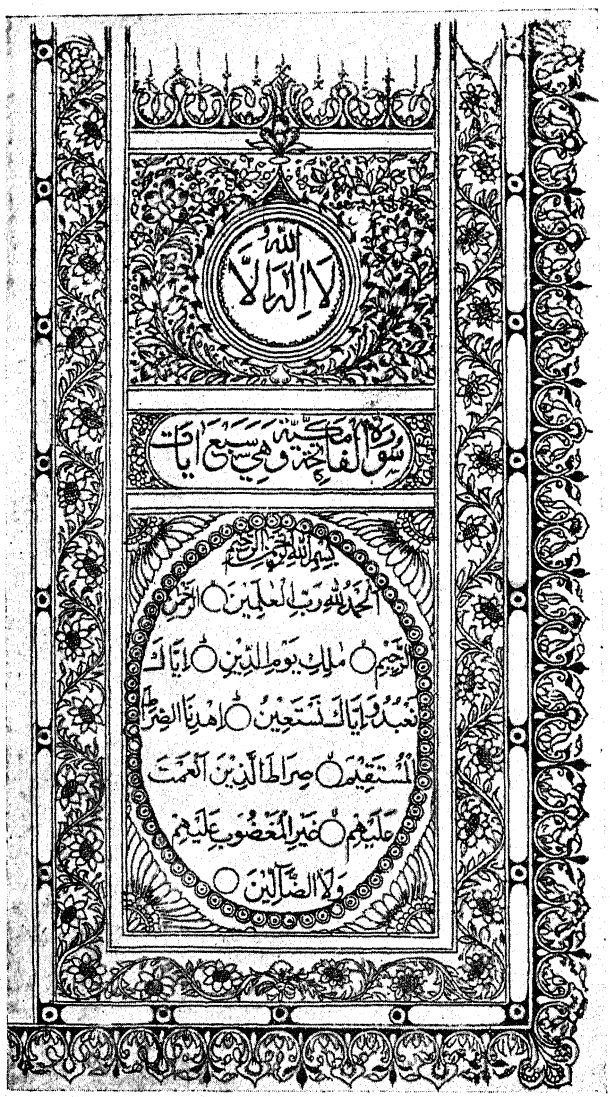
Въ Самаркандскомъ и Ташкентскомъ изданіяхъ Корана (1323=1905 г), представляющихъ собою подражаніе Бомбейскому изданію Корана (1287=1870 г.), на заглавномъ листѣ оттиснута виньетка, какъ значится на рисункѣ:



Несмотря на всѣ выгоды книгопечатанія, мусульмане всѣхъ странъ въ теченіе долгаго времени не рѣшались воспользоваться изобрѣтеніемъ невѣрныхъ европейцевъ: въ первый разъ арабскій текстъ Корана былъ напечатанъ въ Гамбургѣ въ 1694 году, а въ Петербургѣ—въ 1792 году (Саблуковъ, стр. 41). Россійскіе татары стали пользоваться услугами Казанской университетской типографіи съ 1839 г. Въ настоящее время въ Турціи, Индіи, Египтѣ и Россіи—печатается огромное число экземпл. Корана и, по привычкѣ къ рукописи, изготовляются литографнымъ способомъ особенно въ Ср. Азіи. Красивыя рукописи Корана теперь встрѣчаются очень рѣдко.

Чтобы требованіе омовенія при прикосновеніи къ Корану не было случайно нарушено, обыкновенно на корочку его переплета накладывается особая обложка, приготовляемая изъ какой-либо матеріи, въ зависимости отъ средствъ и вкуса владѣльца*).

Первые двѣ страницы Корана бываютъ украшены узорными виньетками; на правой страницѣ печатается только первая глава, состоящая всего изъ семи стиховъ и называемая „Фатиха“, что значитъ— открывающая въ см. начинающая.

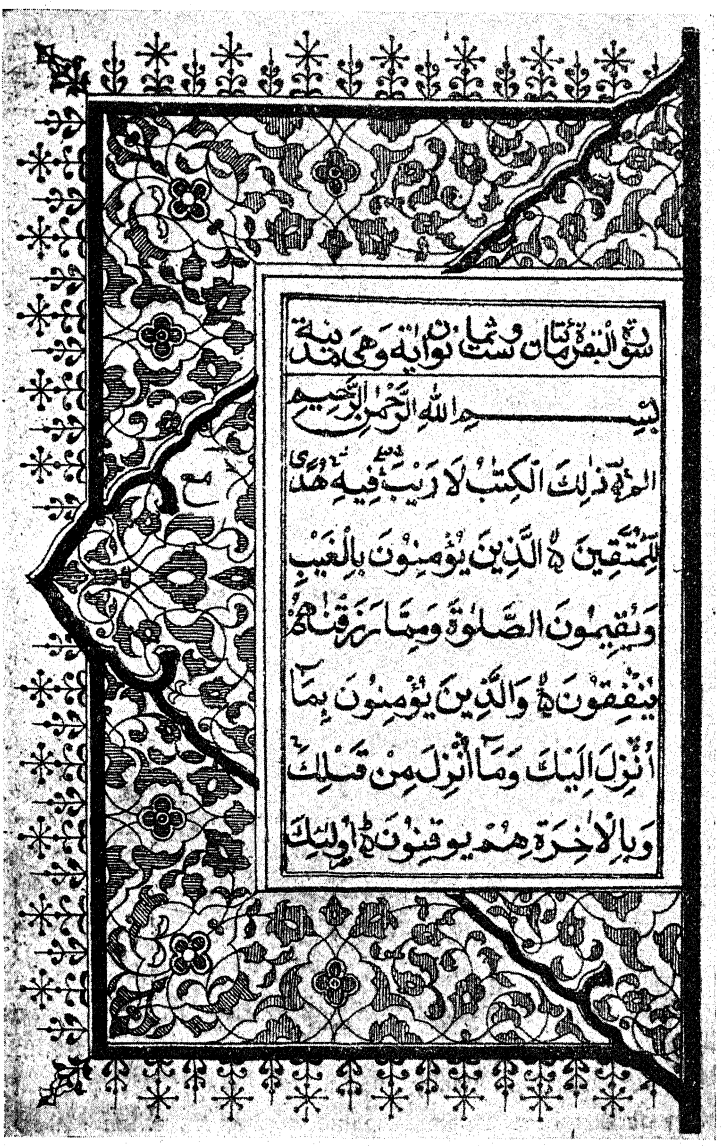


---

*) Въ домахъ Коранъ подвѣшивается въ особой сумочкѣ на стѣнѣ, чтобы св. книга случайно не оказалась подъ другими книгами.

На правой сторонѣ перваго развернутаго листа Корана печатаются соотвѣтственное число начальныхъ строкъ второй главы (первые три стиха).

(Обыкновенно обѣ первыя двѣ страницы бываютъ украшены одинаковымъ рисункомъ; но для разнообразія здѣсь представлены двѣ страницы изъ разныхъ экземпляровъ Корана).


سورة البقرة مائتان وست وثمانون آية وهي مدنية

بسم الله الرحمن الرحيم

الم ذلك الكتب لا ريب فيه هدى

للمتقين الذين يؤمنون بالغيب

ويقيمون الصلوة ومما رزقناهم

ينفقون والذين يؤمنون بما

أنزل اليك وما أنزل من قبلك

وبالاخرة هم يوقنون أولئك

На слѣдующихъ страницахъ размѣщаются продолженіе 2-й главы и всѣ прочія главы Корана до конца, съ видимыми абзатцами и особыми заглавными строками, обозначающими начало отдѣльныхъ главъ.

Всѣхъ главъ въ Коранѣ 114, которыя называются „сура'ми“ *) подобно тому, какъ у евреевъ обозначались 53 чтенія Пятикнижія словомъ „седиримъ“, а каждый изъ шести большихъ отдѣловъ Мишны былъ извѣстенъ подъ именемъ „седеръ“. Особенность Корана въ этомъ случаѣ составляетъ то, что главы его не имѣютъ между собою внутренней связи, а представляются самостоятельными частями, часто состоящими изъ нѣсколькихъ разнородныхъ отрывковъ, и въ томъ, что онѣ расположены не въ хронологическомъ порядкѣ, а по внѣшнему ихъ объему. За исключеніемъ первой главы, состоящей изъ семи краткихъ стиховъ и служащей какъ-бы введеніемъ въ Коранъ, всѣ остальныя слѣдуютъ одна за другой по степени ихъ величины: сначала идутъ главы съ большимъ количествомъ стиховъ, а потомъ болѣе краткія. Такъ 2-я глава Корана имѣетъ 286 стиховъ, 3 я глава—200 стиховъ, 4-я глава—175 стиховъ, 5-я глава—120 стиховъ и т. д. Въ концѣ Корана есть главы, напр. 108-я и 110-я, въ которыхъ всего по три стиха, 112-я и 106-я главы по четыре стиха, 105-я и 113-я въ пять стиховъ. Но указанный способъ размѣщенія отдѣльныхъ главъ въ Коранѣ по ихъ величинѣ строго не выдержанъ: такъ, въ 5 й главѣ заключается 120 стиховъ, а въ 6 главѣ 205 стиховъ; въ 7-й главѣ считается 75 стиховъ, а въ 9-й—130 стиховъ; въ 84-й главѣ 29 стиховъ, а въ 83-й главѣ 36 стиховъ. Самою короткою главой Корана является 108-я глава, въ которой всего 3 стиха, а въ 109-й главѣ 6 стиховъ. Въ послѣднихъ двухъ главахъ заключается: въ 113-й—5 стиховъ, а въ 114 главѣ—6 стиховъ*).

Вслѣдствіе такого чисто механическаго размѣщенія отдѣльныхъ главъ Корана, хронологія Корана сильно запутана: главы ранняго періода (меккскія) оказались во второй половинѣ книги, а главы болѣе поздняго появленія (мединскія) помѣщены въ первой половинѣ. Да и въ этомъ соотношеніи указанная система нарушена, такъ какъ меккскія главы перемѣшаны въ порядкѣ расположенія съ мединскими. Объясненіе этого страннаго обстоятельства дается ниже.

У каждой главы Корана, есть особое названіе, которое служитъ какъ-бы заглавіемъ для главъ Корана, хотя рѣдко отвѣчаетъ содержанію всей главы. Чаще всего такимъ названіемъ служитъ отдѣльное выраженіе, находящееся въ главѣ, будетъ-ли оно въ началѣ, или въ срединѣ, или же ближе къ концу главы, въ родѣ: „Корова, Паукъ, Пчелы*). Эту особенность Корана можно объяснить такъ: одинъ стихъ извѣстной главы, изъ котораго заимствовано заглавіе, первоначально принадлежалъ опредѣленному отрывку, а послѣ, когда разные отрывки Корана были соединены въ одну главу, отрывокъ, сохранившій свое

*) Это слово означаетъ рядъ камней въ стѣнѣ зданія, а въ Коранѣ—главу и даже отдѣльное поученіе (гл. 9, 65; гл. 24, 1).

заглавіе, далъ названіе цѣлой главѣ, въ составѣ которой онъ занимаетъ теперь иногда средину, а иногда и конецъ главы.

Обычай называть отрывки Корана по одному какому-либо слову напоминаетъ обычай евреевъ, называвшихъ извѣстный отдѣлъ Торы по начальному ея слову. Такъ, напр. книга Бытія извѣстна у евреевъ подъ названіемъ „Берешитъ“, т. е. „Въ началѣ“ и т. п. Въ надписяхъ нѣкоторыхъ псалмовъ значатся выраженія: „Не погуби“, „Аллилуіа“ и т. п.

Нѣкоторыя главы Корана**) имѣютъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ по два названія, и это съ вѣроятностію можно объяснить или соединеніемъ двухъ отрывковъ Корана, имѣвшихъ свои отдѣльныя названія, въ одну главу, или-же двумя различными списками, какими руководствовались редакторы Корана. Тоже самое извѣстно и относительно нѣкоторыхъ псалмовъ въ Библіи.

Нѣкоторымъ главамъ и отдѣльнымъ стихамъ Корана усвоены спеціальныя названія, именно:

1) Глава первая—„Фатиха“, иначе называется „Слава“;

2) Фатиха и главы 15, 24, 39 и 87, а по Камусу—главы 2—9, 14, 19, 22, 28, 29, 30. 32—34, 36, 38—40, 43—47 называютсн „Альмасани“, т. е. повторяемыя;

3) Послѣднія двѣ главы (113 и 114) называются „Аль-Муаввизатани“, т. е. охранительницы, пот. что мусульмане ограждаютъ себя словами этихъ главъ отъ искушеній и козней злого духа;

4) Глава 1-я, первые 4 стиха второй главы, 36 и 48—114 главы составляютъ особую книжку подъ именемъ „Хафтьяка, т. е. седьмой части Корана;

5) Главы 1—5 называются „Кичикь-урта“, т. е. малая середина или „четверть“ Корана, а „Катта-урта“—большая середина или половина оканчивается 18 стихомъ 18-й главы.

6) Главы 49—114 извѣстны подъ именемъ „Муфассаль“, т. е. отдѣлы.

Сначала главы Корана отдѣлялись одна отъ другой только начальнымъ молитвеннымъ выраженіемъ „Бисмилля“, хотя нельзя отрицать, что и нѣкоторыя названія главъ Корана могли быть извѣстны еще при жизни Мухаммеда.

Кромѣ того, названія главъ Корана первоначально не были такъ кратки, какъ теперь, т. е. не состояли изъ одного слова, но подписывались полнымъ предложеніемъ, какъ, напр.: „Глава, въ которой упоминается корова“. Всѣ эти длинныя заглавія, встрѣчающіяся въ

*) Главы: 20, 36, 38, 42, 50, 68, называются по буквамъ арабскаго алфавита, стоящимъ въ началѣ этихъ главъ.

**) Напримѣръ, главы: 40, 47, 67. 70 и 112 называются „Исповѣданіемъ вѣры и Исповѣданіемъ единства Божія“.

шіитскихъ комментаріяхъ Корана III-го столѣтія, были замѣнены потомъ современными краткими. Аль-Хаджаджъ запретилъ употреблять длинныя заглавія и ссылался въ этомъ случаѣ на Ибнъ Мас'уда. Споры о названіяхъ главъ встрѣчаются уже въ концѣ 1-го и началѣ 2-го столѣтій Хиджры; но, вѣроятно, тогда не было установлено всеобщаго правила, потому что полныя названія главъ Корана встрѣчались у мусульманъ и послѣ 2-го в. Хиджры. У многихъ мусульманскихъ ученыхъ того времени умоминаются эти названія, какъ говоритъ объ этомъ Нёльдеке*).

Далѣе, такъ какъ различныя главы Корана были обнародованы Мухаммедомъ или въ Меккѣ, или въ Мединѣ, то въ арабскихъ спискахъ Корана, послѣ выраженія, служащаго названіемъ главы, слѣдуетъ надпись о мѣстѣ ея появленія, съ прибавленіемъ указанія на число стиховъ главы. Надпись о мѣстѣ появленія главы обыкновенно выражена прилагательнымъ: „Меккская“ или „Мединская“.

Не всѣ однако такія обозначенія соотвѣтствуютъ исторіи вслѣдствіе путанницы, допущенной первыми собирателями Корана, о чемъ сказано ниже.

Послѣ названія главы и указанія города, въ которомъ она была обнародована, указывается число содержащихся въ главѣ стиховъ, а затѣмъ слѣдуетъ краткое молитвенное выраженіе: „Во имя Бога Милостиваго, Милосердаго“. Это выраженіе является въ началѣ рѣшительно всѣхъ книгъ и вообще писаній мусульманскаго происхожденія, точно также, какъ оно произносится мусульманами при началѣ каждаго дѣла**). Имѣя въ виду такое широкое распространеніе этого молитвеннаго воззванія, отвѣчающаго христіанскому: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа“, которое наши предки ставили въ началѣ своихъ сочиненій и даже писемъ, можетъ казаться страннымъ, что одна только „девятая“ глава Корана не имѣетъ такого выраженія. Нѣкоторые мусульманскіе толковники Корана приписываютъ это забвенію самого Мухаммеда, наведенному на него злымъ духомъ. Иные говорятъ, что въ этой главѣ упоминаются невѣрные (кяфиры), и по нечестію ихъ Богъ не повелѣлъ написать надъ ней формулу милосердія Божія. Вѣрнѣе думать, что эта глава составлялала прежде одно цѣлое съ предыдущею главой и, по отдѣленіи отъ восьмой главы въ самостоятельную, осталась безъ обычнаго молитвеннаго обращенія.

---

*) Zeschichte des Qorans“.

**) Всегда произносится оно по арабски, хотя-бы читающій совершенно не понималъ арабскаго языка, и читается въ подлинникѣ такъ: „Бисмилляги-р-рахмани р-рахимъ“.

Обычай мусульманъ ставить въ началѣ своихъ книгъ и главъ Корана молитвенное воззваніе есть обычай общій у нихъ съ евреями и восточными христіанами и пожалуй вообще съ восточными народами. Евреи въ началѣ своихъ книгъ ставили выраженіе: „Во имя Бога“, или: „Во имя Великаго Бога“, а современные Мухаммеду персидскіе маги начинали свои книги словами: „Во имя Милосердаго Бога“. Можно думать, что Мухаммедъ въ молитвенномъ возгласѣ предъ началомъ своихъ откровеній подражалъ современнымъ ему іудеямъ и персидскимъ магамъ*), религіи которыхъ упоминаются въ Коранѣ**).

Полное надписаніе главъ Корана въ русскомъ переводѣ представляется въ такомъ видѣ:

Глава Корова***).

Мединская. Двѣсти восемьдесятъ пять стиховъ.

Во имя Бога Милостиваго, Милосердаго.

По чувству благоговѣнія къ свящ. тексту и изъ опасенія искаженія его, мусульманскіе ученые, подражая древнимъ евреямъ****) сосчитали не только количество стиховъ, но и число отдѣльныхъ словъ и отдѣльныхъ буквъ своей свящ. книги. Въ разныхъ древнихъ спискахъ Корана, отъ неодинаковаго дѣленія нѣкоторыхъ главъ его на отдѣльные стихи, произошло неодинаковое число ихъ, именно:

1) въ Мединскомъ спискѣ считается 6000 стиховъ.
2) въ Меккскомъ „ „ 6219 „
3) въ Басрскомъ „ „ 6214 „
4) въ Сирійскомъ „ „ 6226 „
5) въ Куфійскомъ „ „ 6236 „
6) въ Общенародномъ спискѣ 6225 стиховъ*****).

Въ Индійскомъ, Бухарскомъ и Самаркандскомъ—литографированныхъ изданіяхъ Корана общее число стиховъ показано согласно съ Куфійскимъ, т. е. 6236, какъ и у Шейха Насыра Самаркандскаго******).

Въ англ. словарѣ Т. Патрика Хуге показаны другія цифры, именно: въ Мединскомъ—6211, въ Меккскомъ—6219, въ Басрскомъ—6204,

---

*) См. Предисловіе къ русскому переводу Корана съ англійскаго—Ал. Колмакова (С.-Петербургъ, 1792), соч. Саблукова—Свѣдѣнія о Коранѣ и трактатъ С. Клеръ-Тисдаля—„Источники ислама“. (Казань, 1910). Перев. О. Ермолаевой.

**) Коранъ, гл. 22, ст. 17.

***) О названіяхъ главъ Корана сказано ниже.

****) См. Христ. Чтеніе 1874 г., Май, стр. 3 „Исторія ветхозав. текста“. Самое названіе стиховъ Корана словомъ „аятъ“ соотвѣтствуетъ еврейскому „ойатъ“. что означаетъ Знаменіе Божіе, чудо, явленное людямъ черезъ Коранъ.

*****) См. у Сейля и Саблукова.

******) См. بستان العارفين شيخ نصر بن محمد بن ابراهيم سمرقندى

въ Сирійскомъ—6225, въ Куфійскомъ—6239. Возможно допустить, что конечная цифра 6 (въ числѣ стиховъ въ Куфійскомъ спискѣ) при наборѣ перевернулась и превратилась въ 9. Такъ называемаго „Общенароднаго" списка, который былъ установленъ послѣ „семи чтецовъ Корана", въ упомянутомъ англійскомъ словарѣ не показано.

Въ дѣленіи каждой отдѣльной главы на стихи не замѣчается также строгой послѣдовательности: нѣкоторые стихи состоятъ изъ одного краткаго предложенія, даже изъ двухъ словъ*), а нѣкоторые несоотвѣтственно длинны**). Часто къ отдѣльнымъ стихамъ присоединяются краткія выраженія для созвучія и рифмы, состоящія изъ именъ Божіихъ, напримѣръ: „Богъ знающій, мудрый (9, 107 и 111), Онъ всемогущъ (5, 120); Богъ прощающій, кроткій (2, 224) и мн. др.

На какомъ основаніи издатель газеты „Мусульманинъ" (издав. въ Парижѣ) опредѣляетъ въ своемъ сборникѣ „Шрутель-исламъ" общее число стиховъ Корана цифрою 6666,—неизвѣстно***).

Точно также замѣчается разница и въ опредѣленіи общаго числа отдѣльныхъ словъ и отдѣльныхъ буквъ въ Коранѣ: у Сейля и Саблукова число отдѣльныхъ словъ опредѣлено цифрой 77,639, а число отдѣльныхъ буквъ—323,015. Въ словарѣ же Т. Патрика Хуге число словъ Корана опредѣляется цифрой 77,934 или болѣе вѣрно—79,934, а число отдѣльныхъ буквъ—323,606 или болѣе авторитетно—338,606.

Въ книгѣ Шейха Насыра Самаркандскаго „Бустан-уль-Арифинъ" общее число стиховъ Корана опредѣлено цифрой 76,430, а общее число отдѣльныхъ словъ—323,670.

Для объясненія значительной разницы въ приведенныхъ цифрахъ, у автора настоящей книги нѣтъ данныхъ.

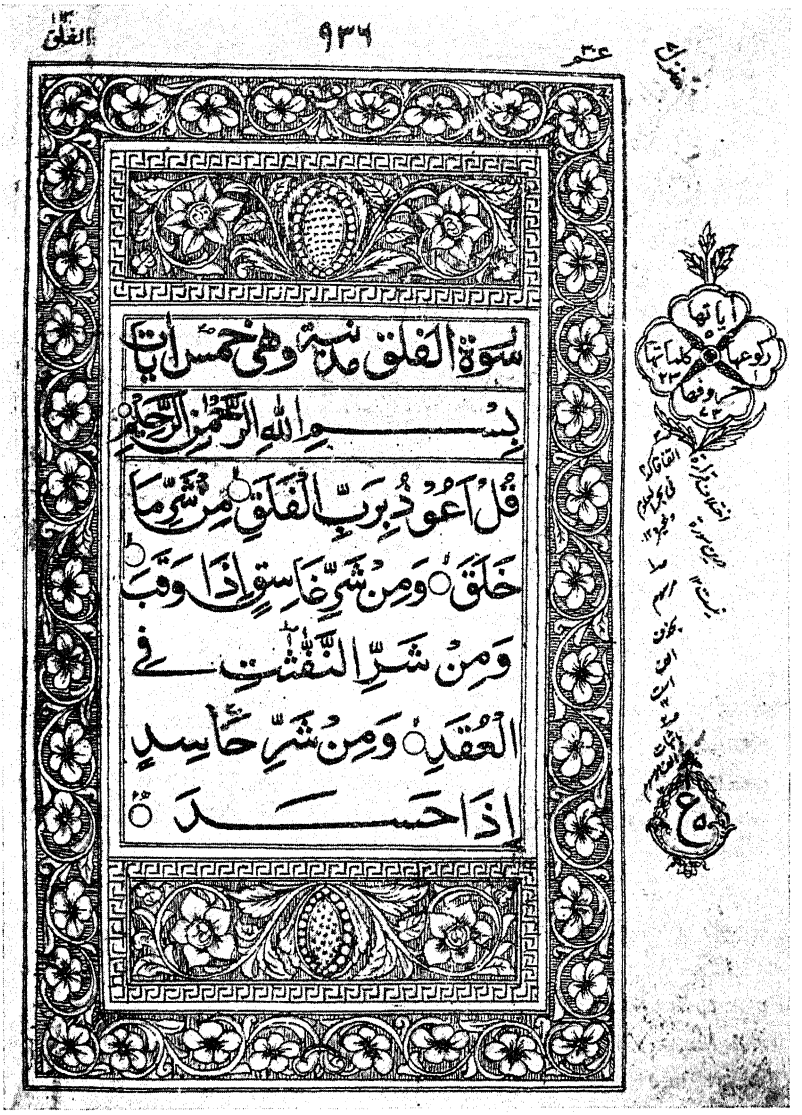
---

*] См. главы 55, 56, 74, 75, 77—82, 84—114.

**] См. гл. 2, ст. 181, 183 и 214, 231—234, 274, 282; гл. 4, ст. 12, 27—28; гл. 73, ст. 20 и др.

***) На Хаджатлаше сдѣлана здѣсь ссылка только для того, чтобы предостеречь русскихъ читателей противъ изданнаго имъ руководства по мусульманскому вѣроученію и нравоученію. Этимъ руководствомъ не возможно пользоваться для серьезныхъ научныхъ цѣлей, такъ какъ оно ни для мусульманъ, ни для русскихъ читателей не авторитетно. Не касаясь чисто богословскихъ разсужденій составителя, укажемъ на его совершенно произвольную оцѣнку историческихъ личностей библейскихъ пророковъ вообще и въ частности Давида, Соломона и др.

Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Корана на полѣ отмѣчается число стиховъ и число словъ и буквъ главы, какъ видно на рисункѣ:



Нѣкоторые стихи Корана такъ-же, какъ и нѣкоторыя главы, имѣютъ отдѣльныя названія:

256-й стихъ второй главы называется „стихомъ престола Божія“, пот. что въ немъ упоминается о престолѣ Божіемъ; 5-й стихъ девятой главы называется „стихомъ меча“, потому что въ немъ предписывается война съ невѣрными; 102-й стихъ четвертой главы называется „стихомъ опасности“, такъ какъ имъ разрѣшается мусульманскому войску сокращать молитву изъ опасенія нападенія врага; 152—165 стихи шестой главы называются „стихами прямого смысла“.

Изъ 114 главъ Корана 29 имѣютъ, кромѣ названій, ту особенность, что въ началѣ ихъ стоятъ нѣкоторыя буквы арабскаго алфавита—одна, двѣ и болѣе, именно: въ началѣ 2, 3, 29, 30, 31 и 32 главъ стоятъ буквы: А. Л. М.;

въ началѣ 7-й главы—А. Л. М. С.;

въ началѣ 10, 11, 12, 14 и 15 главъ—А. Л. Р.;

въ началѣ 13-й главы—А. Л. М. Р.;

въ началѣ 19-й главѣ—К. Г. И. Г. С.

Для нѣкоторыхъ главъ эти буквы служатъ названіемъ. Такъ, 20-я глава называется „Та-Га“ (Т. Г.); 36-я глава называется „Я-Синь“ (Я. С.); 38-я глава называется „Садъ“ (С.); 50-я глава имѣетъ названіе „Кафъ“ (К.). Въ русскомъ переводѣ Корана, сдѣланномъ Саблуковымъ, буквы эти читаются по ихъ названіямъ въ древней русской азбукѣ, на томъ основаніи, что мусульмане, во время чтенія Корана, произносятъ названія буквъ, поставленныхъ въ началѣ указанныхъ главъ, какія усвоены имъ въ арабской азбукѣ, напримѣръ: алифъ, лямъ, мимъ и т. д.

Что касается значенія этихъ буквъ, то мусульманскіе богословы думаютъ объ этомъ разно: одни утверждаютъ, что эти буквы указываютъ на различныя свойства Божіи, называемыя такими словами, начальныя буквы которыхъ выставлены въ Коранѣ. Другіе думаютъ, что эти буквы указываютъ на органы ихъ произношенія. Третьи разсматриваютъ значеніе этихъ буквъ какъ числовые знаки*). Вотъ для примѣра объясненіе буквъ А. Л. М., встрѣчающихся въ шести (а не въ пяти, какъ говоритъ г. Сейль), главахъ Корана, именно во 2-й, 3-й, 29, 30, 31 и 32. Одни толковники разумѣютъ подъ этими буквами выраженія: „Аллахъ Лятифъ Маджидъ“, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ: Богъ Милосердый, Преславный. Другіе читаютъ эти буквы такъ: „Ана ли минни“, т. е.: Я, Мнѣ, отъ Меня. Въ отношеніи къ Богу это значитъ: „Я есмь Богъ; Мнѣ принадлежитъ совершенство; отъ Меня происходитъ всякое благо“. Иные считаютъ эти буквы указаніями на слова: „Ана ллагу аглямъ“, т. е. „Я Богъ Премудрый“.

Въ такомъ приноровленіи буквъ къ сейчасъ приведенному выраженію достойно замѣчанія остроумное соображеніе мухаммеданскихъ толковниковъ: буква „а“ занимаетъ „первое“ мѣсто въ арабскомъ алфавитѣ и въ ряду этихъ буквъ; она же стоитъ въ началѣ „перваго“ слова, подразумѣваемаго подъ нимъ араб. мѣстоименія „ана“. Буква „л“ занимаетъ „среднее“ мѣсто въ арабскомъ алфавитѣ; она-же занима-

*) Г. Сейль: Предварительныя замѣчанія къ переведу Корана, а также Refutata Аббата Людовика Марраччи, извлеченныя имъ изъ мусульманскихъ сочиненій и изложенныя въ его капитальномъ трудѣ „Refutatio Alcorani“ и въ кн. Саблукова „Свѣдѣнія о Коранѣ“.

етъ „среднее“ мѣсто въ „среднемъ“, подразумѣваемомъ подъ нимъ, выраженіи „Аллахъ“. Буква „м“ занимаетъ послѣднее мѣсто въ числѣ буквъ, составляющихъ названіе главы, а въ подразумѣваемомъ выраженіи „аглямъ“ занимаетъ послѣднее мѣсто.

Среди мусульманъ суннитскаго толка болѣе распространено мнѣніе, что подъ этими буквами разумѣются три имени: „Аллахъ“, „Гавріилъ“ и „Мухаммедъ“, тѣсно связанныя съ представленіемъ о Коранѣ, именно: „Аллахъ“, какъ виновникъ откровенія, „Гавріилъ“, какъ посредникъ, и „Мухаммедъ“, какъ проповѣдникъ этого откровенія.

Въ объясненіе этихъ буквъ говорятъ также, что въ произношеніи звука, выражаемаго буквою „а“, участвуетъ отдаленная часть гортани, служащей органомъ человѣческаго голоса; въ произношеніи звука „л“ участвуетъ внутренняя полость рта, составляющая средній органъ голоса; для произношенія звука „м“ необходимо участіе губъ, послѣдней составной части голосоваго механизма. Поэтому названныя буквы могутъ означать Бога, какъ начало, средину и конецъ всего, и что Ему мы обязаны воздавать хвалу въ началѣ, срединѣ и концѣ всѣхъ нашихъ словъ и дѣяній.

Наконецъ, если переложить эти буквы на числа, то выйдетъ число 71, означающее, что религія Мухаммеда распространилась и вполнѣ утвердилась въ мірѣ въ продолженіе именно этого числа лѣтъ.

А. Шпренгеръ думаетъ, что, буквы эти были поставлены писцомъ Мухаммеда вмѣсто арабскаго выраженія: „Амира ли Мухаммедъ“, что въ переводѣ означаетъ: „мнѣ повелѣлъ Мухаммедъ“. Что касается буквъ, стоящихъ въ началѣ 19-й главы, то онѣ написаны были писцомъ Мухаммеда изъ іудеевъ и означаютъ въ переводѣ „какъ приказано“. Если-же поставленныя въ началѣ 19-й главы пять буквъ (к. г. и. г. с.) читать (какъ вырѣзки на арабскихъ печатяхъ) снизу кверху, то можно будто-бы переводить ихъ словами: „Іисусъ назарянинъ царь іудейскій“. Основаніе къ такому предположенію Шпренгеръ видитъ въ томъ, что эта глава была составлена Мухаммедомъ подъ вліяніемъ разговоровъ его со своими послѣдователями объ Іисусѣ Христѣ и что въ такомъ случаѣ каждую букву нужно считать сокращеніемъ отдѣльнаго слова, какъ это допускается въ арабской скорописи*).

Другой авторитетный оріенталистъ Нöльдеке считаетъ возможнымъ признать за окончательно рѣшенное, что находящіяся въ началѣ нѣкоторыхъ главъ буквы не были внесены въ списки Корана по распоряженію Мухаммеда, потому что было-бы странно предполагать, что Мухаммедъ присоединялъ къ своимъ проповѣдямъ, назначеннымъ для всѣхъ, такіе непонятные знаки. Поэтому Нöльдеке предполагаетъ за вѣроятное, что отдѣльныя буквы и цѣлыя группы буквъ, находя-

*] A. Sprenger, B 2, ss. 182—183. Anmerk. 1.

щіяся въ началѣ перечисленныхъ выше главъ Корана, первоначально служили знаками принадлежности извѣстнымъ лицамъ тѣхъ списковъ, которыми пользовался Зейдъ, при собираніи текста Корана, и что буквы эти, только по невнимательности издателей Корана, вошли въ окончательную его редакцію. Таковы, напримѣръ, главы: 40, 41, 43, 44, 45 и 46 главы, имѣющія въ началѣ одинаковыя буквы Х. и М. Въ ряду этихъ главъ нѣтъ только 42 главы, которая имѣетъ свою группу буквъ. Нёльдеке не находитъ ничего невѣроятнаго предполагать, что эти буквы были первоначально только замѣтками, указывавшими на имя владѣтеля списка этихъ главъ. Согласно съ такимъ предположеніемъ, онъ и объясняетъ нѣкоторыя буквы слѣдующимъ образомъ: напр. буквы А. Л. Р. онъ считаетъ сокращеніемъ собственнаго имени „Аль-Зубайръ“ (читать нужно: „Аз-Зубайръ“), который былъ однимъ изъ сотрудниковъ Зейда по редакціи текста Корана при Халифѣ Османѣ; буквы А. Л. М. Р. были сокращеніемъ имени „Аль-Мугира“; буквы Т. Х.—сокращеніемъ имени „Тальха„ и т. д. Объясненіе же, высказанное Шпренгеромъ относительно буквъ, стоящихъ въ началѣ 19-й главы*), Нёльдеке считаетъ неудовлетворительнымъ вообще и кромѣ того замѣчаетъ, что Мухаммедъ нигдѣ не высказалъ своего знакомства съ исторіею осужденія Іисуса Христа на смерть и съ надписью, сдѣланною на Его крестѣ Пилатомъ; Мухаммедъ никогда не считалъ Іисуса Христа царемъ іудейскимъ, а если-бы онъ понималъ весь смыслъ этой иронiи, то не приминулъ-бы указать на это въ Коранѣ, въ обличеніе христіанъ.

Точно также должно казаться искусственнымъ и произвольнымъ объясненіе Шпренгера относительно значенія быквы Н., поставленной въ началѣ 68-й главы Корана. Онъ говоритъ, что эта буква поставлена здѣсь, вѣроятно, для опредѣленія рифмы, съ какой написаны первые 6 стиховъ 68-й главы. Но въ такомъ случаѣ и всѣ буквы, поставленныя въ началѣ 29 главы, указывали-бы на рифму, чего однако-же въ текстѣ Корана не замѣтно. Самая единичность случая совпаденія буквы Н съ рифмою стиховъ 68-й главы Корана не ручается за истину, не говоря уже о томъ, что такимъ образомъ нужно было-бы въ каждомъ случаѣ надписей главъ Корана видѣть особыя, совершенно отличныя отъ другихъ побужденія и цѣли редакторовъ Корана, чего не допускаютъ и сами мусульмане, которые всѣ эти буквы считаютъ сокращеніемъ извѣстныхъ словъ. Такъ, наприм., Казы-Бяйзави говоритъ, что буква Н. („нунъ“) представляетъ сокращеніе арабскаго названія рыбы, какъ видно изъ эпитета пророка Іоны

*) A. Sprenger, B. 1, s 308. Anmerk 1.

„Дзу-н-нунъ“, что означаетъ „товарища рыбы“ *), о которомъ въ 68-й гл. Корана, въ ст. 48 упоминается.

Объясненіе, или вѣрнѣе только пріемъ Нёльдеке, какой онъ считалъ болѣе приложимымъ къ объясненію таинственныхъ буквъ Корана, не признается имъ самимъ окончательнымъ. Онъ говоритъ, что самая возможность читать различнымъ образомъ эти знаки дѣлаетъ все сомнительнымъ, ненадежнымъ**).

Кромѣ дѣленія текста Корана на главы (сура) и стихи (аятъ), на поляхъ арабскаго текста отмѣчаются такъ называемыя „джузы“ или „сипары***), то есть отдѣлы книги, состоящіе изъ нѣсколькихъ страницъ, въ зависимости отъ формата изданія. Въ Бомбейскомъ изданіи (1289=1872 г.), въ каждой джузѣ считается 20 страницъ in 16.

Всѣхъ джузъ въ Коранѣ тридцать****) и каждая подраздѣляется на половины и четверти, что въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Корана отмѣчается на поляхъ текста словами: четверть, половина, три четверти.

По главамъ и стихамъ Корана, джузы намѣчены въ слѣдующемъ порядкѣ:

1—съ начала 2-й гл. до 136 ст. той-же главы (всего 142 ст.).
2—съ 136 ст. 2-й главы до 254 ст. той же главы (118 ст.).
3—съ 254 ст. 2-й главы до 86 ст. 3-й гл. (125 ст.).
4—съ 86 ст. 3-й главы до 28 ст. 4-й гл. (124 ст.).
5—съ 28 ст. 4-й гл. до 147 ст. той-же гл. (119 ст.).
6—съ 147 ст. 4-й гл. до 86 ст. 5-й гл. (115 ст.).
7—съ 86 ст. 5-й гл. до 111 ст. 6 гл. (148 ст.).
8—съ 111 ст. 6 гл. до 86 ст. 7 гл. (142 ст.).
9—съ 86 ст. 7 гл. до 42 ст. 8 гл. (159 ст.).
10—съ 42 ст. 8 гл. до 95 ст. 9 гл. (138 ст.).
11—съ 95 ст. 9 гл. до 8 ст. 11 гл. (150 ст.).
12—съ 8 ст. 11 гл. до 53 ст. 12 гл. (170 ст.).
13—съ 53 ст. 12 гл. до 2 ст. 15 гл (154 ст.).
14—съ 2 ст. 15 гл. до 17 гл. (227 ст.).
15 - съ 1 ст. 17 гл. до 74 ст. 18 гл. (187 ст.).
16—съ 74 ст. 18 гл. до конца 20 гл. (269 ст.).

---

*) См толков, на гл 68.

**) Geschichte des Qorans, S. 215—216.

***) سيپاره - جوز

****) Въ Бомбейскомъ изданіи 1872 г. текстъ Корана такъ распредѣленъ по страницамъ, что каждая джуза начинается съ верхней строки лѣвой страницы разгиба. Въ Самаркандскомъ и Бухарскомъ изданіяхъ первыя строки новой джузы отдѣлены красной краской и золотомъ, а въ Индійскомъ изд. эти строки отмѣчены линейками сверху и снизу.

17—съ начала 21 гл. до донца 22 гл. (190 ст.).
18—съ начала 23 гл. до 23 ст. 25 гл. (202 ст.).
19—съ 23 ст. 25 гл. до 61 ст. 27 гл. (323 ст.).
20—съ 61 ст. 27 гл. до 44 ст. 29 гл. (166 ст.).
21—съ 44 ст. 29 гл. до 31 ст. 33 гл. (179 ст.).
22—съ 31 ст. 33 гл. до 28 ст. 36 гл. (169 ст.).
23—съ 28 ст. 36 гл. до 33 ст. 39 гл. (357 ст.).
24—съ 33 ст. 39 гл. до 47 ст. 41 гл. (175 ст.).
25—съ 47 ст. 41 гл. до конца 45 гл. (246 ст.).
26—съ 46 гл. до 31 ст. 51 гл. (195 ст.).
27—съ 31 ст. 51 гл. до конца 57 гл (399 ст.).
28—съ начала 58 гл. до конца 66 гл. (137 ст.).
29—съ начала 67 гл до конца 77 гл. (431 ст.).
30 съ начала 78 гл. до конца Корана (566 ст.).

Дѣленіе Корана на 30 джузъ или сипаръ соотвѣтствуетъ дѣленіе еврейской псалтири на 20 каѳизмъ и введено для удобства чтецовъ Корана при поминовеніи умершихъ и въ дни поста, въ мѣсяцъ Рамазанъ. Въ томъ и другомъ случаѣ обыкновенно каждый чтецъ прочитываетъ одну 30 ю часть Корана").

По тому же формальному побужденію, въ текстѣ Корана отмѣчается половина его текста не только по числу джузъ, но и по числу стиховъ и отдѣльныхъ буквъ. По числу джузъ, половина Корана приходится на 74-й стихъ 18-й главы; по числу стиховъ—на 187-й стихъ 26-й главы; по числу отдѣльныхъ словъ—на 21-й стихъ 22-й главы, а по числу отдѣльныхъ буквъ—на букву „лямъ“ въ словѣ ولْيَتَلَطَّف находящемся въ 18-мъ стихѣ 18 й главы.

Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ самое слово этого стиха ولْيَتَلَطَّف, съ котораго начинается вторая половина Корана, оттиснута болѣе чернымъ шрифтомъ, а обѣ страницы разгиба книги, украшены узорной каймой**).

Въ другихъ изданіяхъ цвѣтной каймой украшены обѣ страницы разгиба, на которомъ начинается 16-я джуза (гл. 18, ст. 74).

Въ четырнадцати (14) мѣстахъ Корана, на поляхъ стоитъ отмѣтка ۩ („сяджа“, т. е земной поклонъ), указывающая чтецу на необходимость совершенія „земного поклона“ по прочтеніи этихъ сти-

*) Стихи Корана не одинаковы по числу словъ, а потому и число стиховъ въ разныхъ джузахъ не одинаково.

*) Въ Бухарскомъ и Самаркандскомъ изданіяхъ 1905 года отмѣчена половина Корана и по числу главъ, т. е. въ началѣ 58-й главы, такъ какъ всѣхъ главъ въ Коранѣ 114, каковое дѣленіе совпадаетъ съ началомъ 28-й джузы.

ховъ, на томъ основаніи, что въ этихъ стихахъ предписывается поклоненіе Единому Богу или возбраняется поклоненіе сотвореннымъ предметамъ.

Эти стихи Корана слѣдующіе:

1) „Истинно, пребывающіе предъ Господомъ твоимъ не величаются, уклоняясь отъ служенія Ему; они хвалятъ Его и Ему „поклоняются“ (гл. 7, ст. 205).

2) „Богу добровольно и невольно „поклоняется“ все, что есть на небесахъ и на землѣ, и даже тѣни ихъ—утромъ и вечеромъ“ (гл 13, ст. 16).

3) „Богу „поклоняются“ всѣ живыя существа, какія на небесахъ и какія на землѣ, и ангелы и не величаются предъ Нимъ“ (гл. 16, ст. 51).

4) „Скажи:... истинно тѣ, которымъ прежде всего дано знаніе, когда онъ (Коранъ) читается имъ, падая ницъ на свои бороды, „поклоняются“ и говорятъ: Хвала Господу нашему! Обѣщаніе Господа Нашего совершилось“ (гл. 17, ст. 108).

5) .... „Когда имъ читались знаменія Милостиваго, они тогда, падая ницъ „поклонялись“ и плакали“ (гл. 19, ст. 59).

6) „Не видѣлъ ли ты, что Богу „поклоняется“ и то, что на небесахъ, и то, что на землѣ—и солнце, и луна, и звѣзды, и горы, и деревья, и животныя, и многіе изъ людей?“ (гл. 22, ст. 18).

Примѣчаніе: Въ Бомбейскихъ изданіяхъ Корана земной поклонъ указывается Имамомъ Шафіемъ по прочтеніи ст. 76 той-же главы: „Вѣрующіе! совершайте поясные поклоны и земные поклоны“... Но, очевидно, это необязательный земной поклонъ, въ общій счетъ не принимаемый (надъ нимъ не стоитъ цифра 7). Та-же отмѣтка значится въ Самаркандскомъ и Ташкентскомъ литограф. изданіяхъ Корана, на которыхъ ясно видно подражаніе Бомбейскому экземпляру. Въ Константинопольскомъ и Казанскомъ изданіяхъ этотъ стихъ не отмѣченъ словомъ سجدة

7) „Когда бываетъ сказано имъ: „Поклоняйтесь“ Милостивому! они говорятъ: кто этотъ Милостивый? Станемъ ли мы „поклоняться“ тому, кому ты повелѣваешь намъ! и еще дальше убѣгаютъ“ (гл. 25, ст. 61).

8) „Я нашелъ, что она (Царица Савы) и народъ ея „поклоняются“, кромѣ Бога, солнцу... „не поклоняются“ Богу... Богъ, кромѣ Его, нѣтъ никого „достопоклоняемаго“. Онъ—Господь великаго престола“ (гл. 27, ст. 24—26).

9) „Вѣруютъ въ наши знаменія только тѣ, которые, когда произносятся они (стихи Корана), падая ницъ, „поклоняются“, возсылаютъ славу Господу своему и не величаются“ (гл. 32, ст. 15)

10) „ ... Давидъ понялъ, что Мы испытываемъ его; онъ сталъ просить себѣ прощенія у Господа своего; „поклоняясь“ *) онъ палъ ницъ и каялся“ (гл. 38, ст. 23).

11) „ ... Не поклоняйтесь ни солнцу, ни лунѣ; но „поклоняйтесь“ Богу, когорый сотворилъ ихъ, если Ему поклоняться хотѣли вы“ (гл. 41, ст. 37).

Примѣчаніе: Въ этомъ случаѣ земной поклонъ слѣдуетъ дѣлать послѣ 38 стиха, который служитъ продолженіемъ предыдущаго.

12 „Богу „поклоняйтесь“ и служите“ (гл. 53, ст. 62).

13) „Почему они не вѣруютъ и, когда читается имъ Коранъ, не поклоняются?“ (гл. 84, ст. 20—21).

14) „Нѣтъ, ты ему не подчиняйся: Мнѣ „поклоняйся“, ко Мнѣ приближайся“ (гл. 96, ст. 19).

По прочтеніи каждаго изъ отмѣченныхъ стиховъ, читающій Коранъ останавливается, откладываетъ Коранъ предъ собою и, соблюдая направленіе взора къ Каабѣ (къ Меккѣ), падаетъ лицомъ ницъ до земли, произнося при этомъ:

Слава Верховному Творцу (4 раза).

Или: Слава Господу Всевышнему, Слава Ему (7 разъ).

По прочтеніи же всего Корана, чтецъ совершаетъ земной поклонъ въ слѣдующемъ порядкѣ, указанномъ въ концѣ св. книги, какъ объяснено въ приводимомъ (на стр. 43) текстѣ.

То есть: Сначала онъ выражаетъ словами свое намѣреніе نيت „Я вознамѣрился совершить земной поклонъ по случаю прочтенія всего Корана, обратившись лицомъ къ Каабѣ. Боже Великій!

Затѣмъ онъ произноситъ:

Слава Господу моему Всевышнему (три раза). Боже Великій! Поклоняюсь Милостивому и вѣрую въ Милостиваго. Прости мнѣ согрѣшенія мои, о Милостивый! Мы внемлемъ и повинуемся (слову Твоему). Господи нашъ! Твое прощеніе и къ Тебѣ мы возвратимся.

Формула, произносимая при совершеніи земного поклона (сяджда), въ Казанскихъ изданіяхъ Корана печатается въ концѣ книги, съ особымъ заглавіемъ, какъ видно на прилагаемомъ на стр 43 оттискѣ.

---

*) Въ подлинникѣ: وخرروا كعا

٥٧٢

بيان سجدة التلاوة

نويت ان اسجد سجدة التلاوة متوجها الى الكعبة الله اكبر

* سبحان ربى الاعلى ثلاث مرات * ثم يرفع راسه بقراءة الله

اكبر * ثم يقرا هذا الدعاء * سجدت للرحمن وامنت بالرحمن

فاغفر لى ذنوبى يارحمن سمعنا واطعنا غفرانك ربنا واليك

المصير ❀

Мусульмане соединяютъ свое благоговѣніе къ Корану съ самымъ процессомъ чтенія его, какъ слова Божія, и потому требуется, чтобы произнесеніе каждаго слова было не только внятнымъ, но и соотвѣтствовало бы всѣмъ правиламъ чтенія (علم التجويد).

Несоблюденіе всѣхъ правилъ чтенія считается тяжкимъ грѣхомъ и для очищенія себя отъ такого грѣха, каждый чтецъ, по прочтеніи всего Корана, или части его, читаетъ особую очистительную молитву, обыкновенно печатаемую въ концѣ книги. Въ молитвѣ испрашивается у Бога прощеніе за торопливость и медлительность въ чтеніи, за неправильное произношеніе и невнимательность, за дурныя мысли, за неправильныя остановки и перестановки словъ и т. п. Въ заключеніи молитвы призывается Божіе благословеніе на Мухаммеда и его семейство и сподвижниковъ по тысячѣ-тысячъ за каждую букву Корана.

Кромѣ отмѣтокъ земныхъ поклоновъ (Сяджа) во время чтенія Корана на поляхъ его отмѣчаются еще „мунзали“ *), числомъ семь, Такъ называются отдѣленія Корана, намѣченныя для равномѣрнаго чтенія св. текста въ продолженіе семи дней недѣли, начиная съ пятницы. Это дѣленіе представляется въ такомъ видѣ:

1 мунзаль съ начала Корана до конца 4-й главы.
2 „ съ начала 5-й главы до конца 9-й гл.
3 „ съ начала 10-й главы до конца 17-й гл.

*) منزل Эти дѣленія отмѣчаются не во всѣхъ изданіяхъ Корана. Въ англ. словарѣ Т П. Хуге дано неправильное объясненіе этому слову.

4 „ съ начала 18-й главы до конца 25-й гл.
5 „ съ начала 26-й главы до конца 36-й гл.
6 „ съ начала 37-й главы до конпа 49-й гл.
7 „ съ начала 50-й главы до конца Корана.

Въ подтвержденіе изложеннаго объясненія термина „Мунзаль“, приводятся слѣдующія преданія Ибнъ-Аббаса:

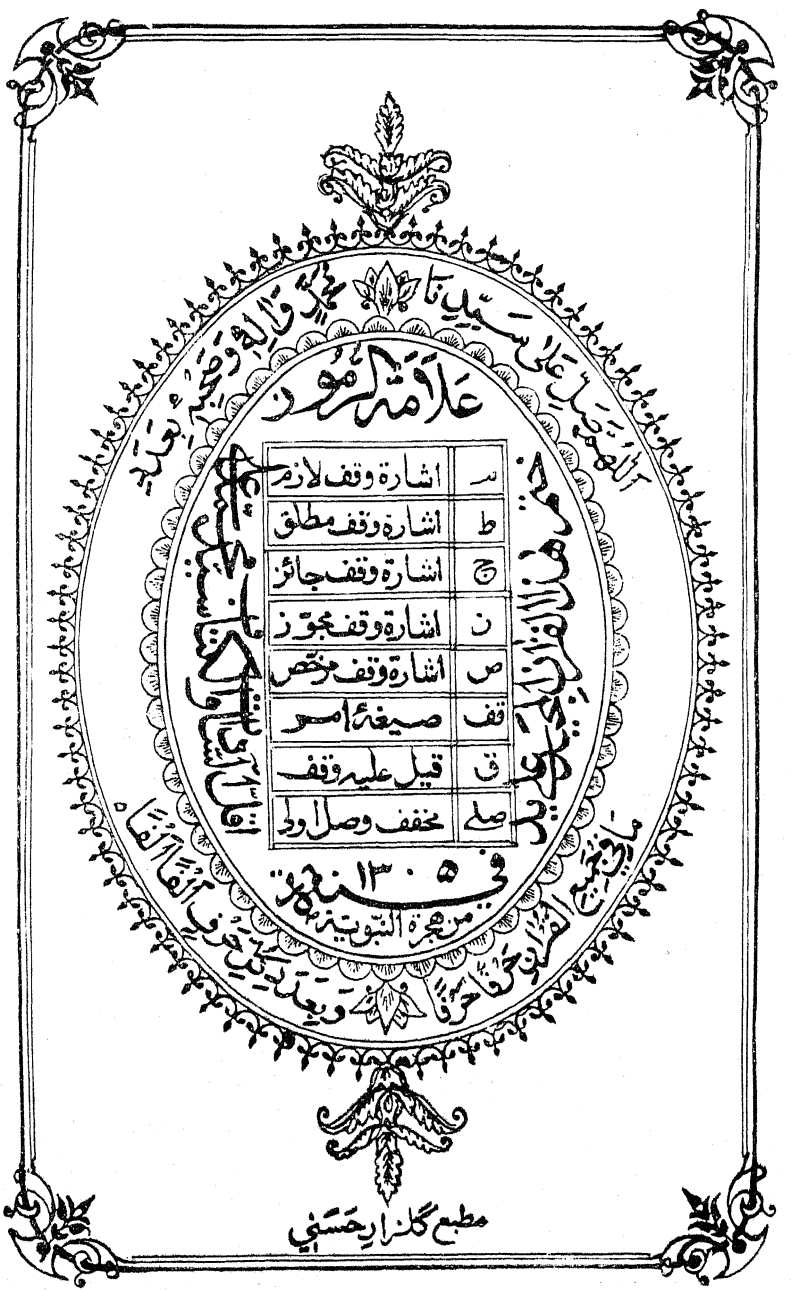
عن عبدالله بن عباس رضى الله تعالى عنه عن رسول الله صلى الله عليه وسلم من كان حاجته عندالله تعالى فليختم القرآن على هذا النسق يبتدى من يوم الجمعه من اول القرآن الى آخر سورة المائدة يوم السبت من سورة الانعام الى آخر سورة البرائه يوم الاحد من سورة يونس الى آخر سورة المريم يوم الاثنين من سورة طه الى آخر سورة طسم القصص يوم الثلاثا من سورة العنكبوت الى آخر سورة ص يوم الاربعا من سورة زمر الى آخر سورة الرحمن يوم الخميس من سورة الواقعه الى آخر القرآن ثم الله فليسجو وليسئل حاجته فانه لايقوم من مقامه الايقضى حاجته وقال ابراهيم محمود القدسى رح من سئل حاجته فى هذا الختم وجد حاجته بلاشك طريقه ختم احزاب عن رسول الله صلعم

بروز جمع خواندى ازالف لام رساندى ختم خودرا تا با نعام
بشنبه زاول انعام خواندى ولى تا آخر توبه رساندى
بيك شنبه زيونس باحلاوت رساندى تا سرطه تلاوت
بدوشنبه زطه كرداغاز قصص رانيز خواندى اى سرافراز
سه شنبه عنكبوت اوكرد بنياد رساندى ختم خود تا آخر صاد
بروز چهارشنبه ازمرخوان طريق ختم را ابن نوع دانان
برور پنجشنبه شاه دوران بخوانداز واقعه تا ختم قرآن
برين ترتيب ميدان ختم احزاب كه روشن شدز پيغمبر باصحاب

Въ Бомбейскомъ изданіи Корана на поляхъ отмѣчены еще небольшіе отдѣлы (въ двѣ страницы in 16), причемъ главы, небольшія по объему, составляютъ отдѣлъ. Послѣдняя отмѣтка стоитъ въ началѣ 59-й главы, такъ какъ слѣдующія главы уже небольшія по объему. Эти отдѣлы извѣстны подъ именемъ „Макра“ مقرا и соотвѣтствуютъ „зачаламъ“ въ нашемъ Евангеліи, читаемымъ во время богослуженія.

Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Корана, какъ, напримѣръ, въ Самаркандскомъ литографированномъ изданіи, отмѣчаются на поляхъ мѣста Корана для чтенія ихъ во время разныхъ ежедневныхъ молитвъ: утренней, полуденной, вечерней и др.

Наконецъ, для правильности чтенія св. текста Корана, издатели его ставятъ не только всѣ надстрочные и подстрочные знаки произношенія, но и знаки различныхъ остановокъ во время чтенія, установленныхъ „Наукой чтенія“ *). Эти послѣдніе знаки обыкновенно обозначаются сокращеніями ихъ полныхъ названій, какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ.



*) علم التجويد — علم قراءة

Даже невольное нарушеніе этихъ правилъ составляетъ грѣхъ, для очищенія котораго, по прочтеніи Корана, читается слѣдующая молитва:

„Боже! Прости мнѣ, если я, во время чтенія Корана, прибавилъ что-нибудь или опустилъ, сдѣлалъ погрѣшность, или опущеніе, или ошибку, показалъ невниманіе или забвеніе, поторопился или замедлилъ, худо помыслилъ или усумнился. Прости слабость моего усердія во время чтенія, также оставленіе мною „мадды", или „тадждида", или „танвина" *); оставленіе паузы на опредѣленномъ мѣстѣ, или допущеніе паузы тамъ, гдѣ она не положена; соединеніе словъ, которыя должно было раздѣлить при произношеніи, или перестановку слова изъ его мѣста. Не накажи меня за все это, но прости мнѣ по благости и милосердію Твоему, о Милосердный изъ милосердныхъ. Да будетъ благословеніе Божіе надъ лучшимъ изъ твореній Божіихъ— Мухаммедомъ и надъ всѣмъ его семействомъ. Боже! Даруй благословеніе Мухаммеду, семейству его и сподвижникамъ его по числу буквъ, сколько ихъ есть въ Коранѣ въ тысячу-тысячъ разъ на каждую букву, по милосердію твоему, о Милосердный изъ милосердныхъ.

Въ литографированномъ Индійскомъ экземплярѣ Корана (см. выше стр. 19) эта молитва распространена трудно переводимыми выраженіями, въ которыхъ перечисляются разные дары Божіи, отвѣчающіе первой буквой своего названія той или другой буквѣ араб. алфавита, въ родѣ: за букву б—благословеніе, за букву в—вѣдѣніе, за букву р—рай и под.**).

Чтобы избавиться отъ всѣхъ возможныхъ погрѣшностей при чтеніи Корана, въ которыя чтецъ можетъ впасть по злому внушенію шайтана, установлено приступать къ чтенію св. книги послѣ произнесенія словъ Корана-же: „Прибѣгаю къ покровительству Бога отъ шайтана, прогоняемаго камнами" (гл 16, ст. 100). Это заклинаніе произносится всегда, безъ исключенія, даже въ школѣ малыми дѣтьми, когда они раскрываютъ св. книгу и хотятъ читать въ ней заданный имъ учителемъ урокъ.

*) Надстрочные и подстрочные гласные знаки.

**) См. у Саблукова „Свѣдѣнія о Коранѣ", стр. 73—76.

3. Происхожденіе Корана и обнародованіе его.

По вѣрованію мусульманъ, Коранъ есть истинное слово Божіе, предвѣчно написанное на небесной скрижали, тщательно сохраняющейся на небѣ*), подъ престоломъ Аллаха и извѣстной подъ именемъ „Умму-ль-китабъ“ **). Ангелы охраняютъ эту скрижаль со всѣхъ сторонъ, чтобы демоны не проникли въ тайны ея содержанія. Эта скрижаль такъ же длинна, какъ разстояніе неба отъ земли, и такъ же широка, какъ разстояніе между востокомъ и западомъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ мусульманскихъ ученыхъ, скрижаль была первымъ твореніемъ божественнаго всемогущества и сдѣлана изъ драгоцѣннаго камня ослѣпительной бѣлизны.

Съ самаго верхняго (седьмого) неба архангелъ Гавріилъ низводилъ въ сознаніе Мухаммеда содержаніе Корана по частямъ, по мѣрѣ надобности, въ теченіе 23-лѣтней проповѣднической дѣятельности Мухаммеда въ Меккѣ и Мединѣ. Первое откровеніе Мухаммеду было въ 27-ю ночь мѣсяца Рамазана, извѣстную подъ именемъ „Ночи опредѣленій“ ***), т. е. 31 іюля—1 августа 612 г.

Ученіе о томъ, что подлинникъ Корана хранится на небѣ, было высказано Мухаммедомъ по слѣдующему случаю: меккскіе язычники не хотѣли вѣрить, что Коранъ ниспосланъ отъ Бога, и думали, что ученіе, проповѣдуемое Мухаммедомъ, измышлено имъ самимъ****) и требовали или явнаго ниспосланія Корана съ неба*****), или явленія ангела******) въ подтвержденіе заявленія Мухаммеда. О такомъ недовѣріи язычниковъ-арабовъ и іудеевъ къ словамъ проповѣдника Корана сохранились ясныя указанія въ текстѣ Корана: „Невѣрующіе говорятъ: о если-бы Коранъ былъ ниспосланъ ему въ полномъ составѣ!—

*) Коранъ, гл. 13, ст. 39; гл. 56, ст. 76—77; гл. 80, ст, 13—15.

**) Буквально; „Мать книги“, т е. Корапа (гл. 13, ст. 39).

***) Коранъ, гл. 2, ст. 181; гл. 44, ст. 2—3; гл. 97, ст. 1—5.

****) Коранъ, гл. 10, ст. 39; гл. 25, ст. 5; гл. 32, ст. 2; гл. 6, ст. 105; гл. 16, ст. 105; гл. 44, ст. 13.

*****) Коранъ, гл. 74, ст. 52; гл. 25. ст. 34.

******) Коранъ, гл. 6, ст. 8; гл. 11, ст. 15; гл. 15, ст. 7; гл. 25, ст. 8.

Такъ, чтобы укрѣпить твое сердце, Мы раздѣлили его на отдѣлы. Какъ скоро они задаютъ какой-нибудь вопросъ, Мы тогда же даемъ тебѣ истину и наилучшія толкованія" (гл. 25, ст. 34 и сл.). Мухаммедъ отвѣтилъ также отъ имени Божія: „Мы раздѣлили Коранъ на отдѣлы, чтобы ты читалъ его людямъ съ разстановками: для того Мы ниспослали его разновременными откровеніями" (гл. 17, ст. 107). И еще: „Да, каждый изъ нихъ пожелаетъ, чтобы ему были даны развернутые свитки...—Нѣтъ, этого не будетъ. Они не боятся будущей жизни") гл. 74, ст. 52—53). „Коранъ—на свиткахъ досточтимыхъ, высокихъ, чистыхъ, начертанныхъ руками писцовъ сановитыхъ, праведныкъ" (гл. 80, ст. 13—15). „Истинно, Коранъ есть наставленіе; кто захочетъ, тотъ получаетъ наставленіе отъ него; не получаютъ отъ него наставленія тогда только, когда захочетъ Богъ: Богъ—виновникъ благочестія, Онъ—виновникъ прощенія" (гл. 74, ст. 54—55 .

Мысль о томъ, что ученіе Корана изложено на скрижали, хранимой на небѣ, повторено еще въ гл. 85, ст. 21—22. Но невѣрующіе возражали: „О, если бы Коранъ былъ ниспосланъ ему въ полномъ составѣ одновременно? (Гл. 25, ст. 34).

Жители Мекки возражали и противъ того, что Коранъ ниспосланъ Мухаммеду на понятномъ для всѣхъ мѣстномъ языкѣ... Но Мухаммедъ отъ имени Божія отвѣчалъ на это возраженіе: „Если-бы Мы изложили его на иностранномъ языкѣ, они непремѣнно сказали бы: о, если бы его знаменія были изложены ясно! Иностранная рѣчь тоже ли, что и арабская? Скажи: для вѣрующихъ Коранъ—руководство и врачевство, а у невѣрующихъ въ ушахъ глухота; Коранъ для нихъ непроглядная темнота; они подобны тѣмъ, которымъ кричатъ изъ отдаленнаго мѣста... (Гл. 41, ст. 44—45).

Противниками Мухаммеда было, повидимому, распространено мнѣніе, что свитки Моисея не были подлинны и что ему были сообщены Богомъ на скрижаляхъ только десять заповѣдей, а не весь Законъ (гл. 32, ст. 23—25). И хотя Мухаммеду было открыто, что Тора не была письменно сообщена Моисею, онъ уже не могъ взять обратно свое утвержденіе о томъ; но такъ какъ его противники оставались при своемъ требованіи, то Мухаммедъ надумалъ имъ лучшій отвѣтъ: „Невѣрные изъ знающихъ писаніе и изъ многобожиковъ не раздѣлялись въ вѣрѣ, пока не пришла къ нимъ „очевидность"—посланникъ отъ Бога, читающій чистые свитки, въ которыхъ праведныя писанія. Тѣ, которымъ было дано писаніе, раздѣлились только послѣ того, какъ пришла къ нимъ очевидность" (гл. 98, ст. 1—3 и сл.).

Мухаммедъ, влѣдствіе неполной освѣдомленности своей въ вопросахъ религіи, особенно когда нужно было касаться и другихъ религій

(еврейской и христіанской) высказывалъ нерѣдко ошибочныкъ мнѣнія, отъ которыхъ долженъ былъ потомъ отказываться, или измѣнялъ обнародованныя уже постановленія. Такими разнорѣчіями въ своихъ откровеніяхъ онъ колебалъ вѣру своихъ слушателей въ истинность проповѣдуемой имъ религіи; поэтому слушатели его проповѣдей высказывали желаніе получить такое откровеніе, которое не подвергалось бы никакому измѣненію. Въ 32-и главѣ Корана онъ начинаетъ съ завѣренія слушателей въ томъ, что относительно откровенія его не должно быть сомнѣнія, что оно исходитъ отъ Господа міровъ: „Скажутъ ли они, что онъ самъ выдумалъ его? Нѣтъ, Коранъ—истина, исходящая отъ Господа“... (ст. 2). И затѣмъ онъ прибѣгаетъ къ угрозамъ Божіимъ наказаніемъ за сомнѣніе и невѣріе арабовъ. А въ 6-й главѣ (ст. 7) онъ говорилъ: „Если бы Мы ниспослали тебѣ писаніе даже въ харатейномъ спискѣ и невѣрные осязали бы его своими руками, то и тогда сказали бы: это—очевидное волшебство! О если бы къ нему былъ ниспосланъ ангелъ? Но если бы Мы ниспослали ангела, то это кончилось бы для нихъ“ (наказаніемъ). Мухаммедъ ясно сознавалъ затруднительность своего положенія и опасался, что ему не повѣрятъ, и потому нѣкоторое время отказывался убѣждать своихъ слушателей въ невозможности и неосновательности ихъ претензій; но соображая, что надо же чѣмъ-нибудь урезонить ихъ, онъ торжественно объявилъ имъ: „Клянусь симъ яснымъ писаніемъ: Мы ниспослали его въ одну благословенную ночь, во время которой раздаются всѣ мудрыя повелѣнія, по повелѣнію, отъ Насъ исходящему, въ знаменіе милосердія Господа твоего... Но они, при своемъ сомнѣніи, находятся въ обольщеніи... Потому жди того дня, въ который небо произведетъ ясно видимый дымъ,—онъ покроетъ сихъ людей, и—это будетъ мучительная казнь“ (гл. 44, ст. 1—10).

Эту же мысль Мухаммедъ повторилъ въ гл. 97-й: „Мы ниспослали его въ ночь опредѣленій... Ночь опредѣленій лучше тысячи мѣсяцевъ: во время ея ангелы и Духъ, по изволенію Господа ихъ, нисходятъ со всѣми повелѣніями Его. Она мирна до появленія зари“.

Слѣдуетъ замѣтить, говоритъ Шпренгеръ, что это откровеніе и предшествующій отрывокъ (80, 12—15), а также первоначальное требованіе язычниковъ относительно реальнаго свитка*) имѣютъ одну и ту же рифму и написаны въ одномъ стилѣ, причемъ въ гл. 80-й женскій родъ внезапно переходитъ въ мужской, чѣмъ она приведена въ согласіе съ 74, 54.

*) „Зачѣмъ было уходить имъ отъ этого ученія, подобно тому, какъ бѣгутъ отъ льва пугливые ослы? Да, каждый изъ нихъ пожелаетъ, чтобы ему даны были развернутые свитки. Нѣтъ, этого не будетъ. Они не боятся будущей жизни“... (Гл. 74, ст. 50—54).

Таляби говоритъ, что „Ночь опредѣленій“ соотвѣтствовали Вербному Воскресенію христіанъ. О ней упоминается еще одинъ разъ въ Коранѣ (гл. 2, ст. 181—183), гдѣ сказано, что она падаетъ на мѣсяцъ Рамазанъ. Самый день мѣсяца, когда былъ ниспосланъ Коранъ, мусульманскіе толковники не могутъ опредѣлить съ точностью, но Вербное Воскресеніе совпадало съ мѣсяцемъ Рамазаномъ въ 621, 622 и 623 годахъ. Такимъ образомъ Коранъ долженъ былъ открытъ Мухаммеду въ одинъ изъ такихъ трехъ годовъ для сличенія.

Преданіе поясняетъ, что Арх. Гавріилъ ежегодно приносилъ съ неба Коранъ и показывалъ его Мухаммеду, а послѣдній сличалъ свои откровенія съ небеснымъ оригиналомъ. Ибнъ-Исхакъ полагаетъ, что Мухаммедъ получилъ первое откровеніе и читалъ небесную книгу въ мѣсяцѣ Рамазанѣ и что Арх. Гавріилъ, являвшійся арабсколу пророку въ пещерѣ горы Хира, имѣлъ въ рукахъ книгу, обернутую въ золотую ткань. Очевидно, основаніемъ для такого преданія служило занесенное въ Коранъ первое обращеніе ангела къ Мухаммеду: „Читай!“ (гл. 96, ст. 1). Возможно, что видѣніе Мухаммедомъ ангела сопровождалось и видѣніемъ „книги“ (свитка).

Но невѣрующіе возражатели Мухаммеда не только требовали, чтобы ангелъ доставилъ ему книгу при дневномъ свѣтѣ, но указывали и на то, что онъ получаетъ откровеніе частями, постепенно и самъ выступаетъ съ откровеніями не въ полномъ ихъ объемѣ. Вполнѣ возможно, говоритъ Шпренгеръ, что уже въ 614—615 г. Мухаммедъ стремился удовлетворить этому требованію и только позднѣе сталъ защищать цѣлесообразность постепеннаго обнародованія частичныхъ откровеній. При помощи своего ментора, онъ въ это время былъ усердно занятъ поэтической обработкой легенды о пророкахъ и, чтобы не встрѣтить въ трудностяхъ формы препятствій на пути, неожиданно сдѣлалъ измѣненія въ своемъ стихѣ. Прежде его стихъ былъ кратокъ, языкъ благозвученъ и рифма изыскана, а послѣ стихи удлинялись, выраженія становились прозаичными и рифма обыкновенно оканчивалась на „унъ“, т. е. имѣла столь простую рифму, что ее можно было употреблять въ разговорѣ. Словомъ, Мухаммедъ не давалъ себѣ труда, какъ раньше, старательно обработывать откровеніе... Если такое предположеніе сколько-нибудь основательно, то слова Божіи въ Коранѣ: „Мы дали тебѣ семь повторяемыхъ стиховъ и великое чтеніе“ (гл 15, ст. 87) выражаютъ удовлетвореніе по поводу полученія столькихъ откровеній въ очень короткій періодъ.

Чтобы показать, какъ рано образовались существующія о Коранѣ сказанія, Шпренгеръ изслѣдовалъ преданіе о томъ, что ежегодно, въ мѣсяцъ Рамазанъ, Арх. Гавріилъ повторялъ Коранъ съ Мухаммедомъ

и прочитывалъ его весь такимъ образомъ. У Бохари записано преданіе отъ имени Ибнъ-Аббаса: „Пророкъ всегда былъ благонастроенъ, но болѣе всего—въ мѣсяцъ Рамазанъ, такъ какъ ангелъ Гавріилъ имѣлъ обыкновеніе посѣщать его каждую ночь въ продолженіе этого мѣсяца до конца, чтобы пророкъ прочитывалъ ему Коранъ для сличенія (съ небеснымъ подлинникомъ). Въ другомъ преданіи, отъ имени Абу-Хорайры, Бохари передаетъ такъ: „Коранъ ежегодно преподносился пророку одинъ разъ для сличенія, а въ годъ смерти пророка это было сдѣлано два раза. Пророкъ имѣлъ обыкновеніе посвящать ежегодно десять дней духовному созерцанію, а въ годъ смерти предавался созерцательному подвигу въ теченіе двадцати дней.

Въ этихъ двухъ преданіяхъ, идущихъ отъ разныхъ сподвижниковъ Мухаммеда, Шпренгеръ видитъ древность несомнѣнную, но не вѣритъ самой древности и скептически спрашиваетъ: кто ее сочинилъ?

Отъ имени же Айши (любимой жены Мухаммеда) у того же Бохари записано такое преданіе: „Фатима (дочь Мухаммеда) встрѣтилась однажды на одной дорогѣ съ пророкомъ. Онъ привѣтствовалъ ее, усадилъ подлѣ себя и довѣрилъ ей какую-то тайну. Когда она выслушала, то заплакала. Тогда пророкъ разсказалъ ей другую тайну, и она послѣ того обрадовалась и улыбалась. До смерти пророка она никому не разсказывала объ этой тайнѣ, а послѣ смерти его передала слова пророка, сказанныя ей: „Гавріилъ—говорилъ онъ—сличалъ со мною Коранъ одинъ разъ въ годъ, но въ этомъ году онъ сличалъ со мною Коранъ дважды. Я заключаю изъ этого, что близокъ мой конецъ и ты будешь первымъ лицомъ изъ моей семьи, которое послѣдуетъ за мною въ рай“... Услышавъ эти слова, я заплакала, но пророкъ прибавилъ тогда: „Развѣ ты не довольна, что будешь царицей надъ женщинами въ раю и надъ правовѣрными женами?... Тогда я засмѣялась“, сказала Айша.

Шпренгеръ разсуждаетъ по этому случаю, что это преданіе было извѣстно въ 58 или 59 г. гиджры и что оно было придумано въ годъ смерти Айши (57-й годъ гиджры). Но если въ 57—58 году понадобилось такое преданіе, то значитъ, что среди ученыхъ того времени существовало сомнѣніе относительно неизмѣнности Корана, такъ какъ было извѣстно, что пророкъ многія откровенія впослѣдствіи измѣнялъ или даже уничтожалъ. Не напрасно поэтому было сказано въ Коранѣ (13, 39): „Богъ, что захочетъ, то уничтожаетъ (въ Коранѣ), или утверждаетъ: у Него находится первоначально написанный свитокъ Писанія (Мать книги).

Подобныя-же требованія, кромѣ меккскихъ язычниковъ, предъявляли Мухаммеду и іудеи. „Они говорили: Богъ ни одному человѣку никогда не ниспосылалъ ничего свыше. Скажи, кто ниспослалъ Писаніе,

которое принесъ Моисей для просвѣщенія и руководства людямъ, которое вы пишите на хартіяхъ; которое показываете, а многое скрываете; которымъ научены вы тому, чего прежде не знали ни вы, ни отцы ваши? Скажи: Богъ. И послѣ того оставь ихъ въ этомъ омутѣ, въ которомъ купаться имъ любо" *). Въ объясненіе этого стиха, въ мусульманскомъ преданіи говорится, что одинъ іудей, по имени Маликъ, пришелъ въ Мекку поспорить съ пророкомъ. Пророкъ сказалъ ему: „заклинаю тебя Богомъ, который далъ Моисею Законъ, скажи мнѣ: не написано-ли въ Законѣ (Тора), что нѣкоторые раввины разжирѣютъ". Маликъ, который былъ плотнаго тѣлосложенія, разсердился и сказалъ: „Богъ ничего не открывалъ человѣку". Когда іудеи услышали слова Малика, то порицали его и говорили: „какъ? развѣ Богъ не открылъ Моисею Тора? Какъ можешь говорить это?" Онъ отвѣтилъ: „Мухаммедъ разсердилъ меня, и я въ гнѣвѣ сказалъ эти слова". Тогда, іудеи сказали: „если ты въ гнѣвѣ говоришь такія вещи, то ты не достоинъ раввиннскаго званія", и низложили его, а на его мѣсто поставили другого раввина. Ибнъ-Аббасъ говоритъ о томъ-же слѣдующее: іудеи спросили пророка: ниспослалъ-ли Богъ тебѣ книгу съ неба? Онъ отвѣтилъ: да—Они сказали: Богъ не ниспосылалъ никакой книги съ неба (Онъ только вдохновляетъ пророковъ)".—Этотъ споръ Мухаммеда съ іудеями, деже въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ въ преданіи, показываетъ, что іудеи особенно возставали противъ ученія и о божественномъ происхожденіи Корана и очень сильно и мѣтко возражали Мухаммеду.

Когда-же Мухаммедъ не могъ отвѣчать на хитрые вопросы своихъ противниковъ, тогда онъ сослался на то, что Богъ попускаетъ ему нѣчто забывать изъ откровеній, и что вслѣдствіе забвенія, онъ не можетъ дать прямой отвѣтъ на предлагаемые ему вопросы**). Въ утѣшеніе себя онъ говорилъ: „Господи! Народъ мой считаетъ сей Коранъ пустословіемъ. Такъ, каждому пророку Мы (Богъ) ставили враговъ нечестивыхъ; но Господь твой достаточный для нихъ вождь и помощникъ. Невѣрующіе говорятъ: о если-бы Коранъ былъ ниспосланъ ему въ одномъ полномъ составѣ! Ну, такъ, для того, чтобы укрѣпить твое сердце,—мы раздѣлили его на отдѣлы" ***).

Иногда-же Мухаммедъ, не находя въ своей головѣ отвѣта противникамъ, говорилъ, что Богъ потому не творитъ чуда, что арабы—невѣжды, что чудеса не образумили-бы ихъ, что ангелы могли бы быть ниспосланы на землю, если бы на землѣ жили ангелы, но это

*) Коранъ, гл. 6, ст. 71.

**) Коранъ, гл. 2, ст. 100; гл. 11, ст. 15. гл. 87. 6—7; гл. 5, ст. 101; гл. 18, ст. 23.

***) Коранъ, гл. 25, ст. 32—34.

было бы гибельно для людей, Богъ совершилъ бы и чудо, если бы арабы увѣровали въ Коранъ.*)

Отстаивая предъ невѣрующими арабами ученіе о божественномъ происхожденіи Корана, отъ вѣчности написанномъ на небесной скрижали, Мухаммедъ далъ поводъ ближайшимъ поколѣніямъ спорить о предвѣчной реальности Корана. Мухаммедъ ясно и опредѣленно утверждалъ, что Коранъ, ниспосланный ему Богомъ, есть вѣчная копія небесной скрижали, на которой письменною тростью писали слова Божіи небесные писцы (какъ сказано выше). Послѣдователи Мухаммеда, подъ вліяніемъ еретическихъ ученій, доводили свои правовѣрные взгляды до абсурда. Именно Ханбалиты**) утверждали, что слово Божіе (Коранъ) вѣчно и состоитъ изъ членораздѣльныхъ звуковъ, которые зависятъ отъ сущности Творца. Нѣкоторые же изъ нихъ, въ своемъ фанатическомъ ослѣпленіи, доказывали, что вѣчно не только слово Божіе, написанное въ Коранѣ, но вѣчны даже обложка и футляръ, въ которомъ заключенъ свитокъ Корана. Такое крайнее мнѣніе раздѣлялъ даже Шахристани***).

Противъ столь грубаго взгляда на Коранъ возстали такъ называемые „Мутазилиты“, а Ашариты держались средняго взгляда. Ашари, при своихъ природныхъ дарованіяхъ, былъ философски-образованнымъ мыслителемъ, находился долгое время подъ вліяніемъ Мутазилитовъ и потому не могъ не замѣтить грубаго реализма и явныхъ несообразностей правовѣрныхъ мусульманъ, сторонниковъ древняго взгляда на Коранъ и его свойства. Онъ выработалъ другой, болѣе отвѣчавшій здравому смыслу взглядъ на Коранъ, какъ на слѣдствіе Божественнаго вдохновенія, и что выраженія, въ какихъ изложено ученіе Корана, представляютъ собою только внѣшнюю оболочку вѣчнаго слова Божія, но сама эта оболочка отнюдь не вѣчна, а сотворима. „Фразы и слова, которыя Богъ ниспосылалъ пророкамъ чрезъ ангела, служили лишь внѣшнимъ выраженіямъ Его вѣчнаго слова. Эта внѣшняя оболочка несомнѣнно сотворена; вѣчно же то, что оно заключаетъ въ себѣ. Разница между чтеніемъ и тѣмъ, что мы читаемъ, между произношеніемъ и произносимымъ —тоже самое, что и между воспоминаніемъ и воспоминаемымъ, то есть: воспоминаніе сотворено, а воспоминаемое вѣчно****). Такимъ образомъ, вѣчнымъ и реальнымъ, по мнѣнію Ашаритовъ, нужно считать одинъ только смыслъ Корана, а выражающія

*) Гл. 6, ст. 8—9, 37 и ст. 109—111; гл. 27; гл. 43, ст. 32—34 и др.

**) Такъ называются послѣдователи Имама Ахмада бинъ-Аль-Ханбаля (ум. въ 241 г. Хиджры—855 г. по Р. Х.). Онъ въ своемъ ученіи отличался особою ригористичностью, придерживаясь буквы текстовъ Корана.

***) Шахристани род. въ Хоросанѣ, ум. въ 1153 г. по Р. Хр.

****) См. П. Жузе „Мутазилиты. Догматико-историческое изслѣдованіе въ области ислама“. (Казань, 1899 г.) стр. 163—203.

его слова служатъ лишь внѣшнимъ или матеріальнымъ вмѣстилищемъ вѣчнаго глагола Божія. Согласно Аристотелевой философіи, Ашариты признавали Коранъ „божественнымъ аттрибутомъ“ и потому имѣющимъ божественное происхожденіе, но Мутазилиты оспаривали это и доказывали „сотворенность Корана“ и слѣдов. отрицали его божественное происхожденіе. Ученіе Мутазилитовъ, при всей его еретичности, пользовалось вниманіемъ въ мусульманскомъ мірѣ, особенно при Халифѣ Мерванѣ (744—750 г.г. по Р. Хр.). Достойно замѣчанія, что Мутазилиты, на основаніи чисто разсудочныхъ (схематическихъ) соображеній, считали догматъ о божественности Корана непримиримымъ съ ученіемъ самого же Корана и единствѣ Божіемъ, а современные Мухаммеду арабы безъ всякихъ философскихъ разсужденій отрицали ту же божественность Корана*). Однако логикѣ ума не всегда соотвѣтствуетъ настроеніе сердца: либеральный Халифъ Аль-Мамунъ (въ 827 г. по Р. Хр.) издалъ даже оффиціальный указъ, запрещавшій исповѣдывать установившійся правовѣрный взглядъ на Коранъ, какъ на вѣчное, несотворенное слово Божіе, и строгими мѣрами поддерживалъ болѣе логическое ученіе Мутазилитовъ, но ничто не помогло заглушить въ сердцѣ искреннихъ мусульманъ ихъ чрезмѣрное, доходящее до неразумныхъ представленій, благоговѣніе къ Корану, какъ къ слову Божію. Ибнъ-Ханбаль и Ибнъ-Нухъ были сосланы въ отдаленную Византійскую колонію, и Коранъ по прежнему остается для старовѣровъ-мусульманъ несотвореннымъ словомъ Божіимъ, къ которому даже прикосновеніе нечистыми руками не допускается и осуждается истинными правовѣрными. Современные же прогрессисты ведутъ двойную игру: не вѣря сами въ Коранъ, какъ въ слово Божіе, они тѣмъ не менѣе хотятъ найти въ Коранѣ для простодушныхъ подтвержденіе или, по крайней мѣрѣ, непротиворѣчіе своимъ прогрессивнымъ взглядамъ, ничего общаго съ ученіемъ Корана не имѣющимъ.

Не такъ смотритъ на происхожденіе Корана современная наука. Синъ изъ авторитетныхъ современныхъ оріенталистовъ по этому поводу говоритъ, что ни въ одной литературѣ нельзя найти такого процесса составленія книги, который-бы могъ дать достаточное представленіе о редакціи Корана. Это—не книга, написанная послѣдовательно; не опредѣленный текстъ, мало по малу доходившій до опредѣленности въ чтеніи; не редакція наставленій учителя, составленная по воспоминаніямъ его учениковъ... Это сборникъ проповѣдей и, пожалуй, ежедневныхъ приказаній Мухаммеда, носящихъ на себѣ отпечатокъ мѣста, гдѣ они появились, и слѣды обстоятельствъ, вызвавшихъ ихъ (Шпренгеръ).

*) Коранъ, гл. 6, ст. 91—93 и др.

Авторомъ Корана былъ самъ Мухаммедъ. Онъ родился въ Аравіи*), когда язычество, сабеизмъ, парсизмъ, іудейство и христіанство имѣли въ ней своихъ представителей**). Всѣ эти вѣрованія постепенно смѣшивались и древне-языческая святыня арабовъ, Кааба превратилась въ пантеонъ. Въ Каабѣ были собраны идолы арабскихъ племенъ, изображенія нѣкоторыхъ патріарховъ еврейскаго народа и Дѣвы Маріи съ божественнымъ Младенцемъ. Арабы вѣровали въ единаго Бога (Аллаха) и почитали Его творцомъ небесъ и земли, творцомъ человѣка, правителемъ и промыслителемъ міра, подающимъ людямъ все потребное для жизни. Но при такомъ представленіи о Богѣ, согласномъ съ еврейскимъ и христіанскимъ ученіемъ, нѣкоторые арабы вѣровали, что у Бога есть дѣти, существа женскаго пола, которыхъ они называли дочерями Аллаха. Это такъ называемые геніи (джиннъ), которыхъ поэтому арабы признавали достойными поклоненія; они думали, что геніи приближаютъ людей къ Богу и ходатайствуютъ за нихъ передъ Богомъ. Вмѣстѣ съ геніями, арабы признавали и бытіе ангеловъ, но опять считали нѣкоторыхъ изъ нихъ существами „женскаго“ пола. Въ Коранѣ сохранились имена восьми божествъ: аль-Лата, аль-Узза, аль-Маната, Ваддъ, Сувагъ, Ягусъ, Ягукъ и Насръ. Нѣкоторыя изъ этихъ божествъ имѣли видимыя изображенія (идолы), которыя были разрушены въ первые годы ислама.

Нравы современныхъ Мухаммеду арабовъ были также не высоки: они допускали кровосмѣшеніе, къ женщинѣ не всегда относились скромно, дочерей вообще не любили и убивали ихъ тотчасъ по рожденіи, зарывая живыми въ землю. Кромѣ того, среди арабовъ того времени были крайніе невѣры-матеріалисты, думавшіе, что міръ сотворенъ безъ цѣли, по пустому; что люди сотворены для шутки, какъ игрушка; не вѣрили въ загробную жизнь, въ воскресеніе мертвыхъ и въ послѣдній судъ и считали это ученіе мечтою, вымысломъ***).

При всемъ этомъ религіозныя распри самыя разнообразныя и заблужденія, несообразныя съ здравымъ смысломъ, наполняли Аравію и заставляли разсуждающихъ и религіозныхъ людей задумываться надъ этимъ. Арабское язычество, безсильное само устоять твердо при такихъ обстоятельствахъ, не могло служить связующимъ началомъ разрозненныхъ политически арабскихъ племенъ. Словомъ, все требовало всесторонняго преобразованія жизни арабовъ. И въ это-то

*) Онъ родился въ Меккѣ 20 апрѣля 571 года по Р. Хр. См. A Sprenger. B. I, s. 138.

**) Коранъ, гл. 2, ст. 59; гл. 5, ст. 73; гл. 22, ст. 17.

***) См. Коранъ въ весьма многихъ мѣстахъ, по Указателю г. Саблукова на стр. 16–19.

время выступилъ, въ качествѣ религіознаго проповѣдника, Мухаммедъ поучавшій арабовъ оставить языческія заблужденія и обратиться къ вѣрѣ праотца Авраама—къ вѣрѣ въ единаго Бога.

Мухаммедъ былъ внукъ Абду-ль-Мутталиба, сынъ Абдаллы и Амины*). Онъ женился на купчихѣ-вдовѣ Хажиджѣ**), по торговымъ дѣламъ которой предпринималъ нѣсколько путешествій по Аравіи. Нервный, болѣзненно-впечатлительный, религіозный, наслушавшійся во время своихъ торговыхъ путешествій разныхъ религіозныхъ сказаній, онъ сталъ задумываться надъ состояніемъ своего отечества и удалялся на гору Хира для безпрепятственнаго занятія своими думами Постъ способствовалъ развитію въ немъ нервности. Въ 612-мъ году, на 40 году жизни, лѣтомъ, въ мѣсяцъ Рамазанъ, Мухаммедъ объявилъ себя посланникомъ Божіимъ, назначеннымъ возстановить вѣру Аврааму въ Аравіи, и съ тѣхъ поръ до смерти своей (632 г.), подъ вліяніемъ обстоятельствъ своей жизни, обращался къ своимъ соотечественникамъ съ разными увѣщаніями, сначала исключительно религіознаго характера, вступалъ въ религіозные споры съ своими противниками, а затѣмъ, въ Мединѣ, куда онъ долженъ былъ въ 622 г. бѣжать, спасая свою жизнь отъ враговъ, выступилъ уже въ роли основателя теократическаго государства и, соотвѣтственно этому, постоянно объявлялъ своимъ послѣдователямъ религіозныя постановленія касающіяся разныхъ сторонъ жизни и дѣятельности своихъ послѣдователей.

Въ Мединѣ совершенно измѣнилось положеніе Мухаммеда: въ Меккѣ онъ боролся почти исключительно съ грубымъ язычествомъ; въ Мединѣ противъ него возстали іудеи и христіане. Въ Меккѣ онъ терпѣлъ униженіе и преслѣдованія, а въ Мединѣ, противъ своего ожиданія, сталъ главою сильной религіозно-политической общины. Въ Меккѣ онъ преимущественно указывалъ на Аллаха, какъ на верховнаго владыку и судію всѣхъ тварей, и на проявляющуюся вездѣ и во всемъ премудрость Божію; въ Мединѣ онъ на первомъ планѣ ставилъ свою личность, постоянно твердилъ о вѣрѣ въ посланника Божія и о повиновеніи ему. Въ Меккѣ онъ, полный болѣзненнаго сочувствія къ заблуждающимся, призывалъ къ вѣрѣ людей и даже джинновъ, во имя самой ихъ природы, созданной для служенія Богу***); образовавшаяся около него обширная партія вѣрующихъ въ Мединѣ какъ бы заслонила собою отъ него остальное человѣчество; онъ обращаетъ свои рѣчи

---

*) По мнѣнію нѣкоторыхъ, Амина была еврейской крови.

**) Хадиджа имѣла тогда 38 или 39 лѣтъ, тогда какъ Мухаммеду было всего 24 или 25 лѣтъ. Слѣдовательно, Мухаммедъ былъ моложе ея на 15 лѣтъ. Sprenger, B. I, s. 150.

***) Коранъ, гл. 30, ст. 29; гл. 51, ст. 56.

исключительно къ вѣрующимъ, и, кажется, только опасная сила и вліяніе многочисленныхъ іудеевъ и христіанъ, или вообще „народа писаній“, вынуждали его на внимательность и воззванія къ нимъ. Въ Меккѣ окружали его немногіе вѣрующіе, по внутреннему расположенію, искренно подчинившіеся силѣ его слова; въ Мединѣ большею частью обращались къ исламу изъ боязни грубой физической силы и присоединялись къ его партіи лицемѣрно; да и самъ онъ сталъ далеко уже не тѣмъ пламеннымъ энтузіастомъ, который, чувствуя высоту и силу своей идеи, безпощадно поражалъ безотчетныя и грубыя мнѣнія окружающихъ его; здѣсь онъ значительно понижается къ уровню воззрѣній толпы, съ которою имѣетъ дѣло. Отсюда вмѣсто сильныхъ, исполненныхъ поэтическаго одушевленія обличеній противъ суевѣрныхъ мекканцевъ, въ мединскихъ главахъ Корана мы находимъ сухую, натянутую, иногда безсильно злобную полемику противъ іудейства и христіанства. Какъ глава и повелитель ввѣрившихся ему людей, Мухаммедъ въ Мединѣ, предпочтительно предъ поученіями чисто нравственными, излагаетъ до утомительныхъ подробностей обрядовую сторону своей религіи, издаетъ постановленія гражданскія, опредѣляетъ отношенія вѣрующихъ къ самому себѣ и между собою и, горькимъ личнымъ своимъ опытомъ дознавши недостаточность одной силы слова для внѣшней безопасности, извлекаетъ мечъ на защиту себя и своихъ, удовлетворяя тѣмъ и глубокому въ арабѣ чувству мести. Самая рѣчь его изъ свѣжей и живой переходитъ въ вялую и бездушную прозу; мысли излагаются сухо, а на концѣ стиховъ, для риѳмы, къ дѣлу и не къ дѣлу, повторяются слова: „Богъ всесиленъ и премудръ“; „Богъ всевѣдущъ“; „Богъ всемогущъ“; „но вы этого не разумѣете“, или: „Неужели вы не вразумитесь“ и т. п. Вообще, въ положительной сферѣ правителя и законодателя, Мухаммедъ является уже не въ прежнемъ своемъ видѣ. Въ его словахъ сердце мало принимаетъ участія; видна расчитанная работа холоднаго разсудка; горячее чувство уступаетъ мѣсто холоднымъ, бездушнымъ софизмамъ. Поэтическое чувство вновь загорается почти только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выступаетъ съ словами обличенія противъ лицемѣровъ. Въ Меккѣ смѣялись надъ Мухаммедомъ, что онъ долго не выдумываетъ новыхъ главъ Корана, но онъ терпѣливо ждалъ минутъ одушевленія и восхищенія (экстаза); въ Мединѣ онъ не задумывается надъ обнародованіемъ новыхъ откровеній: по поводу самыхъ мелкихъ обстоятельствъ, даже личныхъ домашнихъ сценъ въ заведенномъ имъ гаремѣ, онъ выдаетъ отъ имени Бога пригодныя къ случаю распоряженія; совѣты и внушенія другихъ онъ нисколько не затрудняется выдавать за божественныя откровенія. Словомъ, это уже не смиренный грѣшникъ, наравнѣ съ другими смертными, нуждающійся въ неослабной помощи Божіей,

но—самоувѣренный, самовластный владыка. Въ Мединѣ, между добрыми сторонами его характера, весьма замѣтно выступаютъ и слабости его арабской натуры*).

Такимъ образомъ, въ теченіе 23 лѣтъ, Мухаммедъ объявилъ своимъ послѣдователямъ много разнообразныхъ проповѣдей, рѣшеній и распоряженій, которыя у всѣхъ его послѣдователей были постоянно въ сознаніи, а у нѣкоторыхъ сохранялись въ памяти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ были произносимы имъ самимъ**).

Но когда Мухаммедъ умеръ, закончились откровенія для муслимовъ, какъ замѣчаетъ Шпренгеръ. Это значитъ, что смерть Мухаммеда была заключительнымъ моментомъ въ исторіи происхожденія Корана***). Смерть Мухаммеда была для мухаммеданъ смертью не простого человѣка, хотя и человѣка со властію, но смертью „пророка", который одинъ имѣлъ право издавать подъ именемъ „божественныхъ" откровеній разныя повелѣнія, запрещенія, разсказы, нравоучительные примѣры и т. д. Одинъ Мухаммедъ могъ съ каждымъ днемъ пополнять содержаніе Корана новымъ матеріаломъ, и потому Коранъ, не смотря на свой законодательный характеръ, не могъ вмѣстить въ себѣ позднѣйшихъ предписаній преемниковъ Мухаммеда: халифовъ Абу-Бекра, Омара, Османа, Алія, потому что эти лица не пользовались авторитетомъ посланниковъ Божіихъ, какимъ, по преимуществу, считалъ себя Мухаммедъ****). Поэтому-то смерть Мухаммеда—была для мусульманъ въ одно и тоже время смертью пророка и смертью автора Корана. Послѣ этой невознаградимой для его послѣдователей потери, законодательная ихъ книга не могла уже болѣе увеличиваться въ своемъ объемѣ и неизбѣжно должна была заключиться въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ застигла ее смерть Мухаммеда.

Смерть Мухаммеда послѣдовала не совсѣмъ своевременно, на 63-мъ году жизни. Мухаммедъ, учившій о себѣ, какъ о простомъ смертномъ, жилъ, дѣйствовалъ и наконецъ умеръ, какъ умираютъ всѣ люди. Умирая, онъ едва-ли зналъ, что смерть дѣлаетъ къ нему послѣдній и

*) Главныя мысли и духъ Корана. Соч. Ѳ. Кудѣевскаго. (Казань, 1875 г., стр. 11—13). Шпренгеръ (т. 3, стр. 61—87) доказываетъ, что Мухаммедъ, подъ вліяніемъ своей слабости къ женщинамъ, выдавалъ за откровенія Божіи мысли, внушенныя ему его чувствами, такъ что однажды Айша сказала ему (по поводу гл 33, ст. 49) въ глаза: „Твой Господь спѣшитъ изъявить свое согласіе на твои удовольствія". Читая Коранъ, дѣйствительно поражаешься тономъ и содержаніемъ особенно нѣкоторыхъ мѣстъ его, въ которыхъ идетъ рѣчь о женахъ Мухаммеда.

**) По вопросу объ откровеніяхъ Мухаммеда существуетъ изслѣдованіе Д-ра Otto Pautz'a „Muhammeds Lehre von der Offenbarung" (Leipzig, 1898).

***) A. Sprenger. B. III, s. XXXVIII.

****) Коранъ, гл. 33, ст. 40.

окончательный приступъ. Упоминаніе Мухаммеда о своей смерти не было пророчествомъ въ собственномъ смыслѣ. Указывая на неизбѣжность своей смерти, Мухаммедъ говорилъ о себѣ тоже, что на его мѣстѣ сказалъ-бы каждый изъ насъ*), подтверждая свое человѣческое происхожденіе, вслѣдствіе котораго и ему необходимо было, подобно другимъ людямъ умереть; но „когда“ умереть—этого Мухаммедъ отнюдь не зналъ и не сдѣлалъ никакихъ распоряженій ни относительно своей власти, ни относительно порядка наслѣдованія ему, хотя ни та, ни другой не были утверждены въ жизни и въ сознаніи его послѣдователей.

Тѣмъ и доказывается больше всего несвоевременность Мухаммедовой смерти, что она лишила его послѣдователей возможности получать новыя предписанія съ именемъ божественныхъ откровеній, въ которыхъ арабы продолжали нуждаться. Новоучрежденное теократическое государство Мухаммеда, постепенно возрастая въ своемъ внѣшнемъ могуществѣ, постоянно создавало новыя общественныя и государственныя потребности. Интересы побѣдителей сталкивались съ интересами побѣжденныхъ, и потребность въ высшемъ внѣшнемъ авторитетѣ была теперь всего болѣе ощутительна. А такимъ именно авторитетомъ могъ быть только законъ Мухаммеда, освященный именемъ божественной книги. На этотъ-то законъ вниманіе мухаммеданскихъ правителей и было устремлено по смерти Мухаммеда.

При жизни Мухаммеда, его послѣдователямъ не было особенной нужды заботиться о Коранѣ. Каждый случай въ ихъ религіозной и общественной жизни, каждое недоумѣніе и сомнѣніе какого бы рода они ни были, могли тотчасъ же разрѣшаться живымъ словомъ самого пророка. Когда же не стало Мухаммеда, пророческій авторитетъ его всецѣло былъ перенесенъ на Коранъ: живое слово пророка, говорившаго по внущенію Аллаха, по необходимости, должно было замѣниться писаннымъ словомъ—книгою. Но такой книги не было тогда въ рукахъ послѣдователей Мухаммеда. Вейль, Нольдеке и Шренгеръ, согласно съ мусульманами, утверждаютъ, что при жизни Мухаммеда отдѣльныя части Корана не были собраны въ одну книгу. Шпренгеръ говоритъ, что ни самъ Мухаммедъ не имѣлъ въ виду оставить послѣ себя цѣльной книги, ни писцы его, которые записывали для памяти произносимыя имъ проповѣди, не думали объ этомъ; писцы заботились только о томъ, чтобы сохранить въ памяти поученія и распоряженія своего вѣроучителя и смотрѣли на свои записи, какъ на вре-

*) „Каждый человѣкъ вкуситъ смерть“ (гл. 21, ст. 36) и „Дѣйствительно, ты умрешь, и они умрутъ (гл. 39, ст. 31). Ср. Коранъ, гл. 3, ст. 138; гл. 10, ст. 47; гл. 40, ст. 77.

менныя памятныя замѣтки*). Нольдеке также замѣчаетъ** , что при жизни Мухаммеда отрывки Корана не были собраны въ одно цѣлое, и считаетъ преданіе о собраніи Корана еще при жизни Мухаммеда не заслуживающимъ никакого вниманія. По его словамъ, Убай-бенъ-Кагбъ, Мугадъ-бенъ-Ябиль, Зяйдъ-бенъ Тсабитъ и Абу-Зяйдъ-Аль-ансари при жизни Мухаммеда знали наизустъ большую часть Корана, что и было записано ими для памяти, для себя.

Справедливость такого предположенія ясна сама собою: если-бы Коранъ дѣйствительно былъ собранъ еще при жизни Мухаммеда, то не было бы побужденій заботиться о собираніи его при халифахъ Абу-Бекрѣ и Османѣ. Къ тому же предположенію приводитъ и господствующее среди мусульманъ мнѣніе, что первый трудъ собиранія разрозненныхъ отрывковъ Корана принадлежалъ Абу-Бекру, или же— Омару, въ правленіе Абу-Бекра.

*) Band III, s. XXXIX.

**) Geschiche des Qorans.

4. Собраніе отдѣльныхъ главъ Корана и редакція сборника.

О первомъ собираніи Корана свидѣтельствуетъ довольно пространное преданіе Зяйда-бенъ-Тсабита, которое встрѣчается во многихъ мусульманскихъ сочиненіяхъ и всегда приводится въ выраженіяхъ, мало отличающихся одно отъ другого.

Въ правленіе перваго халифа происходили кровопролитныя войны мусульманъ съ врагами ислама, въ числѣ которыхъ особенно выдѣлялись два новыхъ пророка—Мусайляма (маленькій Моисей) и Тулейха, увлекшіе на свою сторону цѣлыя племена арабовъ, уже принявшихъ было исламъ*). Тогда Медина находилась въ очень опасномъ положеніи, и старые сподвижники Мухаммеда, съ Омаромъ во главѣ, обратились къ Абу-Бекру съ предложеніемъ уступокъ взбунтовавшимся арабамъ; но Абу-Бекръ отклонилъ эти предложенія и вскорѣ самъ перешелъ въ наступленіе и прогналъ одно скопище изъ Зуль-Кассы, а въ сентябрѣ 632 года разбилъ другихъ бунтовщиковъ на голову при Абракѣ. Затѣмъ извѣстному своей жестокостью Халиду было приказано усмирить скопище Тулейхи, а Икримѣ и Шурахбилю управиться съ Мусайлямой. Тулейху Халидъ разбилъ при Бузахѣ, а затѣмъ уничтожилъ Мамика Ибнъ-Ховейра, предводителя Ярбутовъ, среди которыхъ появилась пророчица Саджахъ. Послѣ того Халиду было приказано принять начальство надъ войсками, неуспѣшно дѣйствовавшими противъ Мусайлямы. При Акрибѣ, на границѣ Іемена, произошло кровопролитное сраженіе. Самъ Мусайляма палъ подъ дротикомъ, а съ Мусайлямой погибли первенцы его народа. Самое мѣсто битвы получило названіе „садъ смерти“.

Побѣда мусульманъ стоила имъ большихъ жертвъ: около 700 человѣкъ пало однихъ ансаровъ и товарищей Мухаммеда по бѣгству

*) Источникъ возстанія таился, пока былъ живъ Мухаммедъ, предъ силой котораго склонялись враги его; но лишь только извѣстіе о его смерти разнеслось по Аравіи, какъ тлѣвшія до тѣхъ поръ искры возстанія вспыхнули, съ быстротою степного вихря разнеслись по всѣмъ угламъ обширнаго Аравійскаго полуострова и въ короткое время охватили пять шестыхъ всей Аравіи. Главные очаги возмущенія были въ Іеменѣ (юго-западъ) и область Бяну-Асадъ (сѣверо-востокъ).

въ Медину. Въ этой битвѣ нашелъ смерть Зяйдъ, братъ Омара, и значительное число старѣйшихъ сподвижниковъ Мухаммеда (асхабовъ), которые были лучшими знатоками Корана*) и были извѣстны подъ именемъ „носителей Корана“ **). Омаръ прежде всѣхъ другихъ послѣдователей Мухаммеда созналъ всю опасность для ислама отъ такой потери. По преданію, онъ просилъ однажды прочитать одинъ важный для него стихъ Корана, а ему отвѣтили, что этотъ стихъ зналъ такой-то, но его уже нѣтъ въ живыхъ. Тогда онъ, опасаясь, чтобы нѣкоторыя части Корана не исчезли, такъ какъ лица, знавшія Коранъ на память, могли умереть,—отправился къ Абу-Бекру и сталъ склонять его къ собранію частей Корана. Абу-Бекръ сначала не соглашался, такъ какъ предложеніе Омара не только казалось ему дѣломъ новымъ, но и не согласовалось съ мыслями самого Мухаммеда, который ни прямо, ни косвенно не говорилъ объ этомъ при жизни... Но настойчивый Омаръ склонилъ наконецъ разсудительнаго Абу-Бекра приняться за это важное дѣло, и оно было поручено способному молодому арабу Зяйду-бенъ-Тсабиту***), еще при жизни Мухаммеда состоявшему писцомъ его. Зяйдъ принялъ это предложеніе не безъ нѣкотораго смущенія и колебанія****). Онъ сознавалъ, что возлагаемая на него работа была почти невыполнима: по собственному его выраженію,

*) А. Мюллеръ, Исторія ислама (Спб. 1895). Томъ 1, стр. 193—203.

**) حملة القران

***) Зяйду было тогда 21 годъ. Онъ былъ родомъ изъ Медины. Его отецъ Тсабитъ былъ убитъ въ сраженіи за пять лѣтъ до Хиджры. Когда Мухаммедъ вступилъ въ Медину, Зяйду было всего 11 лѣтъ, но онъ уже зналъ тогда 17 главъ Корана. По причинѣ своей молодости, онъ не могъ участвовать въ Бедрскомъ походѣ; неизвѣстно также, былъ-ли онъ въ битвѣ при Оходѣ; но при осадѣ Медины, въ пятомъ году Хиджры, Мухаммедъ вручилъ 17-ти-лѣтнему Зяйду знамя мединцевъ, а по заключеніи перемирія подарилъ ему плащъ изъ египетской штофной матеріи. Послѣ того Мухаммедъ пользовался имъ, какъ своимъ личнымъ секретаремъ. По желанію Мухаммеда, Зяйдъ изучилъ, какъ думаетъ Шпренгеръ, еврейское письмо, но не самый языкъ, такъ какъ Зяйдъ употребилъ на свой трудъ всего двѣ съ половиною недѣли. Но можно предположить, что Зяйдъ зналъ еврейскій языкъ до этого времени, такъ какъ евреевъ было много въ Аравіи и особенно въ Мединѣ, и способному молодому человѣку, при ежедневныхъ сношеніяхъ съ евреями, не трудно было ознакомиться съ языкомъ евреевъ, по близкому родству его съ арабскимъ.

Научившись читать еврейскія письмена, Зяйдъ докладывалъ Мухаммеду письма арабскихъ евреевъ къ Мухаммеду. Несомнѣнно, что онъ еще при жизни Мухаммеда пріобрѣлъ большой личный авторитетъ и потому при преемникахъ Мухаммеда былъ казіемъ (судьей) въ Мединѣ, и умеръ въ 45 году Хиджры (665—666 г. по Р. Хр.).

****) Это было въ 634 г., т. е. въ 13 году Хиджры, на второмъ году по смерти Мухаммеда.

ему гораздо легче было-бы сдвинуть гору съ ея мѣста, нежели выполнить то, что требовали отъ него.

Затрудненіе состояло именно въ томъ, что проповѣди и распоряженія Мухаммеда, обнародованныя имъ при жизни были записаны безъ всякой связи и послѣдовательности. Разные отрывки Корана были записаны, по недостатку письменныхъ матеріаловъ, на лоскуткахъ необдѣланныхъ кожъ животныхъ и на пергаментѣ, на плечевыхъ костяхъ животныхъ*), на пальмовыхъ листьяхъ и на плоскихъ каменныхъ плиткахъ. Всѣ эти вещественные остатки проповѣднической дѣятельности Мухаммеда были сложены въ кучу и лежали безъ всякаго порядка, а Зяйдъ-бенъ-Тсабитъ разсортировалъ ихъ по своему усмотрѣнію и соединилъ въ одно цѣлое. Но такъ какъ собранные имъ матеріалы не представляли еще полнаго текста Корана (потому что нѣкоторые отрывки не попали въ это первое редакціонное собраніе), то Омаръ приказалъ мусульманамъ сообщить, кто что зналъ наизустъ изъ Корана, или кто что имѣлъ записаннымъ. А такъ какъ подобное распоряженіе не представляло никакой гарантіи въ подлинности священной книги, то Омаръ, по настоянію нѣкоторыхъ благочестивыхъ людей, издалъ тогда же другой приказъ, чтобы каждый мусульманинъ, предъявлявшій одинъ или нѣсколько стиховъ Корана, представилъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтельство въ доказательство ихъ подлинности.

Безъ сомнѣнія, Омаръ, Абу-Бекръ и многіе другіе ихъ современники знали очень хорошо подлинный текстъ Корана, т. е. могли безъ затрудненій опредѣлить подлинность различныхъ отрывковъ его, хотя, можетъ быть, ихъ и не могли читать наизусть: но, вѣроятно, и для нихъ подлинность нѣкоторыхъ стиховъ была сомнительна, почему и возникло постановленіе о необходимости свидѣтельства другихъ лицъ, подтверждающихъ подлинность предъявляемыхъ стиховъ Корана. Изъ этого правила былъ, однако же, допущено исключеніе: когда Зяйдъ хотѣлъ закончить девятую главу Корана, то вспомнилъ, что къ ней принадлежали еще два стиха, какъ объ этомъ замѣчаетъ Обай. Тогда же стали наводить справки о чтеніи этихъ стиховъ, при чемъ оказалось, что только одинъ Абу-Хузайма зналъ эти два стиха. И не смотря на это, забытые стихи были приняты въ текстъ Корана на томъ основаніи, что самъ Мухаммедъ считалъ свидѣтельство Абу-Хузаймы равнымъ свидѣтельству двухъ лицъ.

При помощи такихъ средствъ, Зяйду-бенъ-Тсабиту удалось привести въ порядокъ разрозненные отрывки Корана въ одинъ сборникъ, который онъ передалъ Абу-Бекру. По смерти Абу-Бекра, собранный

*) По Шпренгеру—на верблюжьихъ лопаткахъ.

Зяйдомъ Коранъ перешелъ къ Омару, а отъ послѣдняго къ его дочери Хавсѣ, вдовѣ Мухаммеда.

Трудно сказать, какой видъ имѣлъ первый собранный Зяйдомъ Коранъ; но преданіе утверждаетъ, что Зяйдовъ сборникъ былъ совершенно сходенъ со вторымъ офиціальнымъ текстомъ, обнародованнымъ въ правленіе третьяго халифа Османа. По предположенію Нольдеке, первый трудъ собиранія Корана былъ порученъ именно Зяйду не потому, что онъ, какъ утверждаютъ мусульмане, зналъ еще при жизни Мухаммеда весь Коранъ наизустъ, а потому, что онъ своевременно записывалъ произносимыя проповѣди и распоряженія своего пророка и тѣмъ заслужилъ среди современниковъ уваженіе, какъ человѣкъ близкій къ Мухаммеду и притомъ грамотный. Это становится вполнѣ понятнымъ, такъ какъ при жизни Мухаммеда искусство писанія было еще мало распространено въ Аравіи и потому отъ Зяйда, молодого, способнаго и грамотнаго человѣка, скорѣе всего можно было ожидать успѣшнаго выполненія воли халифа Абу-Бекра. Главный надзоръ за этой работой имѣлъ энергичный Омаръ, о которомъ Ибнъ-Саидъ и говоритъ, что онъ первый собралъ Коранъ и свитки*). Надзоръ Омара за собираніемъ Корана состоялъ въ томъ, что онъ не допускалъ въ сборникъ ничего, не записаннаго прежде и не удостовѣреннаго свидѣтельствомъ двухъ лицъ. Въ преданіяхъ упоминается также, что Зяйдъ приготовилъ копію съ собраннаго имъ кодекса, которая была написана, по однимъ—на пергаментѣ, а по другимъ—на папирусѣ. Но послѣднее кажется невѣроятнымъ Шпренгеру, потому что въ то время папирусъ едва-ли былъ въ употребленіи въ Аравіи. По Ибнъ-Дауду, Зяйдовъ списокъ Корана образовалъ собою томъ (масхафъ), а по Омару Бенъ Газія—длинный свитокъ.

Достоинство работы Зяйда Шпренгеръ полагаетъ въ томъ, что онъ привелъ въ порядокъ разрозненные отрывки Корана и переписывалъ заново нечеткіе или написанные на плохомъ матеріалѣ стихи и при этомъ имѣлъ въ виду одну цѣль—записать Коранъ весь сполна. При такомъ стремленіи, Зяйдъ тотчасъ же заносилъ на пергаментъ всѣ неизвѣстные ему стихи, какіе онъ слышалъ отъ мусульманъ и присоединялъ ихъ къ своему сборнику. Онъ же, вѣроятно, производилъ и самое дѣленіе стиховъ Корана на главы въ тѣхъ случаяхъ,

*) Свитки—сухуфъ صحف. Въ арабскомъ языкѣ глаголъ „сахафа“ первоначально означалъ „рыть“, потомъ—гравировать, а затѣмъ—писать. Въ эѳіопскомъ діалектѣ „сахафа“ значитъ писать, откуда „масхафъ“—книга. Арабы заимствовали это слово или изъ химьяритскаго, или изъ эѳіопскаго языка. Оно встрѣчается уже у Амрулькайса (Шпренгеръ). Въ Коранѣ выраженіе „свитки“ встрѣчается много разъ: свитки свящ. писанія (20, 133), свитка Авраама и Моисея (53, 37—38; 87, 18—19); свитки небеснаго Корана (80, 13), свитки Мухаммеда (98, 2). См. также у Саблукова въ приложеніяхъ къ переводу Корана.

гдѣ это не было вполнѣ установлено; но дѣлалъ онъ это безъ особыхъ размышленій надъ текстомъ, а просто присоединялъ небольшія группы стиховъ къ большимъ отрывкамъ, если только смыслъ соединяемыхъ мѣстъ сколько-нибудь дозволялъ это. За вѣроятность такого способа составленія первой редакціи Корана говоритъ преданіе о послѣднихъ стихахъ девятой главы, которые онъ присоединилъ къ тексту. Абу-Зобаиръ разсказывалъ слѣдующее: когда Абу-Хузайма представилъ два стиха Корана, которыхъ кромѣ него никто не зналъ, Зяйдъ или Омаръ сказалъ, что если бы этотъ отрывокъ состоялъ не изъ двухъ, а изъ трехъ стиховъ, то изъ нихъ онъ составилъ бы особую главу.

Нольдеке думаетъ, что Зяйдъ не придалъ никакого опредѣленнаго расположенія главамъ Корана, на что указываетъ съ одной стороны самое названіе Корана—„Сухуфъ", т. е. отдѣльные свитки, а съ другой стороны преданіе о томъ, что Зяйдъ послѣ большихъ усилій собралъ Коранъ „безъ распорядка главъ". Поэтому не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія тѣмъ преданіямъ, которыя приписываютъ Зяйдову сборнику такую же систематичность, какую имѣли позднѣйшіе сборники. Утвержденіе же о систематическомъ видѣ Зяйдова сборника основывается болѣе на вѣрованіи мусульманъ, что современный видъ Корана не долженъ разниться отъ первоначальнаго его вида, какой придалъ ему самъ Богъ, и что сподвижники („асхабы") Мухаммеда не могли измѣнить его основного вида.

Нельзя утвердительно сказать, былъ-ли сборникъ Зяйда полнѣе современнаго текста Корана или менѣе его. Послѣднее предположеніе, кажется болѣе вѣроятнымъ, пот. что при второмъ собраніи (редакціи) Корана во время халифа Османа пользовались и другими списками, кромѣ Зяйдова экземпляра. Трудно допустить, чтобы Зяйдъ могъ вписать въ свой экземпляръ всѣ рѣчи Мухаммеда, такъ какъ, кромѣ тѣхъ стиховъ Корана, которые могъ забыть и самъ Зяйдъ, могли быть и такіе, которые не были своевременно записаны самовидцами Мухаммеда, или не сохранены ими въ памяти. Могло случиться, наконецъ, что нѣкоторые отдѣльные стихи Корана хранились исключительно въ памяти старѣйшихъ асхабовъ и могли быть забыты ими, или же могли исчезнуть совсѣмъ со смертью этихъ лицъ, а въ правленіе Абу-Бекра исламъ лишился многихъ авторитетныхъ, по своему возрасту и близости къ Мухаммеду, лицъ во время кровопролитныхъ войнъ съ разными бунтовщиками и новыми пророками Аравіи, какъ объ этомъ замѣчено выше. Въ преданіяхъ встрѣчаются упоминанія о преждевременной смерти многихъ такихъ лицъ.

Нельзя также съ точностью утверждать, что въ Зяйдовомъ Коранѣ не встрѣчались нѣкоторыя разночтенія, сравнительно съ перво-

начальной формой текста, обнародованнаго Мухаммедомъ. Разности эти могли произойти или вслѣдствіе ошибокъ памяти, или же вслѣдствіе описокъ переписчиковъ; но во всякомъ случаѣ такихъ разночтеній не могло быть много, потому что Зяйдово собраніе Корана происходило вскорѣ послѣ смерти Мухаммеда, когда разности въ текстѣ его могли быть легко замѣчены и исправлены, особенно при строгомъ вниманіи къ этому важному дѣлу со стороны набожнаго Омара... Еще менѣе возможно предположеніе, что самъ Зяйдъ, Омаръ или Абу-Бекръ намѣренно измѣнили что-нибудь въ Коранѣ. Прежде держался этого предположенія Сильвестръ де-Саси, потомъ повторилъ его Вейль и въ самое послѣднее время Поль Казанова.

Основаніемъ къ такому предположенію для Вейля служило преданіе, что Омаръ, когда услышалъ о смерти Мухаммеда, то не хотѣлъ этому вѣрить, такъ какъ считалъ Мухаммеда не подлежавшимъ смерти и не вѣрилъ до тѣхъ поръ, пока Абу-Бекръ не убѣдилъ его въ дѣйствительности прискорбнаго факта, подтвердивъ возможность и неизбѣжность смерти стихами Корана: „Мухаммедъ—только посланникъ (Божій). Нѣтъ уже теперь (въ живыхъ) посланниковъ, которые были нѣкогда, прежде него; если и онъ умретъ, или будетъ убитъ*), то неужели вы обратитесь вспять... Всякому, имѣющему душу, должно будетъ умереть не иначе, какъ по волѣ Бога, сообразно книгѣ, въ которой опредѣлено время жизни“ (3, 138, 139). По другому преданію, Абу-Бекръ убѣдилъ Омара въ смерти Мухаммеда, напомнивъ ему стихъ Корана: „Дѣйствительно, ты умрешь, и они умрутъ; потомъ, въ день воскресенія, вы будете вести тяжбу между собою предъ Господомъ вашимъ“ (39, 31—32). Только послѣ произнесенія этихъ стиховъ, Омаръ и другіе мусульмане повѣрили извѣстію о смерти Мухаммеда, какъ будто до этого времени они никогда не слыха литакихъ словъ...

Нольдеке проще объясняетъ этотъ важный моментъ въ исторіи ислама: пока Мухаммедъ былъ живъ, его послѣдователи не думали объ этихъ стихахъ, тѣмъ болѣе, что онъ не одинъ разъ подвергалъ опасности свою жизнь и не умиралъ Къ тому же, незадолго до смерти, Мухаммедъ вдругъ почувствовалъ замѣтное улучшеніе въ своемъ здоровьѣ и сталъ выходить изъ дома, почему Алій, ближе всѣхъ знавшій Мухаммеда, вѣрилъ въ его выздоровленіе и говорилъ, что Богъ исцѣлилъ Мухаммеда. Только осторожный и разсудительный

*) Стихъ этотъ относится къ Оходской битвѣ, когда Мухамеду выбили два зуба и когда, при видѣ его окровавленнымъ, разнесся слухъ, что онъ умеръ... Тогда нѣкоторые малодушные стали колебаться въ вѣрѣ и подумывали возвратиться къ прежней своей языческой вѣрѣ; но Мухаммедъ укоризненно сказалъ о нихъ: „Если кто и обратится вспять, то никакого вреда не причинитъ Богу, но Богъ наградитъ благодарныхъ“ (гл. 3, ст. 138).

Аббасъ говорилъ: „Клянусь Богомъ,—я узнаю смерть на лицѣ посланника Божія!“.

При такой всеобщей увѣренности послѣдователей Мухаммеда въ возможности продолженія его жизни, извѣстіе о его смерти, конечно, должно было подѣйствовать на нихъ подобно громовому удару. Особенно же это роковое извѣстіе могло показаться невѣроятнымъ для пылкой души Омара, и потому нисколько не удивительно, если приведенные выше стихи Корана, предсказывающіе смерть Мухаммеда, показались Омару и другимъ мусульманамъ какъ бы никогда дотолѣ не слышанными*). Къ этому нужно прибавить, что многіе могли забыть эти стихи, такъ какъ они были обнародованы еще за 7 лѣтъ до смерти Мухаммеда и могли не быть повторяемы, потому что содержаніе ихъ было исключительное и не особенно пріятное для послѣдователей Мухаммеда. Если принять такое объясненіе, то предположеніе Вейля о внесеніи въ Коранъ прочитанныхъ Абу-Бекромъ стиховъ лишится главной своей опоры. Вейлю этотъ единственный примѣръ могъ казаться неоспоримымъ доказательствомъ вѣрности его предположенія; но приведенное преданіе находится въ противорѣчіи съ нѣкоторыми другими преданіями, касающимися того же вопроса, и потому объясненіе Нольдеке кажется болѣе удовлетворительнымъ. Если же Вейль, какъ на одно изъ сильныхъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія, ссылается на то, что даже Абу-Хурейра не зналъ этихъ стиховъ Корана, то и эта ссылка мало убѣдительна: Абу-Хурейра, хотя и считается авторитетомъ относительно достовѣрности многихъ мусульманскихъ преданій, но въ самые лучшіе знатоки Корана онъ про-

*) Въ „Исторіи ислама“ А. Мюллера описанный моментъ представляется естественнѣе: для Омара было всего важнѣе помѣшать распространенію печальнаго извѣстія, пока не соберутся около него Абу-Бекръ и значительное число сподвижниковъ Мухаммеда. Поэтому онъ объявилъ оставшимся возлѣ мечети мусульманамъ, что только лицемѣрамъ могла прійти въ голову мысль, что посланникъ Божій скончался. Это—завѣдомая ложь: пророкъ, подобно Моисею, удалился отъ своего народа на 40 дней и затѣмъ вернется и накажетъ смертью всѣхъ, кто выдумалъ, что онъ умеръ... Подошелъ Абу-Бекръ, вошелъ въ комнату, гдѣ лежало тѣло Мухаммеда, и облобызалъ холодное и блѣдное чело его, съ сердечнымъ выраженіемъ своей скорби. Затѣмъ онъ спѣшно вышелъ къ толпѣ, властно приказалъ Омару замолчать и, прочитавъ упомянутые выше стихи Корана, сказалъ: „Кто желаетъ поклониться Мухаммеду, пусть знаетъ, что онъ уже мертвъ. Поклоняйтесь Господу: Богъ живъ и не умретъ во вѣки!“. Вѣрилъ или нѣтъ самъ Омаръ въ истину того, что говорилъ,—рѣчь его, по словамъ Мюллера, не произвела ожидаемаго впечатлѣнія, а печальная вѣсть о смерти Мухаммеда съ быстротой молніи разнеслась по всѣмъ кварталамъ Медины. Тотда стали образовываться партіи, на случай предстоящаго избранія преемника Мухаммеда. Ловкій маневръ Абу-Бекра остановилъ выборъ на немъ самомъ, и онъ сталъ халифомъ (томъ 1, стр. 232—235).

изведенъ только Вейлемъ, ибо и сами мусульмане не приписываютъ ему въ этомъ отношеніи особеннаго значенія.

Съ именемъ Абу-Хурейры связано много экзегетическихъ или вообще къ знанію Корана относящихся преданій. Кромѣ того, онъ принялъ исламъ только въ седьмой годъ гиджры и потому естественно могъ не знать болѣе древнихъ стиховъ Корана, равно какъ и тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь. По словамъ Нольдеке, должны быть вообще болѣе сильныя основанія для такого невѣроятнаго предположенія. Вейль думаетъ, что Мухаммеда, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы его жизни—его послѣдователи считали безсмертнымъ, хотя не допускаетъ мысли, чтобы самъ Мухаммедъ считалъ себя безсмертнымъ.... Какимъ же, спрашивается, образомъ могла распространиться вѣра въ его безсмертіе? Считая себя смертнымъ, Мухаммедъ могъ предвидѣть, что его смерть произвела бы убійственное впечатлѣніе на его послѣдователей, если бы только среди нихъ нихъ была распространена вѣра въ его безсмертіе..... Но помимо этого соображенія, въ Коранѣ есть много такихъ стиховъ, въ которыхъ говорится, что всякая душа испытаетъ смерть, что всѣ вообще смертны и что Мухаммедъ—такой же человѣкъ, какъ и другіе*).

Всѣ подобные стихи Корана находятся въ логической связи съ предшествующими и послѣдующими стихами; въ особенности же мысль о смертности Мухаммеда ясно выражена въ гл. 3 ст. 138 Корана и др., гдѣ самъ Мухаммедъ высказывается о неизбѣжности смерти для себя. Неужели же можно предполагать, что Абу-Бекръ выдумалъ или подмѣнилъ всѣ такіе стихи? А если бы онъ допустилъ поддѣлку въ одномъ мѣстѣ Корана, то можно было бы заподозрить фальсификацію и по отношенію къ другимъ стихамъ. Но выдумывать много новыхъ стиховъ Корана и подставлять ихъ въ соотвѣтствующія мѣста было невозможно, чтобы не быть изобличеннымъ кѣмъ нибудь изъ знатоковъ Корана. Да и для чего было бы Абу-Бекру навлекать на себя подозрѣніе въ такомъ серьезномъ обманѣ, за который можно было поплатиться даже жизнью? Въ смерти Мухаммеда самые пылкіе послѣдователи его могли легко увѣриться безъ всякаго со стороны Абу-Бекра умышленнаго старанія внести въ Коранъ такіе стихи, въ которыхъ говорится о смерти Мухаммеда. Наконецъ, самый характеръ Абу-Бекра, признаннаго „правдивымъ“ (сыддыкъ), не допускаетъ возможности считать его способнымъ на обманъ въ такомъ важномъ вопросѣ и въ такое рѣшительное время.

Въ 46-й главѣ Корана есть слѣдующій стихъ: „Человѣку Мы заповѣдали дѣлать добро своимъ родителямъ. Мать его носитъ его во

*) Гл. 10, ст. 47; гл. 21, ст. 35; гл. 40, ст. 77. Въ главѣ 39, ст. 31 положительно говорится: „Дѣйствительно, ты умрешь, и они (арабы) умрутъ“.

чревѣ съ трудомъ и рождаетъ его съ трудомъ: ношеніе его во чревъ и кормленіе его грудью—тридцать мѣсяцевъ. А со временемъ, когда онъ достигаетъ сорока лѣтъ, то говоритъ: Господи! внуши душѣ моей быть благодарнымъ за Твои благодѣянія, которыми облагодѣтельствовалъ Ты меня и моихъ родителей, и дѣлать доброе, угодное Тебѣ; даруй счастіе мнѣ въ моемъ потомствѣ. Я съ покаяніемъ обращаюсь къ тебѣ, и я одинъ изъ покорныхъ тебѣ" (ст. 14).—Вейль думаетъ, что, по крайней мѣрѣ, вторая половина, этого стиха направлена въ пользу Абу-Бекра; но если принять во вниманіе преданіе, утверждающее это, то нужно соединить этотъ стихъ съ 16-мъ стихомъ, который относится не къ самому Абу-Бекру, а къ его сыну Абдуррахману, долгое время не соглашавшемуся принять исламъ: „Есть и такой, который говоритъ своимъ родителямъ: „пфу на ваши предвѣщанія, что я буду воскрешенъ! вѣдь, нѣтъ теперь тѣхъ поколѣній, которыя были прежде меня... Они оба, прося милости ему у Бога, говорятъ: „горе тебѣ! будь вѣрующимъ; потому что обѣтованіе Божіе истинно; а онъ говоритъ: это однѣ сказки прежнихъ людей".—Если допустить, что и этотъ стихъ былъ подставленъ Абу-Бекромъ, то мы придемъ къ странному заключенію, что отецъ дозволяетъ себѣ рѣзко издѣваться надъ своимъ сыномъ, давно уже состоявшимъ въ числѣ вѣрующихъ. Невѣроятно, чтобы Абу-Бекръ для своихъ цѣлей не могъ выбрать изъ Корана другихъ, болѣе подходящихъ стиховъ; онъ могъ бы найти болѣе ясныя мѣста въ доказательство своихъ правъ на преемство Мухаммеду. Но въ этомъ не было нужды, такъ какъ въ продолженіе правленія Абу-Бекра никто не сомнѣвался въ его правахъ на преемство власти Мухаммеда. Только уже позднѣе подобныя сомнѣнія стали появляться среди сторонниковъ Алія, чтобы доказать большія права его на занятіе калифата.

Наконецъ, Вейль отрицаетъ подлинность перваго стиха 17-ой главы Корана: „Хвала Тому, кто въ нѣкоторую ночь содѣйствовалъ рабу своему совершить путь отъ священной мечети къ отдаленной мечети, которой окрестности Мы благословили, для того, чтобы показать ему нѣкоторыя изъ нашихъ знаменій. Истинно, Онъ слышащій, видящій",—отрицаетъ на томъ основаніи, что и самъ Мухаммедъ не настаивалъ на реальности своего ночного путешествія къ Іерусалимскому храму. Вейль думаетъ, что этотъ стихъ былъ ошибочно присоединенъ къ Корану въ правленіе Абу-Бекра. Но для такого предположенія нѣтъ серьезныхъ основаній: многіе послѣдователи Мухаммеда считали ночное путешествіе его только сновидѣніемъ его, а изъ этого еще не слѣдуетъ заключить, что упоминаніе Корана объ этомъ путешествіи не подлинно.

Кромѣ приведенныхъ возраженій, Вейль не высказываетъ ничего другого противъ внутреннихъ достоинствъ Зяйдова сборника Корана. Что же касается самихъ мусульманъ, то они относятся съ почтеніемъ къ этому сборнику, какъ къ первому опыту редакціи ихъ священной книги. Трудъ Зяйда не только пользовался вниманіемъ современниковъ, но и заслужилъ благодарную память послѣдующихъ поколѣній. Правда, этотъ сборникъ не былъ признанъ офиціальнымъ текстомъ священной книги мусульманъ и хотя въ правленіе Абу-Бекра и Омара сохранялъ частный характеръ, однако же пользовался столь большимъ уваженіемъ среди мусульманъ, что въ правленіе третьяго халифа Османа былъ принятъ за основаніе офиціальнаго и, такъ сказать, каноническаго текста Корана.

Послѣдній вопросъ относительно перваго собранія Корана касается времени, въ какое время оно было произведено. И отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть положительно рѣшенъ, потому что мусульманскія преданія даютъ основаніе для двухъ различныхъ предположеній. На основаніи однихъ дреданій, Зяйдово собраніе Корана относится ко времени правленія Абу-Бекра*), а на основаніи другихъ преданій—къ Омарову правленію. Господствующее мнѣніе относитъ это дѣло ко времени Абу-Бекра, а противники этого мнѣнія указываютъ на то, что собранный Зяйдомъ Коранъ былъ переданъ на храненіе не дочери Абу-Бекра, а дочери Омара. Но споръ этотъ, по существу, не заслуживаетъ вниманія; видимыя разногласія устраняются сами собою при мысли о томъ, что собраніе Корана было начато при Абу Бекрѣ**), а окончено при Омарѣ, почему и было передано Хавсѣ — дочери Омара, а не дочери Абу Бекра—Айшѣ.

Шпренгеръ думаетъ, что сборникъ Зяйда имѣлъ офиціальный характеръ, но этому предположенію противорѣчитъ самый фактъ передачи Корана Хавсѣ: Омаръ не могъ бы сдѣлать этого, если бы не считалъ Зяйдовъ сборникъ своею частною собственностью. Впрочемъ, едва ли возможно говорить объ этомъ въ наше время. Намъ кажется вполнѣ умѣстною передача священной книги на храненіе вдовѣ Мухаммеда, Хавсѣ: ибо естественно, что Омаръ, какъ, отецъ, отличилъ свою дочь отъ прочихъ вдовъ Мухаммеда. Вѣроятно, и Абу-Бекръ сдѣлалъ бы тоже самое для своей дочери Айши, если бы священная книга была въ его рукахъ, и Омаръ не сталъ бы противорѣчить халифу. Значитъ, еще разъ нужно предположить, что Зяйдъ окончательно сдалъ свою работу уже Омару, по смерти Абу-Бекра.

---

*) Выше было упомянуто, что Зяйдъ принялся за собираніе Корана въ 634 году, въ правленіе Абу-Бекра.

**) Абу-Бекръ правилъ съ 8 іюня 632 г. по 22 августа 634 г., а Омаръ съ 22 августа 634 г. по 3 ноября 644 г.

Зяйдова редакція закончилась раздѣленіемъ Корана на главы. Разсказъ о томъ, какъ Омаръ приписывалъ себѣ право составить отдѣльную главу даже изъ трехъ стиховъ, показываетъ, что во время Зяйдовой работы надъ собираніемъ Корана мусульмане считали себя въ правѣ соединять въ главы разные отдѣльные отрывки по произволу; но этотъ произволъ самъ собою прекратился при третьемъ халифѣ Османѣ, когда внѣшній видъ Корана былъ уже окончательно установленъ.

Первое (Зяйдово) собраніе Кроана имѣло своею ближайшею цѣлью сохранить потомству всѣ изрѣченія Корана, какія были обнародованы Мухаммедомъ, и устранить такимъ образомъ возможность утраты или искаженія даннаго арабамъ Закона Божія. Это ясно видно изъ распоряженія Омара, передавшаго Зяйдовъ сборникъ своей дочери, =Хавсѣ на храненіе, а не считавшаго нужнымъ распространять списокъ этого сборника среди мусульманъ разныхъ мѣстностей Аравіи. Очевидно, въ первые годы Омарова правленія послѣдователи Мухаммеда не чувствовали еще настоятельной нужды въ писанномъ Коранѣ, потому что вездѣ находились благочестивые мусульмане, твердо сохранявшіе въ своей памяти преподданнео имъ Ученіе Божіе. Тогда, по словамъ Шпренгера, послѣдователи Мухаммеда держались еще основного убѣжденія, что слово Божіе должно жить въ сердцахъ вѣрующихъ и не быть предметомъ споровъ. Каждый мусульманинъ заучивалъ на память или записывалъ для себя столько стиховъ или главъ изъ Корана, сколько требовали этого его духовныя нужды. И большая часть первыхъ мусульманъ довольствовались читаемыми при богослуженіи отрывками, которые безъ особеннаго труда заучивались наизустъ. Естественно установился обычай, что знавшіе на память большую часть Корана становились во время общественной молитвы впереди, были предстоятелями (имамъ) въ ряду молящихся и читали вслухъ извѣстные имъ отрывки изъ Корана, а остальные благоговѣйно внимали этому чтенію.

Такой обычай побуждалъ предстоятелей (имамовъ) относиться серьезно и съ благоговѣніемъ къ заучиваемому священному тексту,— не только къ самымъ его выраженіямъ, но и къ правильному произношенію заученаго. А для этого необходимо было провѣрять заучиваемый текстъ при помощи другихъ знатоковъ Корана. Затѣмъ, уже заученный на память отрывокъ могъ быть записанъ, чтобы лучше сохранить священный текстъ на будущее время. Но такой порядокъ не могъ долго держаться въ первоначальной мусульманской общинѣ, пот. что постепенно стали возникать разночтенія священной книги, что вызвало обнародованіе священнаго текста для всеобщаго употребленія.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ Зяйдово собраніе Корана, какъ первый опытъ столь труднаго и отвѣтственнаго дѣла, естественно должно было имѣть и недостатки и не годилось для офиціальнаго употребленія. Шпренгеръ ставитъ въ вину Зяйду его недостаточную разборчивость въ нѣкоторыхъ случаяхъ, т. к. Зяйдъ раздѣлялъ стихи, близкіе по содержанію, и соединялъ въ одинъ стихъ разнородные стихи, а иногда повторялъ одни и тѣ же стихи въ разныхъ главахъ Корана. Напримѣръ 7 гл. 161 ст.=2 гл. 55 ст.; гл. 2, ст.162=2 гл. 56 ст.; но 160-й ст. 7 гл. раздѣленъ и соотвѣтствуетъ 54 и 57 ст. 2 гл. При этомъ Шпренгеръ оговаривается, что только немногія повторенія, встрѣчающіяся въ Коранѣ, можно приписать Зяйду, такъ какъ и самъ Мухаммедъ не рѣдко примѣнялъ обнародованныя имъ ранѣе поученія къ новымъ случаямъ жизни и не рѣдко вводилъ ранніе стихи Корана въ позднѣйшія свои рѣчи*). Зяйдъ, знавшій наизусть большую часть Корана, могъ также повторять во время общественной молитвы извѣстные ему стихи Корана.

Отсутствіе порядка въ распредѣленіи главъ Корана объясняется тѣмъ, что отдѣльные отрывки его не были перенумерованы, и потому каждая глава могла быть первою и послѣднею. Поэтому на вопросъ Мухаммеда-бенъ-Сирина: „будетъ-ли Коранъ составленъ хронологически, какъ онъ былъ ниспосланъ?“, Икрима могъ справедливо отвѣтить: „если-бы соединились джины (духи) и люди для того, чтобы составить Коранъ такимъ образомъ, то не были-бы въ состояніи сдѣлать этого“.—Вообще критическій принципъ, какого слѣдовало-бы держаться собирателямъ Корана, былъ совершенно чуждъ мусульманамъ того времени; поэтому издатели и ограничились чисто внѣшнимъ принципомъ, распредѣливъ главы по количеству стиховъ: самыя длинныя главы были поставлены въ началѣ сборника, а самыя короткія въ концѣ. Но и эта простая система въ распредѣленіи главъ Корана не была строго выдержана Зяйдомъ, такъ какъ по числу стиховъ не всѣ предыдушія главы короче своихъ послѣдующихъ, какъ сказано выше.

Ибнъ-Маз'удъ раздѣлилъ главы Корана на группы, причемъ также принималъ во вниманіе количество стиховъ. Первую группу, въ которой заключались 2—7 и 10-я главы, онъ назвалъ „длинною“; вторую группу, состоявшую изъ 9, 11, 12, 16, 17, 18, 20, 21, 23, 26 и 27 главъ, онъ назвалъ „сотенною“, потому-что самая краткая изъ этихъ главъ имѣла 110 стиховъ. Потомъ у него слѣдовали „двойныя“ главы, или повторяемыя: 8, 12, 14, 15, 19, 22, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 33—39 и 47. Самая длинная изъ этихъ главъ имѣла 99 краткихъ стиховъ, а самыя краткія—34 долгихъ стиха. Затѣмъ слѣдовала осо-

*) Повтореній въ Коранѣ оч. много. См. по Указателю Г. Саблукова.

бая группа главъ, почти равныхъ между собой и начинавшихся съ буквъ Ха—Мимъ и потому называвшихся „Хамимъ-суры", именно: 40—46 главы.

Послѣднія главы Корана, начиная съ 49-й главы, составляютъ особый отдѣлъ и называются „Муфассаль". Онѣ дѣлятся на три группы: 1) группа длинныхъ главъ—тиволи-муфассаль—49—84 главы, 2) группа среднихъ главъ—аусатъ-муфассаль—85—97 главы и 3) краткія главы—кысаръ-муфассаль—98—114 главы*).

По словамъ Шпренгера, сборникъ Зяйда былъ охотно принятъ современниками и употреблялся при общественныхъ молитвахъ въ мечетяхъ, почему носилъ названіе: „Аль-Масхафуль-Мухтаръ", т. е. общепризнанный или офиціальный сборникъ, хотя это названіе, по словамъ того же Шпренгера, болѣе приличествовало позднѣйшему сборнику Корана, обнародованному въ правленіе халифа Османа. Нольдеке не придаетъ Зяйдову сборнику никакого офиціальнаго значенія**).

Всѣ изложенныя выше данныя, касающіяся „перваго" собранія отдѣльныхъ частей Корана, основаны на показаніяхъ мусульманъ-суннитовъ, которые соединяютъ исполненіе этой важной работы съ именемъ Зяйда. Но мусульмане-шіиты, относясь съ особымъ благоговѣніемъ къ памяти четвертаго халифа Алія, не соглашаются съ такимъ мнѣніемъ и считаютъ Алія „первымъ" собирателемъ Корана. Шіиты утверждаютъ, что Алій еще при жизни Мухаммеда собралъ воедино отрывки Корана, записанные на листьяхъ и лоскуткахъ шелковой матеріи, которые хранились подъ подушкой Мухаммеда. При этомъ Алій далъ, будто-бы, обѣтъ не выходить изъ дома, пока порученное ему дѣло не будетъ доведено имъ до конца. Другіе, болѣе умѣренные, разсказываютъ, что Алій собралъ Коранъ уже по смерти Мухаммеда, пока находился въ мирѣ съ первыми халифами и не домогался чести и власти, будучи занятъ столь богоугоднымъ дѣломъ. Но, очевидно, что мнѣніе шіитовъ сложилось не на основаніи дѣйствительнаго факта, а изъ тенденціи возвысить Алія надъ его предшественниками: Абу-Бекромъ, Омаромъ и Османомъ, которыхъ шіиты считаютъ узурпаторами халифата. Нольдеке считаетъ такое увѣреніе шіитовъ подозрительнымъ до смѣшного и противорѣчащимъ общемусульманскому вѣрованію.

---

*) По мнѣнію нѣкоторыхъ, суры муфассаль начинаются съ 49-й главы, или съ 50-й, или съ 53-й, или же съ 47-й главы до конца Корана. (См. Мухтасару-ль-викая, гл. о молитвѣ. Казань. 1260—1845, стр. 19.

**) По нѣкоторымъ преданіямъ, первые мусульмане и послѣ собранія Корана, сдѣланнаго Зяйдомъ, продолжали читать Коранъ наизустъ, кто какъ запомнилъ.

Причины, вызвавшія первое собраніе Корана, продолжали существовать: число знатоковъ Корана постепенно уменьшалось, а въ то же время большая часть послѣдователей Мухаммеда не столько заботились объ изученіи Корана, сколько мечтали о войнахъ и военной добычѣ. Какъ мало распространено было знаніе Корана между мусульманами перваго времени, видно изъ слѣдующаго преданія: „Послѣ сраженія при Кадесіи, Омаръ написалъ военачальнику Саиду-бенъ-Абу Ваккасу, чтобы онъ подѣлилъ большіе остатки военной добычи между знатоками Корана. Исполняя приказаніе халифа, Саидъ позвалъ къ себѣ Амра-бенъ Магди-бенъ-Кариба. Но Амръ, когда пришелъ, то на вопросъ: въ какой степени онъ знаетъ Коранъ? отвѣчалъ, что онъ сдѣлался мусульманиномъ въ Еменѣ и съ тѣхъ поръ почти все время провелъ въ священной войнѣ, такъ что ему и некогда было заучивать Коранъ наизустъ. Саидъ ничего не назначилъ Амру изъ военной добычи. Потомъ пришелъ Бишръ изъ Таифа и на предложенный ему Саидомъ вопросъ отвѣчалъ, что онъ знаетъ изъ Корана одно „Бисмиляги-р-рахмани-р-рахимъ“ *). Присутствовавшіе при этомъ разсмѣялись, и Бишръ также не получилъ ничего изъ военной добычи**).

Но были и такіе послѣдователи Мухаммеда, которые знали Коранъ наизустъ***) и потому пользовались уваженіемъ среди своихъ единовѣрцевъ. Къ такимъ лицамъ мусульмане относились съ довѣріемъ и часто предлагали имъ быть руководителями (имамъ) во время общественной молитвы. Таковъ, напримѣръ, былъ Муджаммигъ, молодой арабъ, служившій имамомъ у такъ-называемыхъ „лицемѣровъ“.

---

*) Т. е. „Во имя Бога Милостиваго, Милосердаго“. (Молитвенное обращеніе, которымъ начинается каждая глава Корана, кромѣ девятой главы.

**) Польдеке, стр. 203, 204.

***) Такія лица называются „Хафизъ“, или „Кары“. Въ Турк. краѣ до сихъ поръ оч. распространены „кары-хана“, то есть особыя помѣщенія (кельи), въ которыхъ молодые люди, подъ руководствомъ особаго учителя, затверживаютъ текстъ Корана на память. „Хафизы“, заучивающіе Коранъ наизустъ, занимаются „исключительно“ этимъ дѣломъ (хыфзъ) не менѣе 3-хъ лѣтъ, при условіи хорошей памяти и нѣкотораго умственнаго развитія. Такъ мой знакомый юноша, приступивъ къ заучиванію непонятнаго для него арабскаго текста, цѣлыхъ три года только и занимался этимъ однообразнымъ упражненіемъ памяти. Въ теченіе этого времени онъ 8 разъ протвердилъ Коранъ неровными долями, сначала маленькими, по нѣскольку стиховъ, а затѣмъ постепенно увеличивая затверживаемыя доли.

Другіе, не отличающіеся особенно острою памятью, трудятся надъ заучиваніемъ Корана по 5 лѣтъ и болѣе, а иные такъ таки и не осиливаютъ начатаго дѣла, не смотря на все свое усердіе. Поэтому Хафизы обыкновенно пользуются среди мусульманъ уваженіемъ. Особенно бываютъ счастливы отцы юныхъ Хафизовъ, когда послѣдніе выступаютъ съ своей декламаціей въ мечети, предъ молящимися въ день мѣсяца Рамазана.

Во главѣ этой партіи стоялъ нѣкто Абу-Амръ, который еще до прибытія Мухаммеда въ Медину вѣрилъ во воскресеніе мертвыхъ, велъ аскетическую жизнь, носилъ покаянную одежду и за все это пользовался большимъ уваженіемъ. При первой встрѣчѣ съ Мухаммедомъ, Абу-Амръ спросилъ его: „Какой вѣрѣ ты учишь“? Мухаммедъ отвѣчалъ: „Я учу религіи Авраама“. Абу-Амръ сказалъ: „И я слѣдую этой же религіи“. Но Мухаммедъ отвѣтилъ: „Твоя вѣра—не религія Авраама“. Абу-Амръ возразилъ: „Нѣтъ; я всегда исповѣдывалъ эту религію, а ты ввелъ новое ученіе, чуждое вѣрѣ Авраама; между тѣмъ я не выдумывалъ ничего новаго, а проповѣдую религію Авраама въ ея совершенной чистотѣ“.

Этотъ Абу-Амръ простеръ свои притязанія до того, что приказалъ построить для своихъ приверженцевъ особую мечеть, чтобы такимъ образомъ противодѣйствовать вліянію Мухаммеда. Когда же положеніе Мухаммеда упрочилось въ Мединѣ, тогда приверженцы Абу-Амра потеряли присутствіе духа и послали сказать Мухаммеду: „Мы построили мечеть для бѣдныхъ и нуждающихся, чтобы давать имъ убѣжище въ этой мечети въ ненастную погоду. Приходи къ намъ и освяти нашу мечеть своею молитвою“. Мухаммедъ не повѣрилъ ихъ искренности и, призвавъ четырехъ приближенныхъ къ себѣ арабовъ, приказалъ имъ сжечь мечеть лицемѣровъ и разрушить ее до основанія... Но пока эта мечеть существовала, въ ней лицемѣры отправляли свое богослуженіе, и Муджаммигъ былъ въ ней имамомъ*).

Въ правленіе Омара Муджаммигъ признался халифу, что онъ былъ только орудіемъ своей партіи. Ибнъ-Исхакъ разсказываетъ: „когда Омару донесли, что Муджаммигъ былъ предстоятелемъ (имамомъ) на молитвѣ у Бану-Амръ бенъ-Ауфъ, то Халифъ воскликнулъ: „Какъ! Развѣ онъ не былъ „имамомъ лицемѣровъ“ въ ихъ мечери“?! Тогда Муджаммигъ сказалъ: „Повелитель вѣрующихъ! Клянусь единымъ Богомъ, что мнѣ ничего не было извѣстно объ ихъ намѣреніяхъ. Я былъ тогда молодымъ человѣкомъ и старался заучить наизустъ поученія Корана, а они сами ничего не знали изъ священной книги и потому пришли ко мнѣ и просили меня быть у нихъ имамомъ. Я довѣрился ихъ предложенію и считалъ ихъ намѣренія совершенно чистыми“... Послѣ этого Омаръ позволилъ ему быть имамомъ у своего племени Бану-Амръ-бенъ-Ауфъ. Но Шпренгеръ замѣчаетъ по поводу этого преданія, что такъ обыкновенно разсказывается о первыхъ мусульманахъ... Нѣкоторые біографы утверждаютъ даже, что Омаръ послалъ Муджаммига имамомъ въ Куфу.

Муджаммигъ, когда былъ еще „имамомъ лицемѣровъ“, собралъ очень большую часть изреченій Корана и послѣ того, какъ мечеть ли-

*) Sprenger, B. 3, s 409.

цемѣровъ была разрушена, по приказанію Мухаммеда, а приверженцы Муджаммига вынуждены были принять господствующее исповѣданіе,— продолжалъ еще обращать вниманіе на Коранъ, такъ что ко времени смерти Мухаммеда въ сборникѣ Муджаммига не доставало только двухъ или трехъ главъ, а по другимъ преданіямъ—даже одной только главы Корана. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, замѣчаетъ Шпренгеръ, что Муджаммигъ былъ человѣкъ съ критическимъ направленіемъ и предпринялъ собираніе Корана съ цѣлью убѣдиться въ истинности или ложности стремленій Мухаммеда. Поэтому-то его сборникъ былъ единственнымъ сборникомъ, который могъ-бы оказать услугу редакціоннымъ работамъ позднѣйшаго времени, и хотя сборникъ этотъ былъ уничтоженъ въ правленіе Османа, все же онъ имѣлъ вліяніе на Зяйдовъ сборникъ. Отъ Муджаммига, при его пытливости и скептическомъ отношеніи къ личности пророка, не могли остаться незамѣченными тѣ изреченія, которыя самъ Мухаммедъ хотѣлъ предать забвенію.

Кромѣ Муджаммига, и нѣкоторые другіе благочестивые мусульмане занимались собираніемъ изреченій Корана, имѣя при этомъ единственное желаніе—знать наизустъ и обладать такой книгой, которую они называли „фурканъ“, т. е. путь ко спасенію*).

При жизни Мухаммеда никто изъ его послѣдователей не былъ обязанъ знать Коранъ наизустъ, пот. что среди нихъ находился проповѣдникъ Корана; послѣ же его смерти, мусульмане начали собирать отдѣльные отрывки священной книги: одни, какъ любители; другіе собирали только тѣ отрывки, которые были нужны имъ для чтенія во время богослуженія. Говорятъ также, что Салимъ, воспитанникъ Абу Хузайфы былъ первымъ собирателемъ Корана по смерти Мухаммеда и составилъ цѣлую книгу изъ отдѣльныхъ изреченій Корана. Но это мнѣніе основывается на единственномъ преданіи и потому не можетъ быть признано достовѣрнымъ. Впрочемъ Салимъ превосходилъ Абу-Бекра и Омара въ знаніи Корана и такъ хорошо могъ читать его, что самъ Мухаммедъ хвалилъ его. Извѣстно также, что Ибнъ-Мас'удъ занимался собираніемъ Корана, а среди мединцевъ—Убай-бенъ-Маликъ**), умѣвшій писать и состоявшій въ должности секретаря Мухаммеда. Онъ ввелъ нѣкоторыя особенности въ формѣ дѣловыхъ бумагъ, которыя сначала надписывались „Отъ Мухаммеда такому-то“, послѣ чего писался самый текстъ бумаги. Убай сталъ скрѣплять дѣловыя письма своею надписью: „писалъ такой-то, сынъ такого-то“, Въ каждые восемь дней Убай прочитывалъ весь Коранъ, и Мухаммедъ хвалилъ его за знаніе

*) Араб. „фурканъ“ буквально означаетъ различеніе, т. е. истины отъ лжи, истиннаго богопочтенія отъ ложнаго.

**) Онъ именно предложилъ Мухаммеду бѣжать для спасенія изъ Мекки въ Медину.

Корана. Сборники Ибнъ-Мас'уда и Убая были въ обращеніи у мусульманъ и въ правленіе Абу-Бекра и Омара.

Такимъ образомъ, по смерти Мухаммеда было нѣсколько сборниковъ Корана, которые отличались своими особенностями, касавшимися чтенія нѣкоторыхъ мѣстъ, и потому руководители общественной молитвы (имамы разныхъ мѣстностей), имѣя въ рукахъ разные сборники, не сходились въ чтеніи однихъ и тѣхъ же стиховъ своей священной книги. Такое разногласіе было тѣмъ болѣе естественно, что собранный Зяйдомъ Коранъ не былъ еще обнародованъ. Поэтому скоро стали чувствовать потребность въ неотложномъ исправленіи дѣла. Въ большихъ городахъ, если кто и соблазнялся разностями въ чтеніи Корана, могъ еще какъ-нибудь разрѣщить свои недоумѣнія и сомнѣнія: въ такихъ городахъ были люди, знавшіе Коранъ, которые могли рязъяснить сомнѣнія спрашивавшему. Совсѣмъ не то было въ провинціяхъ. Въ преданіи Ибнъ-Саида разсказывается, что Омаръ, во время своего управленія халифатомъ получилъ однажды отъ сирійскаго намѣстника письмо слѣдующаго содержанія: „Арабы умножились въ этой странѣ и наполнили собою города, но они не имѣютъ наставника въ религіи. Помоги мнѣ, повелитель вѣрующихъ, и пришли намъ учителей". Омаръ призвалъ къ себѣ арабовъ, хорошо знавшихъ Коранъ, и спросилъ ихъ, хотятъ ли они отправиться въ Сирію? Двое изъ нихъ, Абу-Айюбъ и Убай отказались—первый по старости, а второй по болѣзни, и въ Сирію отправились трое, именно: Абдъ-бенъ-Салманъ, который потомъ и остался тамъ; Мугаджъ, который отправился оттуда въ Палестину, и Абу-Дардъ, ушедшій въ Дамаскъ. И въ другія провинціи посланы были такіе же наставники въ вѣрѣ. Но если подобные люди, живя въ одномъ мѣстѣ, не согласовались въ чтеніи Корана, то, когда они разошлись по разнымъ странамъ, увеличились и разногласія въ чтеніи священной книги. Слѣдствіемъ этого было то, что Коранъ въ однѣхъ мечетяхъ читался такъ, въ другихъ иначе.

Разности въ чтеніи нѣкоторыхъ стиховъ Корана замѣчались и при жизни Мухаммеда, но не могли оказывать тогда вреднаго вліянія на внутреннее развитіе ислама. Тогда, въ случаѣ нужды, самъ Мухаммедъ могъ возстановить правильное чтеніе извѣстнаго мѣста Корана, а теперь проповѣдникъ Корана уже безмолвовалъ и не могъ ничего представить въ защиту истиннаго чтенія. Между тѣмъ, по поводу разногласій въ чтеніи Корана, могли возникнуть серьезные споры, которые чувствительно отозвались бы на религіозной жизни мусульманъ. Въ преданіи разсказывается, что во время войны съ Арменіей и Азарбайджаномъ*), воины Ирака и Сиріи спорили изъ-за пра-

*) По мнѣнію большинства, эта война относится къ 30-му году гиджры, и лишь одинъ Ибнъ-Хиджаръ относитъ ее къ 25-му году.

вильнаго чтенія Корана. Хузайфа-бенъ-аль-Ямянъ, находившійся въ то время при войскѣ и основательно опасавшійся потворенія подобнаго же спора, нашелся вынужденнымъ отправиться въ Медину и посовѣтывать тогдашнему халифу Осману предпринять новое полное и основательное собраніе Корана, чтобы тѣмъ устранить на будущее время возможность подобныхъ разногласій священнаго текста. Явившись къ халифу Осману, Хузайфа сказалъ: „Повелитель вѣрующихъ! уничтожь это зло въ нашей религіи, прежде чѣмъ умножатся спорныя мнѣнія относительно Корана и прежде чѣмъ эти споры уподобятся спорамъ іудеевъ и христіанъ". Халифу понравился этотъ совѣтъ, и онъ поручилъ это дѣло Зяйду-бенъ-Тсабиту и нѣкоторымъ корейшитамъ. Зяйдъ и корейшиты собрали и сличили всѣ существовавшіе тогда сборники Корана и въ основаніе новаго изданія положили сборникъ Абу-Бекра. Послѣ того, какъ новый списокъ Корана былъ готовъ, Халифъ Османъ приказалъ всѣ прежніе экземпляры уничтожить*), а новые списки Корана Халифъ послалъ въ разныя провинціи, съ тѣмъ, чтобы они служили тамъ главнымъ руководительнымъ кодексомъ въ жизни послѣдователей Мухаммеда. И экземпляръ Хавсы, пощаженный халифомъ, недолго продолжалъ свое существованіе: вскорѣ послѣ того этотъ списокъ былъ уничтоженъ градоначальникомъ Медины, Марваномъ.

Новая редакція Корана была предпринята Османомъ болѣе по политическимъ соображеніямъ, чѣмъ по религіознымъ, все равно, кому принадлежала иниціатива дѣла—самому ли Осману, или Хузайфѣ бенъ-аль-Ямяну. Новое изданіе Корана могло окончательно установить единство во всѣхъ отрасляхъ политико-религіозной жизни мусульманъ, что болѣе всего было нужно въ правленіе слабаго и со всѣхъ сторонъ преслѣдуемаго Османа. Что обнародованіе Османовскаго сборника вызвано было не однимъ только сознаніемъ нужды въ оффиціальномъ текстѣ Корана, но и политическимъ разсчетомъ, это допускалъ и Ренанъ, говоря: „въ наше время Вейль держится того мнѣнія, что изданіе Османа не было чисто грамматическою работой, какъ, вѣроятно, и утверждаютъ арабы; но несомнѣнно, что на это изданіе имѣла вліяніе и политика того времени" **). Съ этою цѣлью Османовскіе списки Корана были распространены по всѣмъ провинціямъ, а чтобы единство въ законѣ не нарушалось существовавшими разностями въ другихъ спискахъ Корана, Османъ, очень невыгодно

*) По однимъ преданіямъ, Османъ приказалъ сжечь, а по другимъ разорвать на клочки всѣ другіе сборники, кромѣ Абу-Бекрова, который былъ возвращенъ Хавсѣ. Очевидно, Османъ въ ея лицѣ сдѣлалъ исключеніе для вдовы Мухаммеда, дочери Омара, которому былъ много обязанъ. Хавса умерла въ 41—45 г.г. гиджры (661—665 г. по Р. Хр.).

**) Etudes, p. 292.

для позднѣйшей критики текста Корана, распорядился уничтожить всѣ другіе сборники, отличные отъ его изданія. Вѣроятно, подобную опасность предвидѣлъ и правитель Медины Марванъ, когда рѣшилъ посягнуть даже на собственность вдовы Мухаммеда, Хавсы, хотя неизвѣстно, когда уничтоженъ былъ хранившійся у нея сборникъ. т. е. при жизни ея, или уже послѣ ея смерти.

Нѣтъ сомнѣнія, что столь важное дѣло, какъ собраніе Корана, было предпринято съ согласія, по крайней мѣрѣ, многихъ старыхъ асхабовъ Мухаммеда, такъ какъ извѣстно, что ни одинъ халифъ не смѣлъ при жизни асхабовъ предпринять что-нибудь важное безъ согласія многихъ изъ нихъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не заподозрить въ тенденціозности, направленной къ выгодамъ Османа, другого преданія, по которому всѣ рѣшительно асхабы Мухаммеда, находившіеся тогда въ Мединѣ, одобрили Османовъ списокъ Корана и осудили на сожженіе всѣ остальные экземпляры его, и что Алій, будто бы, сказалъ, что и онъ поступилъ бы точно также, если бы былъ халифомъ. Важно при этомъ знать, кому поручилъ Османъ просмотръ своего списка. Если бы халифъ обращалъ вниманіе на людей, знающихъ Коранъ, то додженъ бы былъ поручить это дѣло главнымъ образомъ Ибнъ-Мас'уду; но въ лицѣ Ибнъ-Мас'уда халифъ встрѣтилъ бы упорнаго человѣка, который ни за что не захотѣлъ бы отступить отъ своего чтенія. Поэтому Османъ и не ввѣрилъ Ибнъ-Мас'уду этого дѣла, а поручилъ главную работу тому Зяйду-Ибнъ-Тсабиту, который исполнялъ и первое собраніе Корана и который притомъ былъ приверженцемъ Оммаядовъ, держался на сторонѣ Османа, вооружался противъ его враговъ и былъ его казначеемъ. Зяйду, при такихъ отношеніяхъ, жилось хорошо, вслѣдствіе чего послѣ его смерти, послѣдовавшей въ правленіа Моавіи, въ 45 году Гиджры, осталось очень большое состояніе.

Въ этой „второй“ редакціи Корана участвовали и другія лица, кромѣ Зяйда, но объ ихъ именахъ существуютъ различныя показанія. Обыкновенно, на основаніи преданія Анаса-бенъ-Малика, называютъ слѣдующихъ лицъ: Абдуллу-бенъ-аз-Зубаира, Саида-бенъ-аль-Аса, Абдуррахмана-бенъ-аль-Кариса-бенъ-Хишама. Изъ нихъ Саидъ-бенъ-аль-Асъ самъ происхолилъ изъ рода Оммайядовъ и притомъ былъ любимцемъ стараго халифа, который съ величайшимъ трудомъ принудилъ себя уступить бурнымъ притязаніямъ куфійцевъ, требовавшихъ отъ Османа, чтобы онъ удалилъ Саида отъ управленія городомъ. Куфійцы ненавидѣли Саида за его скупость, или, вѣрнѣе, за бережливость, такъ какъ извѣстно, что онъ, напримѣръ, сократилъ содержаніе женамъ. Каждому, даже немного знакомому съ исторіей города Куфы, можетъ, по словамъ Нольдеке*), показаться яснымъ, какъ не трудно

*) Geschichte des Qorans, S. 207, Anm. 6. 7.

было Саиду заслужить отъ этихъ вѣчномятежныхъ людей подобное обвиненіе. Куфійцы ненавидѣли Саида и за его корейшитское происхожденіе, которое онъ всегда противопоставлялъ религіозному авторитету „старыхъ“ асхабовъ Мухаммеда, между тѣмъ какъ самъ родился вскорѣ послѣ Гиджры и ему, слѣдовательно, тогда никакъ не могло быть и 30-ти лѣтъ.

Абдуррахманъ-бенъ-Харисъ бенъ-Хишамъ происходилъ изъ знатнѣйшаго рода Бяну-Махзумъ и родился за 10 лѣтъ до смерти Мухаммеда. Ему, слѣдовательно, во время изданія Османовскаго Корана было только 30 лѣтъ. А такъ какъ онъ былъ воспитанъ Омаромъ, то и можно полагать, что онъ былъ добрымъ мусульманиномъ. Принадлежалъ ли онъ къ партіи оммайядовъ,—неизвѣстно, но одинъ разъ онъ высказался, какъ противникъ Алія.

Самымъ знаменитымъ сотрудникомъ при изданіи Османовскаго Корана былъ Абдулла-бенъ-аз-Зубаиръ. По возрасту онъ былъ почти равенъ своимъ товарищамъ, такъ какъ родился вскорѣ послѣ бѣгства Мухаммеда въ Медину. О его жизни до умерщвленія Османа многаго неизвѣстно; но изъ того, что онъ былъ сыномъ предводителя партіи, который позднѣе самъ выступалъ въ качествѣ претендента на халифатъ, можно за вѣрное полагать, что онъ не принадлежалъ къ безусловнымъ приверженцамъ Оммайядовъ.

Преданіе Мукнига не упоминаетъ о Саидѣ-бенъ-аль-Асѣ, а вмѣсто него называетъ Абдуллу-бенъ-Амра-бенъ-аль-Аса, который родился почти за 5 лѣтъ до Гиджры и который, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, принадлежалъ къ партіи Оммайядовъ. Вмѣстѣ съ этимъ Абдаллой называется другой Абдулла-бенъ-Аббасъ, который, какъ Хашимидъ, очевидно поставленъ не на свое мѣсто и названъ только по своей извѣстности, какъ толковникъ Корана.

Позднѣйшіе источники присоединяютъ къ этимъ четыремъ издателямъ Османовскаго сборника еще Убая-бенъ-Кагба, извѣстнато знатока Корана, который имѣлъ свое собственное чтеніе и названъ здѣсь, вѣроятно, для того, чтобы показать, что въ Османовскомъ изданіи участвовали и другіе чтецы Корана, за исключеніемъ Ибнъ-Мас'уда. Нольдеке считаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что Убай-бенъ-Кагбъ умеръ до начала этого предпріятія, хотя преданія о его смерти разногласятъ. Такъ, напримѣръ, Аль-Вакиди слышалъ отъ своей семьи, что Убай умеръ въ 22-мъ году гиджры; другіе относятъ время его смерти къ 19-му или 20-му году, а нѣкоторые даже къ 30-му году гиджры, т. е. къ тому именно году, въ которомъ производился второй пересмотръ Корана. Среди преданій о числѣ лицъ, участвовавшихъ въ изданіи Османова сборника, есть одно такое, которое насчитываетъ до 12 редакторовъ, но имена ихъ неизвѣстны. Да и вообще невѣ-

роятно, чтобы къ этому дѣлу было приставлено столько рабочихъ рукъ. Всѣмъ этимъ преданіямъ, расногласящимъ между собою, еще болѣе противорѣчитъ то преданіе, по которому Зяйдъ исполнилъ эту работу, при помощи только одного корейшита. Табари, кромѣ этого корейшита, называетъ еще только Абакъ-бенъ Саида-бенъ-аль-Аса оммайяда. Есть также преданіе, по которому Османъ спросилъ будто бы асхабовъ Мухаммеда, кто изъ нихъ лучше понимаетъ по-арабски и кто лучше умѣетъ писать.. Самымъ лучшимъ знатокомъ арабскаго языка былъ признанъ Саидъ-бенъ-аль-Асъ, а самымъ лучшимъ каллиграфомъ—Зяйдъ-бенъ-Тсабитъ. Поэтому первый диктовалъ текстъ Корана, а послѣдній писалъ. Но это преданіе, вѣроятно, было составлено уже въ позднѣйшее время и притомъ имѣло въ виду представить, что Османовское собраніе Корана своимъ появленіемъ было обязано болѣе асхабамъ Мухаммеда, чѣмъ самому Осману. Нольдеке считаетъ невѣроятнымъ въ этомъ преданіи вопросъ Османа о томъ, кто лучше понимаетъ арабскій языкъ, какъ будто арабскій языхъ уже тогда былъ предметомъ изученія, и что одни понимали его лучше, чѣмъ другіе...

Изъ всѣхъ этихъ преданій самымъ достовѣрнымъ и самымъ вѣроятнымъ, по мнѣнію Нольдеке, должно быть признано то, которое называетъ четырехъ издателей Османова сборника. Самыя лучшія преданія утверждаютъ, что къ мединцу Зяйду присоединены были нѣкоторые молодые корейшиты, такъ какъ корейшитское нарѣчіе, на которомъ былъ обнародованъ Коранъ, было лучше извѣстно въ Аравіи и могло лучше сохраниться. Разсказываютъ также, что когда между этими корейшитами и Зяйдомъ возникъ споръ о томъ, какую орфографію они должны были соблюдать при письмѣ, то Османъ самымъ лучшимъ призналъ корейшитское письмо, какъ видно изъ слѣдующаго разсказа: „Зяйдъ хотѣлъ написать слово „табутъ“ съ конечнымъ „т“ безъ точекъ, а прочіе его сотрудники настаивали на томъ, чтобы писать обыкновенное конечное „т“ съ точками. Османъ высказался тогда за послѣдній способъ письма, какъ за корейшитскій. Но примѣръ этотъ выбранъ очень неудачно. Слово „табутъ“, по мнѣнію спеціалистовъ, не арабское, а было заимствовано у іудеевъ или христіанъ еще до Мухаммеда, и потому было въ высшей степени нелѣпо спорить о его корейшитской формѣ. Да и какъ могли спорить о такихъ тонкихъ различіяхъ въ діалектѣ, когда въ арабскомъ письмѣ гласныя и многія согласныя выражались такими несовершенными знаками, посредствомъ которыхъ они не могли быть точно переданы? Это возраженіе получаетъ еще большее значеніе при представленіи столь незначительнаго отличія мединскаго нарѣчія отъ меккскаго, что не сохранилось никакихъ ясныхъ слѣдовъ этого отличія, и что даже зна-

менитые лингвисты всегда говорятъ только вообще объ одномъ хиджазскомъ нарѣчіи. Наконецъ, вообще нужно сказать, что споры о подобныхъ формахъ языка были совершенно не возможны или, по крайней мѣрѣ, не въ духѣ того времени. Этотъ разсказъ есть поэтому не болѣе, какъ только попытка объяснить вопросъ, почему Коранъ былъ редактированъ два раза. При этомъ главное вниманіе было направлено къ тому, чтобы доказать, что Абу-Бекрово собраніе Корана заключало въ себѣ чтенія на всѣхъ семи діалектахъ Аравіи, тогда какъ Османовскій сборникъ представлялъ только одно чтеніе, именно корейшитское, которому, по вѣрованію мусульманъ, слѣдовалъ и ангелъ Гавріилъ, когда въ послѣдній разъ повторялъ Коранъ Мухаммеду.

Всѣ, однако, преданія согласны въ томъ, что при Османовскомъ собраніи Корана былъ принятъ во вниманіе Абу-Бекровъ сборникъ, и нѣтъ основаній не довѣрять этому преданію. Тѣмъ болѣе сомнѣніе здѣсь неумѣстно, что въ настоящее время ничего неизвѣстно объ особенностяхъ другихъ сборниковъ (если ими и пользовались редакторы Османова сборника) и сколь далеко простиралось вниманіе собирателей къ этимъ другимъ сборникамъ, т. е. присоединяли ли они новыя мѣста къ Абу-Бекрову сборнику и т. обр. исправляли Абу-Бекровъ сборникъ сообразно съ другими экземплярами. Во всякомъ случаѣ главною цѣлью Османа можно считать уничтоженіе всѣхъ другихъ списковъ Корана для полнаго изъятія ихъ изъ обращенія.

Редакціонная работа производилась безъ критическихъ пріемовъ, какъ утверждаетъ Вейль, а Нольдеке считаетъ лишнимъ и упоминать объ этомъ*). Таково, слѣдующее преданіе: „Когда начинали разногласить относительно стиховъ Корана и говорили: посланникъ Божій—благословеніе Божіе и миръ ему—читалъ ихъ такому-то, сыну такого-то, тогда рѣшали: если этотъ арабъ находился отъ Медины на три ночи пути, то посылали къ нему и, когда онъ приходилъ, спрашивали его: какъ посланникъ Божій—благословеніе Божіе и миръ ему—читалъ тебѣ вотъ то и вотъ то? и записывали, что онъ говорилъ“...

Такимъ образомъ въ сборникъ вошли всѣ стихи Корана, какіе могъ собрать, а Зяйдъ и его товарищи придали Корану тотъ видъ, который существуетъ и доселѣ. Надъ каждой отдѣльной главой они надписали: „бисмилля“ **), что введено было еще самимъ Мухаммедомъ и было выставлено надъ каждымъ записаннымъ отрывкомъ Корана. Только надъ девятой главой такой надписи не было и, вѣроятно, сознательно, потому что и всѣ другіе списки Корана того времени были безъ этой надписи.

*) S. 212.

**) Во имя Бога Милостиваго, Милосердаго.

Изъ представленной исторіи второго собранія Корана, исполненаго въ правленіе третьяго халифа Османа, нельзя выводить положительнаго, несомнѣннаго заключенія о томъ, чтобы въ этомъ изданіи допущены были намѣренныя со стороны Османа поддѣлки и измѣненія нѣкоторыхъ мѣстъ*). По крайней мѣрѣ, во всемъ томъ, что извѣстно объ этомъ изданіи, нельзя находить несомнѣнныхъ фактовъ, на основаніи которыхъ можно бы было заключать о подобныхъ измѣненіяхъ. Современный текстъ Корана не можетъ представить никакихъ доказательствъ ни за, ни противъ этого мнѣнія, потому что онъ существуетъ теперь въ единственной редакціи, приданной ему при Османѣ, а варіантовъ этого текста не сохранилось, такъ какъ всѣ другіе списки его, по приказанію Османа, были тщательно уничтожены. Такимъ образомъ современная критика этого текста можетъ находить только нѣкоторыя и притомъ чисто внѣшнія основанія для предположенія какихъ-либо измѣненій въ текстѣ Османовскаго сборника. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что при собираніи Корана Османъ руководился, кромѣ чисто религіозныхъ соображеній, и политическими; обнародованіемъ своего именно сборника Корана во всеобщее употребленіе халифъ хотѣлъ положить основаніе политическому единству своихъ подданныхъ. Изъ краткихъ свѣдѣній, касающихся лицъ, которымъ было поручено это собраніе, и ихъ отношеній къ интересамъ Османа, также видно, что они принадлежали къ его партіи, состояли въ довольно короткихъ отношеніяхъ съ халифомъ; а изъ этого можно заключить, по крайней мѣрѣ, о возможности осуществленія предполагаемыхъ измѣненій самаго текста Корана. Если-бы Османъ имѣлъ это въ виду, то люди, приставленные имъ къ этой работѣ, могли-бы безпрекословно исполнять его малѣйшія желанія; но извѣстно также, что одинъ изъ издателей Османовскаго Корана, именно Аз-Зубаиръ менѣе всего былъ склоненъ къ какимъ бы то ни было уступкамъ въ этомъ случаѣ Говорятъ, нужно имѣть въ виду ту всестороннюю зависимость, въ которой старый халифъ находился отъ своихъ непомѣрночестолюбивыхъ родственниковъ, которые многократно побуждали его ради ихъ интересовъ нарушать предписанія Мухаммеда; но и при такой зависимости Османа отъ своихъ родственниковъ, представляются невозможными умышленныя искаженія Корана, такъ какъ нѣтъ прямыхъ, фактическихъ доказательствъ на допущеніе подобнаго предположенія.

Только шіиты представляютъ доказательства въ подтвержденіе такого мнѣнія; но на ихъ показанія, какъ на показанія враговъ Абу-Бекра и Омара, полагаться строго невозможно. Хотя шіиты никогда

*) О новомъ мнѣніи оріенталиста Поля Казанова будетъ сказано ниже

не читали въ Коранѣ о томъ, что Алій и его потомство удостоились, будто-бы, особенной святости; несмотря на то, они все-таки обвиняютъ своего врага халифа Османа въ томъ, что онъ измѣнилъ или даже совсѣмъ уничтожилъ тѣ мѣста въ Коранѣ, какія относились къ Алію и его дому. Такъ они утверждаютъ, что въ Коранѣ много разъ будто-бы были укоряемы такъ-называемые „ансары", т. е. тѣ мединцы, которые помогали Мухаммеду бѣжать изъ Мекки и „мугаджиры", т. е. тѣ мекканцы, которые бѣжали вмѣстѣ съ Мухаммедомъ изъ Мекки въ Медину,— но что Абу-Бекръ или Османъ все это тщательно изгладили.

Шіиты разсказываютъ также смѣшную басню о томъ, что Алій представилъ будто-бы Абу-Бекру свой совершенно полный Коранъ, чтобы тотъ (Абу-Бекръ) не имѣлъ никакого оправданія на будущемъ судѣ, но Абу-Бекръ рѣшилъ умертвить его и т. п.

Но всѣ подобнаго рода разсказы и предположенія ложны, въ чемъ, по словамъ Нольдеке, не можетъ быть ни у кого сомнѣнія. Тѣ мнимыя преимущества Алія и аліидовъ, какія имъ приписываютъ шіиты, имѣютъ своимъ источникомъ не духъ ислама, съ которымъ они стоятъ скорѣе въ прямомъ противорѣчіи, а нѣчто другое. Кто представитъ себѣ авторитетъ Мухаммеда, какимъ онъ пользовался при своей жизни, тотъ не станетъ отрицать, что если-бы Мухаммедъ хотя бы даже единственный разъ упомянулъ о правахъ Алія, то никакая интрига не могла бы тогда лишить его непосредственнаго наслѣдованія Мухаммеду въ халифатѣ. Нольдеке не сомнѣвается поэтому въ томъ, что халифатство Абу-Бекра и затѣмъ Омара было совершенно согласно съ мыслями Мухаммеда.

Вѣрнѣе или точнѣе слѣдовало бы сказать, что халифатство первыхъ трехъ (а особенно двухъ) халифовъ было, по крайней мѣрѣ, не противно мыслямъ Мухаммеда, который, умирая, не высказалъ ничего о томъ, кому именно должно было наслѣдовать его власть. И если бы въ Коранѣ дѣйствительно было много такихъ мѣстъ, въ которыхъ говорилось объ Аліѣ и его преимуществахъ предъ всѣми людьми, то возможно ли было бы представить себѣ, чтобы ансары и мугаджиры, въ рукахъ которыхъ находился выборъ перваго халифа, не обратили своего вниманія на эти стихи и не подумали бы объ Аліѣ? Авторъ сочиненія „Мабани", писаннаго противъ шіитовъ, возражаетъ противъ обвиненій, возводимыхъ шіитами на Абу-Бекра и Османа такимъ образомъ: если Алій не имѣлъ силы воспрепятствовать Абу-Бекру и Осману въ уничтоженіи или измѣненіи столькихъ мѣстъ въ Коранѣ, то почему же онъ никогда не упомянулъ объ этомъ, особенно послѣ того, какъ самъ сдѣлался халифомъ?

Равнымъ образомъ ложно и то, что изъ Корана будто бы были выброшены выраженія, въ которыхъ обличаются ансары и мугаджиры въ разныхъ предосудительныхъ поступкахъ, тогда какъ подобныя обличенія сохранились въ значительномъ количествѣ и въ современномъ Коранѣ, напримѣръ въ 3-й главѣ. Обличенія эти касаются лицемѣровъ за то именно, что они уклонялись идти съ Мухаммедомъ на войну. Вообще въ мединскихъ главахъ Корана часто порицаются лицемѣры, и эти обличенія представляютъ почти единственныя мѣста, гдѣ Мухаммедъ говоритъ съ одушевленіемъ, подобнымъ тому, какое замѣчается въ меккскихъ главахъ.

Самымъ же сильнымъ возраженіемъ противъ представленнаго шіитскаго мнѣнія служитъ тотъ фактъ, что сами шіиты признаютъ Османовскій текстъ Корана священнымъ и употребляютъ его для своихъ молитвъ такъ же, какъ и сунниты. Чтобы выпутаться изъ этого явнаго противорѣчія, шіиты допускаютъ очень странную гипотезу, по которой Алій и его послѣдователи (12 имамовъ) владѣли дѣйствительно неиспорченнымъ Кораномъ, но потомъ скрыли его,—Богъ лучше знаетъ, почему,—и только послѣдній имамъ, (представляющій собой нѣчто въ родѣ Мессіи), котораго ожидаютъ шіиты, именно Аль-Магди-Аль-Касимъ объявитъ текстъ этого неиспорченнвго Корана, когда появится на землѣ, предъ кончиною міра...

Для подтвержденія своихъ предположеній, шіиты пользуются также и подлинными преданіями, которыя, однако, они всегда толкуютъ въ шіитскомъ смыслѣ. Такимъ образомъ шіиты о всѣхъ тѣхъ мѣстахъ Корана, которыя, по нѣкоторымъ преданіямъ, считаются затерянными, утверждаютъ, что эти мѣста относятся къ Алію, и такихъ мѣстъ насчитываютъ до 500.

Въ 98 главѣ Корана, которая и нѣкоторыми суннитскими преданіями признается укороченною противъ своего первоначальнаго вида,—шіиты предполагаютъ опущенными имена 70-ти мужчинъ-корейшитовъ съ именами ихъ отцовъ. Сюда же относится, вѣроятно, слѣдующее преданіе: „Сказалъ Ибнъ-Аббасъ: Богъ Всевышній ниспослалъ откровеніе о 70 мужахъ изъ лицемѣровъ, съ именами ихъ и съ именами ихъ отцовъ, потомъ отмѣнилъ перечисленіе именъ по милости къ вѣрующимъ, чтобы нѣкоторыми изъ нихъ не были измѣнены имена, такъ какъ дѣти ихъ (т. е. лицемѣровъ, обличаемыхъ въ Коранѣ) быпи вѣрующіе“. Первая часть этого преданія, въ которой говорится объ откровеніи Мухаммеду и въ которой упомянуты 70 именъ, по мнѣнію Нольдеке, есть шіитская выдумка, а вторая половина, въ которой высказывается объясненіе отмѣны уже ниспосланныхъ стиховъ, носитъ на себѣ характеръ суннитскаго толкованія. Шіиты думаютъ, что упоминаемые въ обоихъ приведенныхъ толкова-

ніяхъ 70 корейшитовъ были именно предводителями той мусульманской партіи, которая мѣшала Алію достигнуть халифата.

Омара и Абу-Бекра шіиты называютъ лицемѣрами и потому, по взгляду шіитовъ, къ нимъ должны быть отнесены многія другія мѣста Корана, въ которыхъ идетъ рѣчь о лицемѣрахъ. Но такой взглядъ опровергается всѣми данными изъ первоначальной исторіи ислама. Кто знаетъ, что Омаръ и Абу Бекръ были главными приверженцами Мухамеда, тотъ никакъ не повѣритъ шіитскому предположенію о такомъ несообразномъ фактѣ, о такихъ укоризнахъ Омару и Абу-Бекру еще въ Коранѣ. Если бы здѣсь и разумѣлись дѣйствительные лицемѣры, то имена ихъ все-таки не были упомянуты Мухаммедомъ. И никто не повѣритъ тому предположенію, чтобы Абу-Бекръ, въ угоду лицемѣрамъ, допустилъ подобный подлогъ въ Коранѣ. А объ Османѣ прямо извѣстно, что онъ съ мединцами находился не въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ, чтобы сдѣлать для нихъ нѣчто подобное. Предположеніе о существованіи въ Коранѣ особаго открывка, въ которомъ будто бы были упомянуты имена 70 лицемѣровъ, представляется невѣроятнымъ уже и потому, что, за весьма рѣдкими исключеніями, не въ обычаѣ Мухаммеда было называть въ Коранѣ по именамъ тѣхъ людей, къ которымъ относились извѣстные стихи. Въ Коранѣ дѣйствительно находятся два исключенія изъ этого общаго правила: въ 33-й главѣ, именно въ 37 ст., говорится между прочимъ: ... „Когда Зяйдъ исполнилъ свое желаніе, тогда Мы (Богъ) сочетали тебя съ нею, чтобы на вѣрующихъ не было грѣха жениться на женахъ своихъ пріемышей послѣ развода съ ними“. Здѣсь Зяйдъ названъ по имени по особенной важности для Мухаммеда описываемаго въ этомъ стихѣ факта: Мухаммедъ незаконно завладѣлъ женою своего пріемыша и, для устраненія соблазна, какой возникъ вслѣдствіе этого между его послѣдователями, онъ долженъ былъ прямо и ясно высказать, что самъ Богъ позволилъ ему взять жену Зяйду.

Точно также въ CXI-й главѣ въ 1 ст. говорится: „Да погибнутъ руки Абу-Ляхаба и да погибнетъ онъ самъ!“ Здѣсь названъ дядя Мухаммеда, одинъ изъ злѣйшихъ враговъ его, между тѣмъ какъ другіе ненавистники—Абу-Софьянъ, Абу-джахль и прочіе въ Коранѣ не поименованы.

Если же, наконецъ, и допустить, что первоначально въ Коранѣ были дѣйствительно названы по имени 70 корейшитовъ-лицемѣровъ вмѣстѣ съ ихъ отцами, тогда кажется страннымъ умолчаніе Корана объ именахъ тѣхъ іудеевъ, съ которыми Мухаммедъ находился въ очень ожесточенной борьбѣ и которыми послѣ не интересовался даже ни одинъ послѣдователь Мухаммеда настолько, чтобы оказать имъ такую любезность, т. е. чтобы вспомнить ихъ имена и имена ихъ отцовъ.

Также возникаетъ вопросъ, почему въ Коранѣ ни разу не упоминается Абу-Бекръ съ его приверженцами, если они дѣйствительно были врагами Мухаммеда, или лицемерами? Или: если Абу-Бекръ рѣшился выпустить изъ Корана имена этихъ 70 лицемѣровъ, то почему онъ не выпустилъ и имени Абу-Ляхаба и почему нигдѣ не вставилъ своего имени въ благопріятномъ смыслѣ? Вѣдь, нужна большая смѣлость, чтобы вычеркнуть изъ текста имена 70 мужей вмѣстѣ съ именами ихъ отцовъ!...

Насчитывая такъ много мѣстъ въ Коранѣ, уничтоженыхъ будтобы Османомъ и еще прежде Абу-Бекромъ, шіиты утверждаютъ также, что 9-я глава въ теперешнемъ ея видѣ не имѣетъ и четвертой доли противъ прежней ея величины. Точно также о 24 главѣ шіиты говорятъ, что прежде она имѣла болѣе 100 стиховъ, тогда какъ теперь въ ней только 64 стиха, а глава 15, по ихъ мнѣнію, имѣла 190 стиховъ, тогда какъ теперь въ ней только 99 стиховъ.

Если, такимъ образомъ, въ османовскомъ текстѣ Корана недостаетъ, по мнѣнію шіитовъ, столь многихъ стиховъ, или же, если многіе стихи Корана были измѣнены Абу-Бекромъ и Османомъ, то является естественный вопросъ: какой смыслъ въ этихъ стихахъ? о чемъ въ нихъ говорилось? Можно a priori отвѣтить, что во всѣхъ подобныхъ стихахъ говорилось объ Аліѣ, о 12 имамахъ, бывшихъ послѣ него и объ ихъ врагахъ. Главная мысль всѣхъ этихъ стиховъ высказана имамомъ Абу-Абдаллахомъ; „Если бы ты читалъ Коранъ такъ, какъ онъ былъ ниспосланъ, то нашелъ бы въ немъ названными по имени насъ, т. е. имамовъ изъ рода Алія“.

Не довольствуясь предположеніями объ уничтоженіи или измѣненіи отдѣльныхъ стиховъ въ Коранѣ, шіиты утверждаютъ еще, что Османъ выпустилъ изъ Корана цѣлую главу „Два свѣтила“, которая будто-бы главнымъ образомъ относилась къ Алію*). Но такое предположеніе не согласно съ духомъ Корана: Алій поставленъ въ этой главѣ на одинаковую степень съ Мухаммедомъ, такъ какъ оба они называются „свѣтилами“, при помощи которыхъ люди читаютъ знаменія Божія; между тѣмъ въ Коранѣ ясно высказано ученіе, что Мухаммедъ „одинъ“ былъ посредникомъ между Богомъ и людьми въ наученіи ихъ истинѣ.

Казембекъ обратилъ особенное вниманіе на то, что изъ подражанія тексту Корана, авторъ подложной главы бралъ для своей главы

*) Эта глава въ первый разъ была обнародована въ майской книжкѣ Journal Asiatiq 1842 года французскимъ академикомъ Гарсенъ-де-Тасси, а потомъ въ исправленномъ видѣ издана была Казембекомъ въ 1843 году, въ декабрьской книжкѣ того же журнала. Казембекъ назвалъ эту главу слабымъ подражаніемъ Корану со стороны какого-нибудь фанатическаго шіита. И Нольдеке не сомнѣвается въ томъ, что эта глава была составлена долго спустя послѣ смерти Мухаммеда.

отдѣльныя выраженія Корана, не обращая вниманія на ихъ смыслъ. Стихи этой главы очень кратки и въ нихъ говорится, чтобы Мухаммедъ терпѣливо сносилъ причиняемыя ему оскорбленія. По этимъ признакамъ, новая глава должна была появиться въ Меккѣ. Но встрѣчающіяся въ ней; выраженія: „о вы, которые вѣруете!“ и „о пророкъ!“ и все ея содержаніе приближаютъ ее къ мединскимъ главамъ,—почему она должна быть отнесена къ мединскому періоду проповѣднической дѣятельности Мухаимеда*).

Когда появилась эта глава,—никто изъ ученыхъ не рѣшилъ этого вопроса. Можно только замѣтить при этомъ, что выраженіе „Два свѣтила“, служащее заглавіемъ для этой главы, по замѣчанію Казембека, отлично хорошо знакомаго съ шіитской литературой, не встрѣчается ранѣе первыхъ вѣковъ Гиджры, въ смыслѣ указанія на Мухаммеда и Алія.

Вейль, въ „Исторіи халифовъ“ прямо говоритъ, что Османъ умышленно уничтожилъ тѣ мѣста Корана, въ которыхъ Мухаммедъ рѣзко обличилъ фамилію Османа, но въ подтвержденіе своего мнѣнія не приводитъ ни одного доказательства. Между тѣмъ въ самомъ же Коранѣ, изданномъ Османомъ, есть доказательства противнаго. Такъ въ 49 гл. 6 ст. говорится: „Вѣрующіе! Если какой-нибудь неправдивый человѣкъ принесетъ вамъ какое-нибудь извѣстіе, то вы постарайтесь узнать, достовѣрно-ли оно, чтобы не оставить кого-нибудь въ невѣдѣніи и чтобы вамъ не раскаяться въ вашемъ поступкѣ“. Этотъ стихъ направленъ противъ Османова родственника Аль-Валида-бенъ-Икба. Спрашивается, почему же Османъ оставилъ безъ измѣненія и не уничтожилъ такого явнаго упрека оммайядамъ, если онъ вообще искажалъ Коранъ? Но Вейль не ограничивается этимъ нареканіемъ и утверждаетъ еще, что Османъ большую часть Корана уничтожилъ. Утвержденіе свое онъ основываетъ на слѣдующихъ словахъ возмутившихся противъ Османа мусульманъ: „Коранъ состоялъ изъ книгъ (или буквально: Коранъ былъ „книги“), но Османъ оставилъ только „одну книгу“... Эти слова, по мнѣнію Нольдеке, гораздо правильнѣе нужно понимать, какъ жалобу на то, что халифъ Османъ привелъ къ единству не только разныя части Корана, но и самое чтеніе священнаго текста, такъ какъ до него Коранъ не имѣлъ ни того ни другого единства. Жалоба эта касалась собственно уничтоженія разныхъ списковъ Корана, какъ это видно изъ слѣдующаго преданія, въ которомъ Османъ оправдывается противъ возводимаго на него нареканія. Онъ говорилъ: „Я сжегъ Коранъ. Я это сдѣлалъ потому, что не-

*) Подлинный текстъ главы съ переводомъ на русскій языкъ напечатанъ г. Саблуковымъ въ соч. „Свѣдѣнія о Коранѣ“ и пр. на стр. 365—368.

большіе отрывки его находились въ рукахъ разныхъ людей, причемъ каждый говорилъ: „Мой Коранъ самый лучшій“. Потому я собралъ всѣ отрывки вмѣстѣ, длинныя главы поставилъ напередъ, среднія въ середину, а малыя отнесъ на конецъ; всѣ главы Корана я привелъ въ порядокъ и передалъ ихъ вѣрующимъ, а тѣ части Корана, которыя находились въ рукахъ у нихъ, я отобралъ и сжегъ“.,. Изъ этихъ словъ самого Османа видно, что онъ ничего изъ текста Корана не уничтожалъ. И тотъ фактъ, что всѣ мусульмане безъ противорѣчія приняли Коранъ, изданный Османомъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ въ пользу Османа. Изъ добровольнаго и всеобщаго согласія на принятіе редактированнаго Корана можно заключить, что Османовскій текстъ былъ такъ полонъ, какъ только можно было того ожидать. Къ этому нужно прибавить, что если бы Османъ измѣнилъ многія мѣста, то нашлись бы люди, которые на память воспроизвели бы подлинныя мѣста, хотя бы даже были сожжены всѣ экземпляры Корана. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что во время Османа мусульмане гордились знаніемъ Корана и, оказывая преимущество молодому Зяйду, они оскорбили Ибнъ-Мас'уда, въ лицѣ котораго имѣли бы самую лучшую опору, если бы онъ отыскалъ какое-нибудь противорѣчіе въ Коранѣ, а тѣмъ болѣе, если-бы нелюбимый народомъ халифъ что-нибудь умышленно измѣнилъ или даже совсѣмъ уничтожилъ. А Ибнъ-Мас'удъ, какъ уже было замѣчено, потому и не призванъ былъ къ этой работѣ, что отличался своимъ упорствомъ.

Изъ всего, что до сихъ поръ было сказано по поводу предполагаемыхъ измѣненій, въ текстѣ Корана, можно притти къ заключенію, что нареканія, какія со всѣхъ сторонъ сыпались на Османа за его редакцію Корана, несправедливы и что напротивъ, нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что Османовскій сборникъ содержалъ въ себѣ полностью весь матеріалъ, какой онъ только могъ собрать.

Говоря объ Османовскомъ сборникѣ, нельзя не упомянуть и о нѣкоторыхъ другихъ сборникахъ, которые нѣсколько отличались отъ Османовскаго. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: сборникъ Убая-бенъ-Кагба и сборникъ только-что упомянутаго Ибнъ-Мас'уда. О сборникѣ Убая шіиты разсказываютъ, что его экземпляръ былъ гораздо болѣе сходенъ со сборникомъ ихъ имама Алія, чѣмъ сборникъ Османа. Различіе Убаевскаго сборника отъ Османовскаго состояло въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частностяхъ. Убай, напримѣръ, соединилъ 105 гл. вмѣстѣ съ 106 гл. Подобныя уклоненія, конечно, отличаютъ эти два сборника между собою, но въ главномъ и существенномъ они сходны. Если вѣрить преданіямъ, то Убай и Ибнъ-Мас'удъ составляли свои сборники, имѣя въ основаніи тѣ-же самые матеріалы, надъ которыми трудились и редакторы Османовскаго экземпляра. Болѣе-

же существенное различіе Убаевскаго Корана отъ Османовскаго состояло въ томъ, что въ Убаевскомъ сборникѣ находились двѣ почти совершенно неизвѣстныя главы*), текстъ которыхъ былъ опубликованъ Гаммеромъ. Гаммеръ считалъ эти главы простыми молитвами, и онѣ дѣйствительно нерѣдко встрѣчаются въ рукописныхъ коранахъ, что ввело въ заблужденіе и Нольдеке, который также нѣкоторое время считалъ ихъ молитвами позднѣйшаго происхожденія. Но хотя объ этихъ главахъ и не упоминается нигдѣ въ древнѣишихъ источникахъ, каковы, наприм., различные сборники преданій, все-таки-же о нихъ говорится гораздо чаще, чѣмъ это могло-бы быть въ томъ случаѣ, если-бы онѣ имѣли позднѣйшее происхожденіе. Самая древняя книга, въ которой Нольдеке встрѣтилъ упоминаніе о нихъ, была книга Омара бенъ-Мухаммада-бенъ-Абдулъ-Кафи, жившаго въ пятомъ столѣтіи Хиджры. Въ сочиненіи „Мабани“ цитируется начало первой изъ этихъ главъ, а въ толкованіи на Коранъ Замахшари (гл. 10, ст. 10) цитируется начало второй главы.

Въ сочиненіи „Иткянъ“ находится очень много преданій объ этихъ главахъ, и потому происхожденіе ихъ должно быть отнесено къ довольно раннему времени. Но при всемъ томъ никакъ нельзя допустить, чтобы эти молитвы получили свое начало отъ Мухаммеда, потому что въ немногихъ стихахъ находится много словъ, неупотребительныхъ въ Коранѣ, и самая конструкція въ сравненіи съ Кораномъ также малоупотребительна. А всего этого простою случайностью объяснить нельзя, и эти главы не легко признать коранническими главами. Но такъ какъ объ этомъ много разъ говорится въ преданіяхъ разныхъ современниковъ Мухаммеда, то необходимо признать, что онѣ уже во время современниковъ (асхабовъ) Мухаммеда были признаваемы главами Корана, а позднѣйшіе мусульманскіе писатели прямо уже считали ихъ откровенными отрывками Корана. Есть также преданіе, которое относитъ появленіе этихъ главъ къ тому временіи, когда Мухаммедъ проклялъ племя Муджръ словами, заключающимися въ 3 гл. 123 ст.

Сборникъ Ибнъ-Мас'уда болѣе всего отличается отъ Османовскаго сборника тѣмъ, что въ немъ совсѣмъ были опущены 113, 114 и 1 гл., а всѣ прочія главы были поставлены нѣсколько въ другомъ порядкѣ, чѣмъ въ сборникѣ Османа. Это произошло, безъ сомнѣнія, потому, что въ то время, когда Ибнъ-Мас'удъ собиралъ свой Коранъ, ему не были извѣстны эти главы, а особенно 1-я, а потому онъ и послѣ не внесъ ихъ въ свой сборникъ, такъ какъ онѣ по характеру своему разнились отъ всѣхъ прочихъ главъ.

*) Такъ называемыя „Суратуль-кунутъ“. См. у Нольдеке, стр. 228.

Приписывая собираніе Корана также Алію, нѣкоторыя преданія утверждаютъ, что въ его экземплярѣ главы были расположены хронологически: 96, 74, 68, 73, 111, 81 и т. д. Но это преданіе по своей единичности не заслуживаетъ большого довѣрія. Можетъ быть, оно имѣло своею цѣлью дать объясненіе хронологическому списку главъ, приписываемому именно Алію.

Сборникъ Хавсы отличается отъ Османовскаго также своеобразнымъ размѣщеніемъ главъ, а въ нѣкоторыхъ, наконецъ, сборникахъ главы 73 и 74, какъ сходныя по своему содержанію, были соединяемы вмѣстѣ. Но всѣ эти различные экземпляры Корана перваго времени ислама, отличавшіеся одинъ отъ другого каждый какими-нибудь особенностями, утратили свое значеніе вмѣстѣ съ изданіемъ Османовскаго сборника, въ которомъ собранъ весь Коранъ и всѣ части приведены къ единству, по крайней мѣрѣ, въ чтеніи и раздѣленіи на главы. Такимъ образомъ, Османъ придалъ окончательный видъ тексту Корана и тѣмъ услужилъ исламу. Опасаясь въ то же время могущихъ произойти разнорѣчій относителлно священнаго текста, онъ приказалъ уничтожить всѣ остальные списки Корана и тѣмъ въ высшей степени повредилъ критикѣ, лишивъ ее возможности дѣлать заключенія о томъ или другомъ мѣстѣ Корана.

Все сказанное о собраніи Корана, какъ Абу-Бекровомъ, такъ и Османовскомъ, сводится къ увѣренности въ подлинности того и другого, къ согласію изданнаго текста съ оригиналомъ, оставшимся послѣ Мухаммеда въ рукахъ его послѣдователей; мнѣнія же объ отступленіяхъ этого текста отъ оригинала объясняются преимущественно враждою къ Абу-Бекру и Осману ихъ противниковъ. Европейскіе авторы до Нольдеке односторонне смотрѣли на предметъ и слишкомъ слѣдовали работамъ своихъ предшественниковъ.

Османовскій сборникъ Корана, совершенно законченный и списанный въ нѣскольскихъ экземплярахъ, былъ разосланъ халифомъ въ разные города новаго мухаммеданскаго государства. Этимъ распоряженіемъ халифа и начинается собственно достовѣрная исторія текста Корана, какъ замѣчаетъ объ этомъ Нольдеке*). Османъ послалъ свой Коранъ въ извѣстные именно города, имѣя при этомъ въ виду особенныя цѣли, какъ это видно изъ преданія Анаса-бенъ-Малика: „Османъ, —да будетъ онъ угоденъ Богу,—послалъ свой Коранъ (масхафъ) въ каждую армію мусульманъ“. Такое распоряженіе халифа совершенно понятно, если принять во вниманіе, что именно въ мусульманскомъ войскѣ возникъ прежде всего споръ о разностяхъ въ текстѣ Корана: для устраненія на будущее время подобныхъ споровъ, Османъ и разослалъ экземпляры только-что собраннаго и утвержденнаго имъ текста

*, S. 274.

Корана въ главныя квартиры своего войска, которое составляло тогда главную силу ислама и въ которомъ находились тогда старые сподвижники Мухаммеда.

Соглашаясь въ этомъ главномъ показаніи, мухаммеданскія преданія разногласятъ о числѣ самыхъ городовъ, въ которыхъ находились тогда главныя квартиры войска. Различныя преданія насчитываютъ неодинаковое число этихъ городовъ. Такъ, кромѣ главнаго города новооснованнаго государства—Медины, въ которой халифъ оставилъ одинъ экземпляръ Корана, большинство преданій упоминаютъ еще о главныхъ городахъ Ирака—Куфѣ и Басрѣ и главномъ городѣ Сиріи—Дамаскѣ Нѣкоторыя преданія присоединяютъ еще Мекку къ названнымъ городамъ, но Нольдеке считаетъ невѣроятнымъ, чтобы имя перваго священнаго города было забыто въ другихъ преданіяхъ, если-бы на самомъ дѣлѣ „пятый“ экземпляръ Корана былъ приготовленъ и посланъ Османомъ. Можетъ быть, преданія упоминаніемъ Мекки хотѣли сгладить необычайность того факта, что почитаемый всѣми мусульманами священный городъ былъ не почтенъ халифомъ, не давшимъ ему особаго экземпляра Корана.

Фактъ этотъ дѣйствительно можетъ казаться страннымъ; но не должно забывать, что споры о Коранѣ впервые возникли именно между сирійскими и иракскими войсками и что, слѣдовательно, Османъ прежде всего хотѣлъ подавить волненіе въ самомъ, такъ сказать, центрѣ. А о Меккѣ онъ могъ, если не забыть, то, по крайней мѣрѣ, не безпокоиться, не предполагая тамъ ничего опаснаго въ отношеніи спорныхъ взглядовъ на Коранъ. Притомъ не нужно забывать, что знатоки Корана, между которыми только и возможны были споры о различныхъ выраженіяхъ и формахъ его, находились не въ Меккѣ, а въ Мединѣ, считавшейся центромъ государственной жизни ислама, гдѣ продолжали жить вдовы Мухаммеда, въ томъ числѣ Хавса—хранительница перваго Абу-Бекрова сборника, и асхабы Мухаммеда. Тамъ, наконецъ, жили сами халифы, представители Мухаммедовой власти. Естественно было поэтому Осману оставить одинъ экземпляръ Корана именно въ Мединѣ, гдѣ халифъ жилъ самъ и гдѣ, слѣдовательно, Коранъ былъ нуженъ для самыхъ разнообразныхъ потребностей въ жизни мусульманъ, какъ единственный священный кодексъ, къ которому должны были обращаться правители, какъ къ „своду законовъ“. А Мекка такой надобности въ Коранѣ не имѣла: тамъ не было знатоковъ Корана, тамъ не было такой нужды въ Коранѣ для правительственныхъ цѣлей; наконецъ, въ Меккѣ нельзя было предполагать опасныхъ споровъ изъ-за Корана. Если-же такимъ образомъ не кажется невѣроятнымъ лишеніе Мекки особаго экземпляра Корана, то тѣмъ съ большею вѣроятностью можно, говоритъ Нольдеке, почесть

благочестивою выдумкою мусульманъ и преданіе о томъ, что будто особые экземпллры Корана, были посланы въ Еменъ и Бахраинъ. Объ этихъ предполагаемыхъ экземплярахъ Корана одинъ мухаммеданскій толковникъ замѣтилъ, говоря: „Нѣтъ извѣстій объ этихъ экземплярахъ". Прибавленіе къ несомнѣннымъ „четыремъ" экземплярамъ Корана еще „трехъ" другихъ списковъ не можетъ быть объяснено иначе, какъ стремленіемъ меккскихъ ученыхъ выставить на видъ число „семь", которое играетъ такую видную роль въ исторіи текста Корана. Мусульманскіе ученые говорятъ о различныхъ и притомъ „семи" именно діалектахъ, на которыхъ былъ ниспосланъ первоначально Коранъ, но что въ послѣдній годъ Мухаммедовой жизни Ангелъ Гавріилъ повторилъ Коранъ на „одномъ", именно корейшитскомъ, нарѣчіи.

Въ извѣстномъ у мусульманъ арабскомъ лексиконѣ „Камусѣ" говорится, что Коранъ былъ ниспосланъ на „семи" діалектахъ. Позднѣе въ средѣ мусульманскихъ ученыхъ появилась и стала господствовать особая теорія о такъ-называемыхъ „семи" чтеніяхъ Корана. Для обоснованія вѣрованія относительно семи діалектовъ первоначальнаго Корана и позднѣйшей теоріи о „семи" чтеніяхъ Корана и возникло, какъ думаетъ Нольдеке,—преданіе о „семи" экземплярахъ Корана, разосланныхъ Османомъ въ разные города мухаммеданскаго государства. Наконецъ, есть еще мнѣніе, что, кромѣ мединскаго экземпляра Корана, было семь другихъ списковъ, такъ что всѣхъ первоначальныхъ списковъ насчитывается уже „восемь"; но этому мнѣнію Нольдеке не придаетъ значенія.

Изъ первыхъ четырехъ экземпляровъ Корана, „мединскій" считается оригинальнымъ и называется „имамомъ". Также очень распространено мнѣніе о томъ, что этотъ экземпляръ Корана былъ переписанъ собственноручно Османомъ и хранился въ Мединской мечети надъ изголовьемъ гробницы Мухаммеда, но сгорѣлъ, по словамъ Буркхарда, во время пожара, разрушившаго мечеть. Вмѣсто этого экземпляра, къ изголовью гробницы былъ подвѣшенъ другой экземпляръ, подобный первому, какъ сказано объ этомъ въ одномъ изъ примѣчаній къ описанію путешествія Бюртона въ Медину и Мекку*) (см. ниже), а нѣкоторыя преданія допускаютъ, что халифъ переписалъ собственною рукою всѣ первые четыре экземпляра; но Нольдеке высказываетъ сомнѣніе относительно подобнаго преданія, говоря: „вѣроятно и оригиналъ (т. е. мединскій экземпляръ), если не всѣ остальные экземпляры, были писаны рукою Зайда". По нашему же

*) См. Personal Narrative of a Pilgrimage to Al-Madinah et Meccah. By Captain Sir Richard F. Burton. Edited by Lady Burton. Witt an introduction by Stanley Lane-Poole. London, 1906. Vol. 1p. ag. 322, note 1.

мнѣнію, нѣтъ основаній оспаривать общераспространенное мусульманское вѣрованіе относительно собственноручной переписки Османомъ одного, по крайней мѣрѣ, экземпляра Корана; халифъ могъ изъ чисто благочестиваго побужденія переписать одинъ экземпляръ лично для себя. Въ древней Руси извѣстны имена князей и княгинь, трудившихся надъ списываніемъ священныхъ книгъ изъ благочестивыхъ побужденій; отчего-же не предположить благочестиваго чувства и у властителя Аравіи, всѣми гонимаго и преслѣдуемаго?.. *).

Обыкновенно мусульманскіе ученые утверждаютъ, что первые четыре экземпляра, приготовленные при Османѣ, были переписаны очень точно, безъ ошибокъ; но противъ этого говорятъ нѣкоторыя мусульманскія же преданія. По одному преданію, Османъ при взглядѣ на одинъ изъ приготовленныхъ экземпляровъ Корана, сказалъ: „я вижу здѣсь ошибки противъ языка, но арабы поправятъ это“... По другому преданію, Айша (вдова Мухаммеда), также говорила, что переписчики Корана многія мѣста Корана испортили въ граматическомъ и орѳографическомъ отношеніяхъ. И дѣйствительно, Османовскіе списки Корана различались другъ отъ друга въ орѳографическомъ отношеніи, что имѣло вліяніе на самое чтеніе св. текста.

Упомянутый выше (стр. 66 и 83) современный французскій оріенталистъ Paul Casanova, профессоръ арабскаго языка и литературы въ College de France издалъ въ 1911 году оригинальный трудъ подъ заглавіемъ „Mohammed et la fin du monde. Etude critique sur l'Islam primitif. (Paris, 1911. 1—83 pp.). Это—первый пока выпускъ названнаго труда, въ которомъ ученый авторъ изложилъ только основное положеніе своего критическаго этюда изъ области первоначальнаго ислама, а въ двухъ послѣдующихъ выпускахъ обѣщаетъ представить научныя доказательства своего взгляда на Мухаммеда, какъ на проповѣдника ученія о концѣ міра. При такой новой точкѣ зрѣнія самый Коранъ въ сурахъ перваго (мекканскаго) періода является мусульманскимъ „Апокалипсисомъ“. По взгляду автора, Мухаммедъ въ началѣ своей проповѣднической дѣятельности былъ возвѣстителемъ конца міра и послѣднимъ пророкомъ, предназначеннымъ быть совмѣстно съ Іисусомъ Христомъ распорядителемъ и рѣшителемъ судебъ міра и людей на всеобщемъ судѣ послѣ воскресенія мертвыхъ.

Для цѣлей нашей настоящей книги, названное изслѣдованіе Поля Казановы имѣетъ лишь то значеніе, что въ немъ авторъ, вопреки взглядамъ Шпренгера и Нольдеке, утверждаетъ, что первоначальный текстъ Корана былъ значительно и искусно передѣланъ сначала Абу-

*) См. у А. Мюллера „Исторія ислама“ т. I, стр. 322 и слѣд.

Бекромъ, а затѣмъ Османомъ именно въ тѣхъ откровеніяхъ, въ которыхъ говорится о смерти Мухаммеда. По предположенію французскаго автора, Мухаммедъ вѣрилъ въ свое предназначеніе оставаться въ живыхъ до наступленія „часа“ *) кончины міра и послѣдующаго затѣмъ воскресенія мертвыхъ и всеобщаго суда Божія. Когда же постигла Мухаммеда смерть, то Абу-Бекръ и Османъ,—въ избѣжаніе соблазна и смуты среди мусульманъ отъ неисполнившагося ученія о предназначеніи ихъ пророка оставаться въ живыхъ до всеобщаго суда Божьяго,—замѣнили подлинные стихи Корана другими, своими, въ которыхъ Мухаммедъ признается смертнымъ, какъ и всѣ прочіе люди... Затѣмъ, по предположенію автора, постепенно среди мусульнанъ выработалось ученіе о Махдіи (потомкѣ Алія), имѣющемъ появиться предъ кончиной міра и предшествовать вторичному пришествію на землю Іисуса Христа, съ которымъ Мухаммедъ будетъ производить судъ надъ воскресшими людьми.

Но, останавливаясь на этомъ новомъ взглядѣ на Мухаммеда, мы не можемъ ничего прибавить въ доказательство главнаго положенія нашего труда, что Коранъ, опубликованный халифомъ Османомъ, представляетъ собою неискаженный текстъ, записанный разными лицами со словъ Мухаммеда. Многочисленныя повторенія и противорѣчія, сохранившіяся въ Османовскомъ текстѣ отъ временъ собиранія разрозненныхъ частеи его, скорѣе подтверждаютъ неизмѣнность текста, нежели противное.

Во всякомъ случаѣ необходимо ожидать появленія обѣщанныхъ проф. Казановой его критическихъ доказательствъ въ подтвержденіе оригинальнаго взгляда, высказаннаго имъ въ первомъ выпускѣ названнаго труда. Несомнѣнно, что другіе европейскіе арабисты не оставятъ безъ вниманія, какъ основной мысли, такъ и подтвержденій новаго взгляда на Мухаммеда и на текстъ Корана.

*) См. Указатель къ переводу Корана Саблукова, сл. „Часъ“ и особенно гл. 42, ст. 16—17.

5. Хронологическій распорядокъ главъ Корана.

Исторія текста Корана и его редакцій въ значительной степени способствуютъ установленію правильнаго взгляда на общепринятый видъ подлиннаго его текста. Поэтому важно въ этомъ случаѣ знать, хотя бы приблизительно, время и обстоятельства, сопровождавшія появленіе каждаго отдѣльнаго откровенія, обнародованнаго Мухаммедомъ. Европейскіе изслѣдователи текста Корана установили взглядъ, что замѣчающіяся въ этомъ религіозно-законодательномъ кодексѣ повторенія и отсутствіе послѣдовательности въ содержаніи даже нѣкоторыхъ отдѣльныхъ главъ могутъ быть объяснены неумѣлостью собирателей разрозненныхъ частей въ одну книгу, неподготовленностью этихъ лицъ къ критической редакціонной работѣ, какую они исполнили по приказанію халифа Османа. „Остается непонятнымъ*), говоритъ Вейль, почему Османъ (хотя менѣе стѣснительно и добросовѣстно, нежели Абу-Бекръ, поступавшій при редакціи Корана) не опустилъ однако-же ни одной части законовъ, повторяющихся иногда въ однихъ и тѣхъ же словахъ, а также догматовъ и легендъ, и почему онъ ничего не сдѣлалъ для возстановленія систематическаго или хронологическаго порядка въ расположеніи главъ и стиховъ. Господствующій въ настоящемъ Коранѣ безпорядокъ приводитъ въ отчаяніе не только европейскаго ученаго, хотя-бы онъ и былъ совершенно знакомъ съ жизнію Мухаммеда, но и самыхъ способнѣйшихъ мусульманскихъ толкователей, которые спорятъ между собою объ отдѣльномъ стихѣ такъ-же, какъ о цѣлой главѣ, и не всегда могутъ рѣшить: по какому поводу она явилась, и—въ Меккѣ ли, или сперва въ Мединѣ, послѣ бѣгства

*) Автору настоящей книги, наоборотъ, кажется совершенно нормальнымъ, что редакторы Корана отнеслись къ порученному имъ религіозному дѣлу съ должнымъ благоговѣніемъ. Что Мухаммедъ могъ повторяться и противорѣчить себѣ въ своихъ откровеніяхъ,—это не требуетъ особыхъ разъясненій, потому что невозможно на протяженіи 20 лѣтъ говорить о сходныхъ и тожественныхъ предметахъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, тѣмъ болѣе что въ нѣкоторыхъ случаяхъ проповѣдникъ новой вѣры долженъ былъ не только дополнять, но и исправлять допущенныя имъ ошибки. И Зяйдъ съ товарищами поступили скромнѣе, чѣмъ извѣстный намъ Чертковъ въ отношеніи нѣкоторыхъ произведеній гр. Л. Толстого.

туда Мухаммеда... Но даже и тамъ, гдѣ толковники опредѣленно указываютъ время и поводъ открытія извѣстнаго стиха, они, по Вейлю, не всегда достовѣрны, потому что слѣдуютъ болѣе мертвой буквѣ часто ложнаго преданія, нежели самостоятельному, оживляющему критическому духу. Что раздѣленіе Корана на сто четырнадцать главъ, какъ мы ихъ имѣемъ теперь передъ собою, происходитъ не отъ Мухаммеда, какъ думаютъ мусульмане, это Вейль доказалъ въ другомъ трудѣ*), хотя нельзя отрицать того, что Мухаммедъ, по крайней мѣрѣ, часть Корана обнародовалъ въ извѣстныхъ отдѣлахъ, которые онъ назвалъ сурами**). Тѣ, которые заучивали Коранъ наизустъ, могли, при легкой своей памяти, придать каждому отдѣлу собственное названіе; но большая часть многихъ, особенно древнѣйшихъ, главъ Корана, затерялись или намѣренно уничтожены, такъ что отъ нихъ остались только одни названія ихъ и немногіе стихи, между тѣмъ какъ въ позднѣйшихъ длинныхъ главахъ были собраны многія такія части, которыя даже не совмѣстимы между собою***).

Такимъ образомъ, стихи Корана въ настоящемъ видѣ представляютъ во многихъ мѣстахъ совершенный хаосъ, какимъ могли удовлетворяться и удовлетворяются только мусульмане—по чувству благоговѣнія къ своей священной книгѣ, языка которой огромное большинство ихъ не понимаетъ. Полнѣйшій безпорядокъ въ расположеніи отдѣльныхъ частей Корана во многихъ мѣстахъ безнадежно затрудняетъ не только мусульманскихъ ученыхъ, но и знаменитыхъ европейскихъ критиковъ. Европеецъ, читающій Коранъ въ переводѣ, чувствуетъ скуку при чтеніи длинныхъ главъ этой книги. Почтенный русскій переводчикъ Корана, г. Саблуковъ облегчилъ въ своемъ переводѣ чтеніе Корана между прочимъ тѣмъ, что отдѣлилъ новой строкой отрывки разнаго содержанія, которые, безъ сомнѣнія, были обнародованы Мухаммедомъ въ разное время. Европейскіе критики текста Корана: Вейль, Шпренгеръ, Нольдеке и Мюйръ, въ отношеніи большей части главъ и стиховъ, съумѣли указать время и мѣсто обнародованія ихъ, а Родвэль сдѣлалъ оригинальную попытку издать переводъ главъ Корана въ ихъ хронологическомъ порядкѣ****).

Упомянутые европейскіе оріенталисты имѣли въ своей научной попыткѣ предшественника въ лицѣ египетскаго энциклопедиста XV-го вѣка Джалалладдина Союти (ум. въ 1505 г. по Р. Хр.), который также задумывался надъ этимъ серьезнымъ и интереснымъ вопросомъ.

---

*) См. Leben Mohammads, ss. 361—362.

**) То есть—главами. См. выше стр. 30.

***) Историко-критическое введеніе въ Коранъ, стр. 100—191.

****) См. El Koran or the Koran, translated from the Arabic, the Suras erranged in chronological Order: with notes and index, by. I. M. Rodwell, London, 1876.

Результаты изслѣдованій названныхъ ученыхъ приведены, въ видѣ сравнительной таблицы, въ Словарѣ Т. Патрика Хуге*). Изъ этой таблицы видно, что усилія мусульманскихъ и европейскихъ ученыхъ не сопровождались желаемымъ успѣхомъ: относительно нѣкоторыхъ главъ Корана остается не опредѣленнымъ точно время ихъ появленія, а относительно многихъ другихъ главъ мнѣнія ученыхъ сильно расходятся. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что вообще многія главы Корана (особенно большія по числу стиховъ) составились изъ разновременныхъ откровеній, какъ это отмѣчено въ переводѣ г. Саблукова.

Сравнительный хронологическій порядокъ главъ Корана.

Общепринятый арабскій текстъ.	По Джалаладину Союти.	По Родвелю.	По Мюйру.
1—Фатиха.	Не опредѣл.	8	6
2—Корова.	86	91	Не опредѣл.
3—Семейство Имрана.	88	97	Между 2 и 10 г. Хиджры.
4—Женщины.	91	100	Не опредѣл.
5	112	114	Въ 6—10 г. Хиджры.
6	54	89	81
7	38	87	91
8	87	95	Во 2 г. Хиджры.
9	113	113	114
10	50	84	79
11	51	75	78
12	52	77	77
13	95	90	89
14	71	76	80
15	53	57	62
16	69	73	88
17	49	67	87
18	68	69	69
19	43	58	68
20	44	55	75
21	72	65	86
22	103	107	85
23	73	64	84
24	102	105	Въ 5 г. Хиджры.
25	41	66	74
26	46	56	61

*) A Dictionary of Islam. Qur'an.

27	47	68	70
28	48	79	83
29	84	81	90
30	83	74	60
31	56	82	50
32	74	70	44
33	89	103	Не опредѣл.
34	57	85	79
35	42	86	66
36	40	60	67
37	55	50	59
38	37	59	73
39	58	80	45
40	59	78	72
41	60	71	53
42	61	83	71
43	62	61	76
44	63	53	58
45	64	72	57
46	65	88	64
47	94	97	Не опредѣл.
48	111	108	Въ 6 г. Хиджры.
49	106	112	Не опредѣл.
50	33	54	56
51	66	43	63
52	75	44	55
53	22	46	43
54	36	49	48
55	96	48	40
56	45	45	41
57	93	99	Не опредѣл.
58	105	106	Не опредѣл.
59	101	102	Въ 4 г. Хиджры.
60	90	110	Въ 7 г. Хиджры.
61	110	98	Не опредѣл.
62	108	94	Не опредѣл.
63	104	104	Въ 6 г. Хиджры.
64	109	93	82
65	108	101	Не опредѣл.
66	107	109	Въ 7 или 8 г. Хиджры.
67	76	63	42
68	2	17	52

69	77	42	51
70	78	47	37
71	70	51	54
72	39	62	65
73	3	3	46
74	4	2	21
75	30	40	36
76	97	52	35
77	32	36	34
78	79	37	33
79	80	35	47
80	23	24	26
81	6	32	27
82	81	31	11
83	85	41	32
84	82	33	28
85	26	28	31
86	35	22	29
87	7	25	23
88	67	38	25
89	9	39	14
90	34	18	15
91	25	23	4
92	8	16	12
93	10	4	16
94	11	5	17
95	27	26	8
96	1	1	19
97	24	92	24
98	99	21	Не опредѣл.
99	92	30	3
100	13	34	2
101	29	29	7
102	15	14	9
103	12	27	1
104	31	13	10
105	18	19	13
106	28	20	5
107	16	15	39
108	14	9	18
109	17	12	38
110	101	111	30

111	5	11	22
112	21	10	20
113	19	6	Не опредѣл.
114	20	7	Не опредѣл.

Такое разногласіе авторитетныхъ ученыхъ, спеціально трудившихся надъ упорядоченіемъ хронологическаго порядка главъ Корана лучше всего подтверждаетъ мѣткое выраженіе Шпренгера, что Коранъ представляетъ собою „книгу съ семью печатями“ *).

Приведенное выраженіе нѣмецкаго оріенталиста въ значительной степени можетъ быть приложено и къ внутренней сторонѣ мусульманскаго религіозно-законодательнаго кодекса—къ его ученію, о чемъ будетъ сказано во второй части нашей книги.

*) Das Leben und die Lehre des Mohammads. Band 1.

6. Внѣшній видъ наиболѣе замѣчательныхъ списковъ и изданій Корана.

Въ зависимости отъ почерка и печатнаго шрифта, а также и отъ особаго назначенія экземпляровъ Корана, послѣдніе, какъ рукописные, такъ печатные и литографированные, отличаются своими размѣрами и формой: изготовляются очень большіе и очень маленькіе Кораны. При среднемъ размѣрѣ страницъ (in. 16) и таковомъ же колибрѣ почерка и шрифта, полный текстъ Корана занимаетъ 36 печатныхъ листовъ.

Далѣе, отъ усердія писца и отъ средствъ и положенія заказчика или издателя зависятъ красота почерка и художественныя украшенія св. книги. Предназначаемые для повседневнаго употребленія въ школѣ и дома рукописные, литографированные и печатные экземпляры имѣютъ обыкновенно или $^1/_8$ или $^1/_{16}$ типографскаго листа; для чтенія же въ мечетяхъ, или для пользованія высокихъ по общественному положенію лицъ писались экземпляры большаго размѣра и лучшей раскраски узорами и виньетками, подобно тому, какъ и употребляемые въ христіанскихъ храмахъ экземпляры Евангелія и Апостола имѣютъ болѣе внушительный и болѣе изящный видъ. Особенно выдѣляются въ этомъ отношеніи древніе списки Корана, хранимые въ знаменитыхъ мечетяхъ, или въ библіотекахъ высокихъ и знаменитыхъ лицъ. Въ Ташкентской публичной библіотекѣ, кромѣ фототипической копіи извѣстнаго подъ именемъ Корана Халифа Османа, находится нѣсколько рукописныхъ, литографированныхъ и разныхъ печатныхъ изданій Корана, принадлежавшихъ Ферганскому ишану Мадали-Дукчи-ишану; но выдающихся экземпляровъ въ этомъ собраніи нѣтъ.

Оригиналъ упомянутой копіи такъ называемаго Османова Корана хранится съ октября 1869 года въ С.-Петербургской Императорской публичной библіотекѣ, въ которую былъ доставленъ первымъ Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ. Этотъ замѣчательный экземпляръ принадлежалъ и хра-

нился въ Самаркандской мечети Ходжи Ахрара*) и набожными мусульманами почитается подлиннымъ спискомъ Халифа Османа, умерщвленнаго во время чтенія его, на что указываютъ будто бы подлинныя кровяныя пятна отъ крови Халифа, грубо расплывшіяся по листамъ со стороны корешковъ сшитыхъ тетрадей Корана. А. Мюллеръ такъ описываетъ эту кровавую сцену: „Со всѣхъ сторонъ набросились бунтовщики на домъ (Османа). Главный входъ былъ заваленъ изнутри, но отдѣльныя группы бунтарей успѣли проникнуть во дворъ, спрыгивая съ крышъ сосѣднихъ домовъ, напали на защитниковъ съ тыла и быстрымъ натискомъ разознали ихъ. При этомъ Марванъ былъ замертво опрокинутъ ударомъ меча по шеѣ. Ворвавшіеся устремились неудержимымъ потокомъ въ домъ, проникли въ комнату, гдѣ Османъ съ полной величія рѣшимостью выжидалъ свою судьбу. Невозмутимо продолжалъ онъ, не взирая на бряцаніе оружія, читать Коранъ, подкрѣпляясь словомъ Божіимъ: „Господь не допуститъ того, чтобы вѣрующій не былъ вознагражденъ..... тѣ, которые,—когда имъ говорятъ: „враги собрались противъ васъ, опасайтесь ихъ!“ еще болѣе укрѣпляются въ вѣрѣ и отвѣчаютъ: „Богъ защититъ насъ; Онъ лучшій изъ защитниковъ“... Когда толпа убійцъ ворвалась, то въ первый моментъ никто не осмѣливался дотронуться до сѣдой головы халифа. Со спокойной кротостью отвѣчалъ онъ на градъ вопросовъ, упрековъ и обвиненій, сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ, пока, наконецъ, грубый Мухаммедъ, сынъ-выродокъ Абу-Бекра, не ухватилъ старца за бороду и не крикнулъ яростно: „гляди! тебя Богъ покаралъ, старый дуралей“. Твердо отвѣтствовалъ ему Халифъ: „я не дуракъ; мое имя — Османъ; я повелитель правовѣрныхъ“.—Теперь никакой Муавія и никто на свѣтѣ не спасетъ тебя,—сынъ брата моего! Отецъ твой никогда не рѣшился бы вырвать изъ рукъ другого могущество.— „Если бы мой отецъ,—возразилъ Мухаммедъ,—увидѣлъ твои поступки, то счелъ бы тебя недостойнымъ правленія. Но я отъ тебя хочу совсѣмъ другого,— не правленіе только вырву отъ тебя“.—Тогда халифъ воскликнулъ: „Господи! защити меня отъ него; молю Тебя, помоги!“ Это были послѣднія слова, произнесенныя старценъ. Хотя Мухаммедъ вышелъ тогда изъ комнаты, но другіе напали на безоружнаго халифа. Его заслонила собой жена Найла и старалась рукой отразить мечъ, но ей отрубили пальцы.. Вслѣдъ затѣмъ брызнула фонтаномъ кровь зятя и намѣстника пророка и залила страницы священной книги, которую

*) Свѣдѣнія изъ біографіи Ходжи Ахрара можно читать въ ст. В. Вяткина, напечат. въ № 147 „Туркест. Вѣдом. за 1904 годъ и въ Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. (Томъ VI). въ ст. „Святые, чтимые туземцами, преимущественно сартами, Туркестанскаго края. (Ташкентъ, 1897 г.).

умирающій Османъ крѣпко прижималъ къ груди своей. Когда оторопѣвшіе защитники халифа успѣли послѣ перваго нападенія снова собраться и ринулись въ домъ, неся съ собой спасеніе, все уже было покончено. (Исторія ислама т. I, стр. 339—341).

О томъ, какъ во всякомъ случаѣ древній и замѣчательный списокъ Корана оказался въ Самаркандѣ, существуетъ слѣдующій разсказъ, напечатанный въ Запискахъ Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества, (т. VI, вып. I—IV, стр. 69—72. Спб., 1892).

Лѣтъ 400 назадъ, въ Ташкентѣ жилъ пиръ*, по имени Ходжа-Убайдулла**), прозванный Ахраромъ (посвященный Богу). Отецъ его, Ходжа-Махмудъ, простой торговецъ, замѣтивъ въ сынѣ влеченіе къ богословскимъ вопросамъ, посвятилъ его Богу, т. е. направилъ мальчика исключительно къ изученію науки о вѣрѣ. Слава о богословскихъ познаніяхъ Убайдуллы росла вмѣстѣ съ его годами. На двадцатомъ году онъ поступилъ въ муриды ордена Багауддина-Нахшибенди, весьма распространеннаго по Туркестану***).

По смерти своего пира, Ходжа-Ахраръ считался первымъ его преемникомъ (хальфа) и принялъ орденъ подъ свое покровительство. Мудрые совѣты, какіе онъ давалъ приходящимъ, а также глубокое познаніе Божіихъ истинъ не замедлили расширить кругъ его учениковъ и послѣдователей (муридъ), которые еще при жизни, признали своего пира святымъ. Однажды нѣкоторые изъ его муридовъ вмѣстѣ съ другими лицами, предприняли хаджъ (путешествіе въ Мекку), и одинъ изъ муридовъ Ходжа-Ахрара, на возвратномъ пути изъ Мекки съ богомолья, зашелъ въ Константинополь. Въ то время турецкій султанъ былъ сильно боленъ, и никто изъ туземныіъ докторовъ не могъ помочь ему. Тогда-то по городу распространилась молва объ исцѣленіяхъ, производимыхъ муридомъ изъ Туркестана. Султанъ-халифъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ привести его къ себѣ. Муридъ Ходжи-Ахрара, осмотрѣвъ халифа, приступилъ къ лѣченію больного чтеніемъ священныхъ молитвъ и другими средствами. Не прошло и трехъ дней, какъ больной халифъ почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни, а когда совсѣмъ выздоровѣлъ, то приказалъ муриду требовать всего, чего онъ захочетъ. Тогда хитрый муридъ попросилъ у султана священный списокъ Османова Корана, хранившійся въ казнѣ халифа. Требованіе это сильно огорчило халифа; ему никакъ не хотѣлось раз-

*) Пиромъ называется наставникъ, духовный глава ордена.

**) Родился онъ въ 806 г. Хиджры (1403—1404 г.); см. соч. „Рашахатъ".

***) Могила его находится въ 8—10 вер. отъ Бухары и привлекаетъ къ себѣ многочисленныхъ поклонниковъ. Авторъ видѣлъ эту могилу въ 1902 г. Ср. прот. Турк. кружка любителей археологіи за 1900 г., стр. 59—51.

статься съ св. книгой и онъ, вѣроятно, не отдалъ-бы ее, но бывшіе тутъ визири и приближенные сказали халифу: „Не подобаетъ измѣнять своему слову; вы сами предоставили муриду право выбора награды. Наше мнѣніе—отдать сегодня книгу, а дня черезъ два мы ее выкупимъ". Успокоенный этимъ, халифъ приказалъ выдать книгу вылѣчившему его туркестанскому паломнику. Туркестанскій хаджій, получивъ св. списокъ и опасаясь лишиться его, немедленно тайно отправилъ драгоцѣнную святыню съ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ въ Ташкентъ къ своему пиру—Ходжѣ Ахрару. Визири, согласно данному обѣщанію халифу, начали ласкать мурида и, когда уже третій день наступилъ, предложили ему большое количество драгоцѣнныхъ камней и денегъ за св. книгу. Но муридъ съ сожалѣніемъ отвѣчалъ, что не можетъ исполнить ихъ просьбы, такъ какъ книга тогда же была отослана имъ на родину (въ Ташкентъ). Вѣсть эта крайне опечалила халифа. Немедленно приказано было разослать гонцовъ во всѣ стороны, чтобы вернуть увезенную книгу; но все было безполезно: въ продолженіе трехъ дней книга была увезена далеко, и вернуть ее уже нельзя было.

Халифъ первое время былъ очень опечаленъ происшедшимъ случаемъ, но потомъ, сознавъ свою несправедливость, покорился волѣ Бога, а слава Ходжи Ахрара отъ этого пріобрѣтенія еще болѣе увеличилась. Нѣсколько лѣтъ онъ прожилъ въ Ташкентѣ, потомъ совсѣмъ переселился въ Самаркандъ, гдѣ устроилъ мадрасу и мечеть, которымъ завѣщалъ, кромѣ огромнаго богатства, и списокъ Корана, писанный будто бы самимъ Османомъ. Мусульмане вѣрятъ, что на спискѣ до сихъ поръ сохранились спѣды крови Османа. Подлинность этого извѣстія будто-бы была засвидѣтельствована надписями современниковъ Османа, но отъ давности и частаго употребленія книги, эти надписи сперва постерлись, а со временемъ, когда сталъ распадаться переплетъ, совсѣмъ утратились. Говорятъ, что въ Туркестанѣ лѣтъ 300 и болѣе назадъ были лица, видѣвшія эти надписи, и что этому списку Корана считаютъ слишкомъ 1200 лѣтъ.

По другому разсказу, лѣтъ 400, а можетъ быть и болѣе тому назадъ, въ Ташкентѣ появился выходецъ изъ Стамбула Шейхъ-ауанди-тауръ (чистый князь). Умный, ученый, богатый, набожный и благотворительный шейхъ скоро былъ признанъ за святого и умеръ, увѣковѣчивъ память свою въ названіи одной части Ташкента, называемой Шейхантаурскою. Шейхъ оставилъ послѣ себя множество потомковъ съ хорошимъ именемъ и съ хорошимъ состояніемъ. И вотъ одинъ изъ нихъ, нѣкто „Ходжа-Ахраръ", избравшій путь своего знаменитаго предка, переселился изъ Ташкента въ Самаркандъ, окружилъ себя учениками и сдѣлался „пиромъ", т. е. духовнымъ наставникомъ отдѣльнаго кружка.

Ходжа-Ахраръ выстроилъ въ Самаркандѣ мадрасу и училъ въ ней муридовъ. Кромѣ того, онъ отправлялъ на свой счетъ богомольцевъ въ Мекку... Скоро отъ Мекки и до Кашгара достигли слухи о появленіи въ столицѣ Тимура—Самаркандѣ новаго святаго, новаго источника чистой вѣры, въ лицѣ Ходжи-Ахрара, потомка святого Шейхъ-ауанди-таура. Слава о добродѣтеляхъ его выросла, наконецъ, такъ, что однажды муриды его, возвратившіеся изъ Мекки, принесли своему пиру списокъ Корана отъ турецкаго султана (каковымъ тогда былъ второй, или третій пріемникъ султана Баязида-Ильдирима). Они разсказали, что халифъ видѣлъ во снѣ ихъ пира—святого Ходжу-Ахрара и что въ знакъ почтенія прислалъ ему Коранъ, писанный рукою третьяго халифа Османа. Ходжа-Ахраръ принялъ подарокъ и оставилъ его въ своей Самаркандской мечети, въ которой онъ и хранился до 1869 года. Въ этомъ году бывшій начальникъ Зарявшанскаго округа (нынѣ Самаркандская область) генералъ-маіоръ А. К. Абрамовъ пріобрѣлъ этотъ рѣдкій списокъ Корана куфическаго письма за 100 рублей, пожертвовавъ эту сумму въ пользу мечети Ходжи-Ахрара, а Коранъ представилъ Туркестанскому генералъ-губернатору. Послѣдній препроводилъ этотъ мунускриптъ, чрезъ Министра Народнаго Просвѣщенія, въ С.-Петербургскую Публичную Библіотеку, гдѣ онъ и теперь хранится, вызывая благоговѣйное чувство у мусульманъ, имѣющихъ возможность видѣть его.

Означенный экземпляръ Корана написанъ на 353 толстыхъ пергаментныхъ листахъ, размѣромъ 68×53 сантиметра. Съ одной стороны эти листы гладкіе и глянцевитые, а съ другой—въ мелкихъ морщинахъ. Гладкая сторона желтаго цвѣта, а другая—бѣлая. На гладкой желтой сторонѣ листовъ чернила сохранились большею частью хорошо (лишь первоначальный черный цвѣтъ ихъ измѣнился въ темно-коричневый), а на морщинистой сторонѣ чернила ссыхались и обсыпались, и только на немногихъ мѣстахъ письмо удержалось вполнѣ. Но контуры буквъ вездѣ очерчены рѣзко. Кромѣ того, пергаментные листы попорчены сыростью или кровью, но всѣ одинаковаго размѣра.

Кромѣ пергаментныхъ листовъ, на мѣстѣ недостающихъ, т. е. растерянныхъ или вырванныхъ, вставлены 69 бумажныхъ, одинаковыхъ по размѣру съ пергаментными. Бумага этихъ листовъ хлопчатая, толстая, мягкая и по виду напоминаетъ пергаментъ. Такою же бумагой подклеены порванныя и истлѣвшія мѣста, а также докленны оборванные края и углы*). На всѣхъ такихъ подклейкахъ текстъ возобновленъ, но по виду напоминаетъ основное письмо манускрипта**).

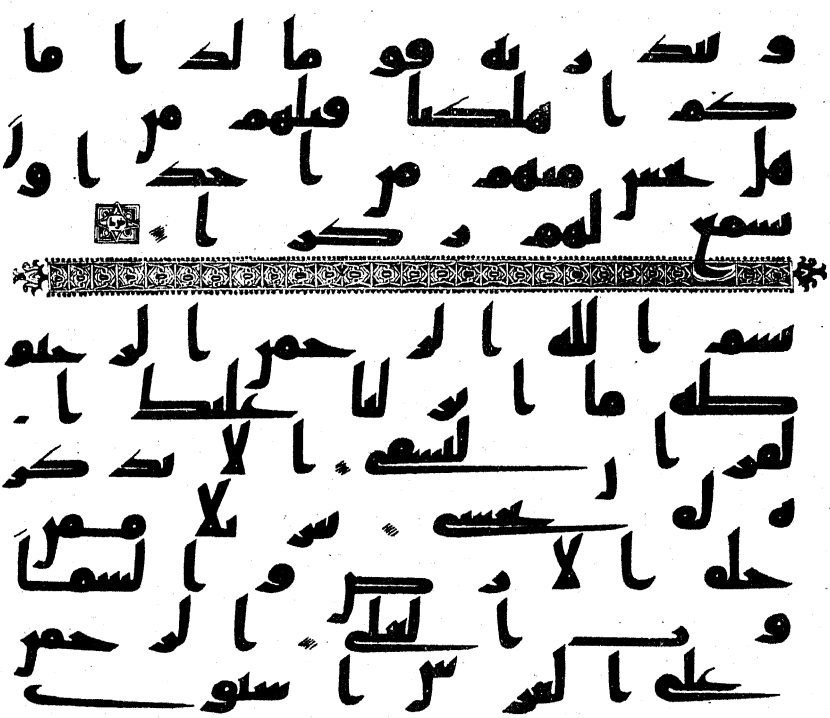
---

*) Совершенно цѣльныхъ и неподклеенныхъ листовъ въ Коранѣ только 15.

**) На нѣсколькихъ листахъ оборванные края и углы подклеены глянцевитой крѣпкой бумагой позднѣйшей выдѣлки.

Почеркъ, какимъ написанъ этотъ Коранъ,—куфическій, крупный, прямой, пропорціональный въ частяхъ, не угловатый и не на всѣхъ листахъ одинаковый по размѣру, хотя разница въ размѣрѣ почерка дѣлается замѣтною только черезъ 10—15 листовъ, почему и можно предполагать, что весь этотъ списокъ изготовленъ разными лицами, а не однимъ. На всѣхъ страницахъ число строкъ одно и тоже—12. Образецъ письма этого экземпляра прилагается*).

Конецъ 19-й и начало 20-й главы Корана по такъ называемому Османовскому списку (хран. въ Импер. Публ. Библіотекѣ).



Тѣ же слова, напечатанныя современнымъ шрифтомъ.

وتنذر به قوما لدا ✿ وكم اهلكنا قبلهم من قرن هل تحس منهم من احد او تسمع لهم ركزا

بسم الله الرحمن الرحيم

طه ✿ ما انزلنا عليك القران لتشقى ✿ الا تذكرة لمن يخشى ✿ تنزيلا
ممن خلق الارض والسموات العلى ✿ الرحمن على العرش استوا

---

*) Другіе образцы этого письма приложены къ ст. А. Шебунина въ Зап. Вост. Отд. т. VI, вып. I—VI. Кромѣ того, Императорская Публичная Библіотека изготовила въ ограниченномъ числѣ фототипическія копіи всего этого Корана. Одинъ экземпляръ этого рѣдкаго изданія имѣется въ Ташкентской Публичной Библіотекѣ.

Описываемый манускриптъ былъ собранъ въ тетради по 8—10 листовъ каждая, причемъ парные листы и самыя тетради были соединены и сшиты въ безпорядкѣ: нѣкоторые листы были поставлены низомъ вверхъ, а иные—наружнымъ краемъ были обращены къ корешку и т. д. Самою же замѣчательною особенностью этого манускрипта служатъ кровяныя пятна, которыя придаютъ ему въ глазахъ мусульманъ особую священную важность, такъ какъ эти пятна составляютъ будто бы остатки крови халифа Османа, убитаго во время чтенія Корана. Кровь находится почти на всѣхъ корешкахъ тетрадей и съ корешковъ протекла на середину листовъ, притомъ не сплошь на каждыхъ двухъ сосѣднихъ листахъ, что даетъ основаніе предполагать намѣренное облитіе кровью описываемаго списка, для подтвержденія предполагаемой подлинности списка.

Въ числѣ особенностей письма этого списка указываютъ на то, что вмѣсто діакритическихъ точекъ надъ извѣстными буквами арабскаго алфафита поставлены черточки, а затѣмъ никакихъ другихъ знаковъ чтенія*) въ этомъ спискѣ нѣтъ. Каждый стихъ Корана отдѣляется отъ другого черточками отъ 4 до 7 (весьма рѣдко менѣе или болѣе), расположенными близко одна надъ другой и похожими на діактритическія черточки. Отдѣльныя группы стиховъ (приблизительно 10 ст.) отмѣчены цвѣтнымъ квадратикомъ со звѣздочкой внутри, описанной вокругъ кружка, въ которомъ помѣщается красная куфическая буква, обозначающая число стиховъ отъ начала главы. Эти цвѣтныя фигурки различаются между собою, главнымъ образомъ, расположеніемъ красокъ и были вставлены въ текстъ уже послѣ, а не одновременно съ написаніемъ самаго текста. Главы Корана отдѣляются одна отъ другой цвѣтной полосой, состоящей или изъ ряда квадратиковъ, или продолговатыхъ прямоугольниковъ, различно раскрашенныхъ. Концы такихъ заставокъ украшены какъ бы бантомъ ленты, имѣющимъ форму лиры. Эти заставки, очевидно, также позднѣйшаго происхожденія и появились одновременно съ цвѣтными фигурками, отдѣляющими десятки стиховъ. Особыхъ названій при каждой отдѣльной главѣ нѣтъ, но каждая глава имѣетъ обычное арабское надписаніе: „Во имя Бога Милостиваго Милосерднаго“ (Бисмилля),

На основаніи подробно описанныхъ въ ст. А. Шебунина внѣшнихъ и внутреннихъ признаковъ этого списка слѣдуетъ признать, что этотъ экземпляръ Корана былъ подновленъ (уже въ XIX ст.) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свѣжими чернилами и пополненъ бумажными листами, а на оборванныхъ и истлѣвшихъ листахъ подправленъ бумажными заплатками.

---

*) Гамза, мадда, тяшдидъ, сукунъ и гласные знаки.

Относительно времени первоначальнаго написанія упомянутаго манускрипта г. Шебунинъ полагаетъ, что этотъ манускриптъ былъ изготовленъ въ началѣ второго вѣка Хиджры въ Ираке и списанъ съ Басрійскаго экземпляра, т. е. съ одного изъ первыхъ четырехъ списковъ Корана, изготовленныхъ при халифѣ Османѣ*).

Если принять выводъ, къ какому пришелъ г. Шебунинъ, на основаніи пріемовъ научной критики, то приходится усумниться въ правдивости разсказовъ мусульманъ о принадлежности третьему халифу Осману манускрипта, хранящагося въ Императорской С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ Корана.

2) Другой древній списокъ Корана хранится въ Каирѣ, въ Хедивской Публичной Библіотекѣ подъ № 536. По своему формату, по особенностямъ почерка и системы письма, этотъ экземпляръ „поражаетъ своимъ необыкновеннымъ сходствомъ“ съ только что описаннымъ экземпляромъ, принадлежащимъ Императорской С.-Петербургской Библіотекѣ**). Размѣръ цѣльныхъ пергаментныхъ листовъ 68×53; число строкъ на страницѣ—12; почеркъ—куфическій (прямой, крупный, безъ всякихъ вычурностей); размѣръ буквъ и толщина линій, какъ и въ Петербургскомъ экземплярѣ; гласныхъ знаковъ нѣтъ; діакритическія черточки такія же; знаки дѣленія стиховъ, десятковъ стиховъ и главъ также сходны съ Петербургскимъ спискомъ; наконецъ, въ цвѣтѣ чернилъ тѣ же переходы отъ чернаго къ свѣтло-бурому, при общемъ коричневомъ тонѣ. Всѣхъ листовъ въ этомъ экземплярѣ 562, но подлинныхъ изъ нихъ всего 248; остальные дополнены при второй и третьей реставраціи.

Не касаясь отличительныхъ подробностей этого списка, г. Шебунинъ замѣчаетъ, что Каирскій экземпляръ Корана не представляетъ существенной хронологической разницы съ Петербургскимъ экземпляромъ, почему и относитъ время появленія Каирскаго списка къ первой половинѣ II вѣка Хиджры, а по характеру правописанія ставитъ его ближе къ Мединскому списку, тогда какъ С.-Петербургскій экземпляръ подходитъ ближе къ Басрійскому экземпляру.

3) Туркестанскіе туземцы-хаджіи передавали мнѣ, что въ Константинополѣ, въ мечети „Ая-Суфія“ находится древній манускриптъ Корана, очень похожій на экземпляръ, хранящійся въ С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ. И турки считаютъ свой экземпляръ подлиннымъ спискомъ, принадлежавшимъ халифу Осману.

*) По Нольдеке, рукою Зяйда былъ сначала написанъ мединскій экземпляръ Корана, съ котораго были списаны Дамасскій и Басрійскій, а съ этого уже Куфскій.

**) См ст. А. Шебунина: „Куфическій Коранъ Хедивской Библіотеки въ Каирѣ“. (Записки Вост. Отд. Импер. Рус. Археолог. Общ. т. XIV, вып. II—III, стр. 119—154. С.-ПБ. 1902 г.).

Возможно, что Стамбульскій, Каирскій и Петербургскій манускрипты представляютъ собою копіи подлиннаго Османовскаго экземпляра, который хранился въ Мединской мечети и погибъ во время пожара, разрушившаго эту мечеть, какъ слышалъ Буркхартъ во время своего путешествія по Аравіи. Во всякомъ же случаѣ приходится признать, что Петербургскій экземпляръ не подлинный списокъ халифа Османа, а можетъ быть—копія Стамбульскаго...

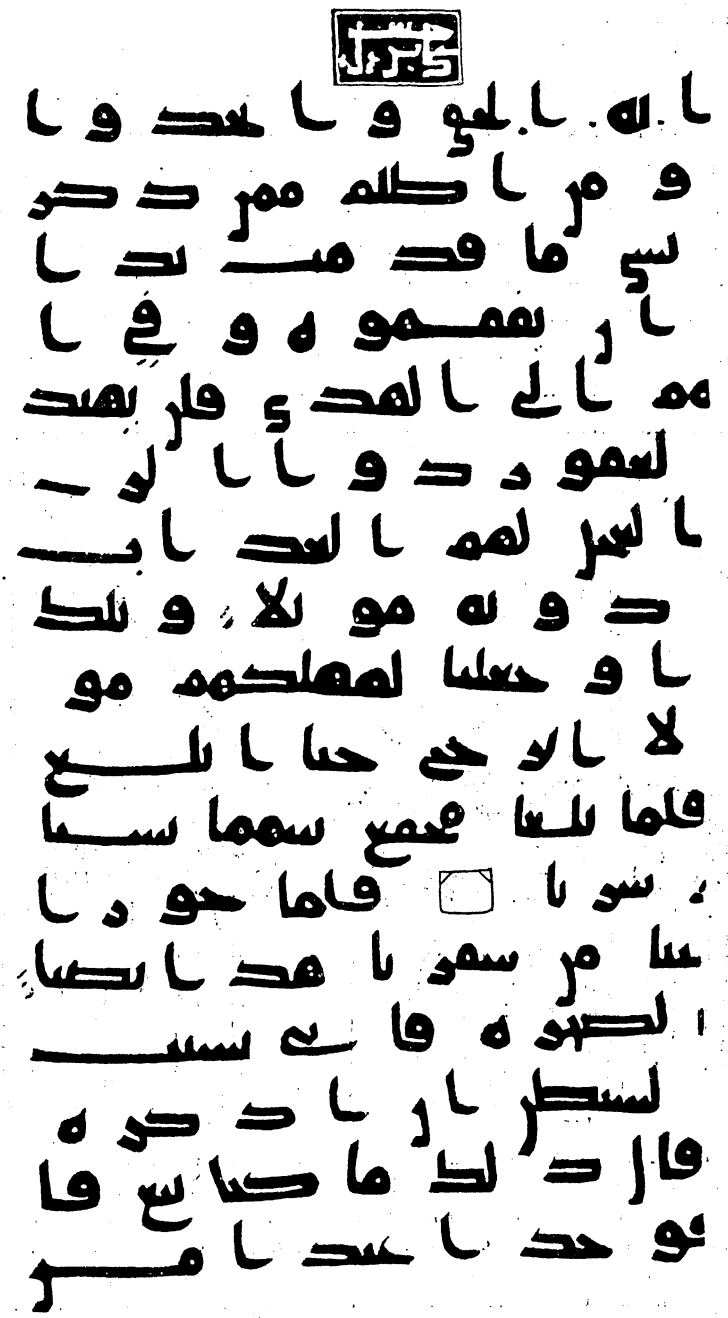
Примѣчаніе. Что представляютъ собою экземпляры Корана, хранящіеся въ настоящее время въ Мединской и Меккской мечетяхъ, сказать ничего нельзя, такъ какъ европейскимъ ученымъ они недоступны. О Меккскомъ экземплярѣ Бертонъ кратко упомянулъ, что этотъ цѣнный манускриптъ имѣетъ въ длину около 4-хъ футовъ и написанъ почеркомъ „сульси“. Онъ хранится въ библіотекѣ мечети, находящейся близъ воротъ „Бабу-с-салямъ“, закрытъ деревянными крышками, которыя запираются серебрянымъ ключемъ отъ любопытныхъ посѣтителей библіотеки*).

4) Нужно отнести къ древнимъ спискамъ Корана и манускриптъ, хранящійся въ Туркестанской мечети Хазрета Ахмеда Яссави, фотографическій снимокъ съ котораго при семъ прилагается. Снимокъ не отчетливъ, потому что оригиналъ находится на могилѣ Хазрета, въ полутемной нишѣ мечети, а вынести св. книгу наружу, гдѣ больше свѣта, шейхи, охраняющіе могилу святого, не соглашаются.

*) Personal Narrative of a Pilgrimage to Al-Madinah and Meccah. By Captain Sir Richard F. Burton. London, 1906. Vol. 1, pag. 338.

5) Прилагаемый фотографическій снимокъ съ одной страницы неизвѣстнаго экземпляра Корана писанъ будто-бы рукою Хусаина, сына Алія. Гдѣ находится этотъ манускриптъ, мнѣ не извѣстно. Но несомнѣнно, что и этотъ списокъ древній, судя по характеру письма.

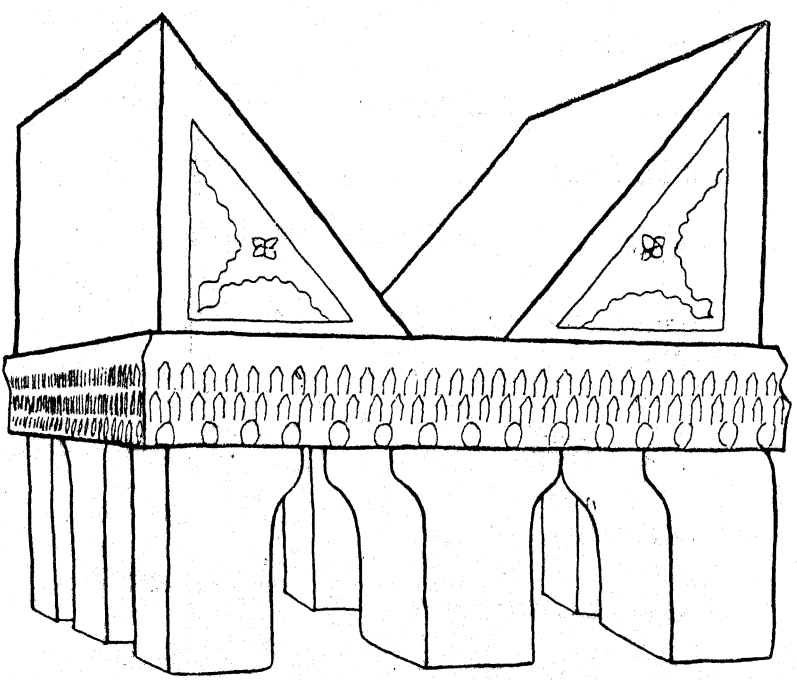
На представляемомъ снимкѣ напечатанъ отрывокъ XVIII главы Корана.



6) Въ Самаркандской мечети Шахъ-Зинда до сихъ поръ сохраняется выдающійся своими размѣрами списокъ Корана. Листы его имѣютъ въ длину 2 ар. 4 в., а въ ширину 1 ар. 6 в.; буквы имѣютъ $^3/_8$ в. вышины; разстояніе между строками—1 вер. Текстъ на каждомъ изъ 30 листовъ окаймленъ тремя цвѣтными каймами въ 1 ар. 14 в. длиной и въ 1 арш. 2 в. шириной. Бумага—мѣстная, сартовская.

По разсказамъ туземцевъ, Самаркандскій списокъ былъ изготовленъ писцомъ Хусаиномъ, по приказанію Бухарскаго Эмира Насруллы (1252 г.=1827 г.). За этотъ трудъ Эмиръ уплатилъ писцу около 150 р. деньгами и пожаловалъ хорошій халатъ. Вслѣдствіе начавшагося разрушенія мечети, Коранъ Насруллы былъ перенесенъ въ мечеть Шахъ-Зинда, гдѣ онъ лежитъ на особомъ столѣ. Имена Эмира Насруллы и писца Хусаина поминаются чтецами Корана въ особыхъ молитвахъ.

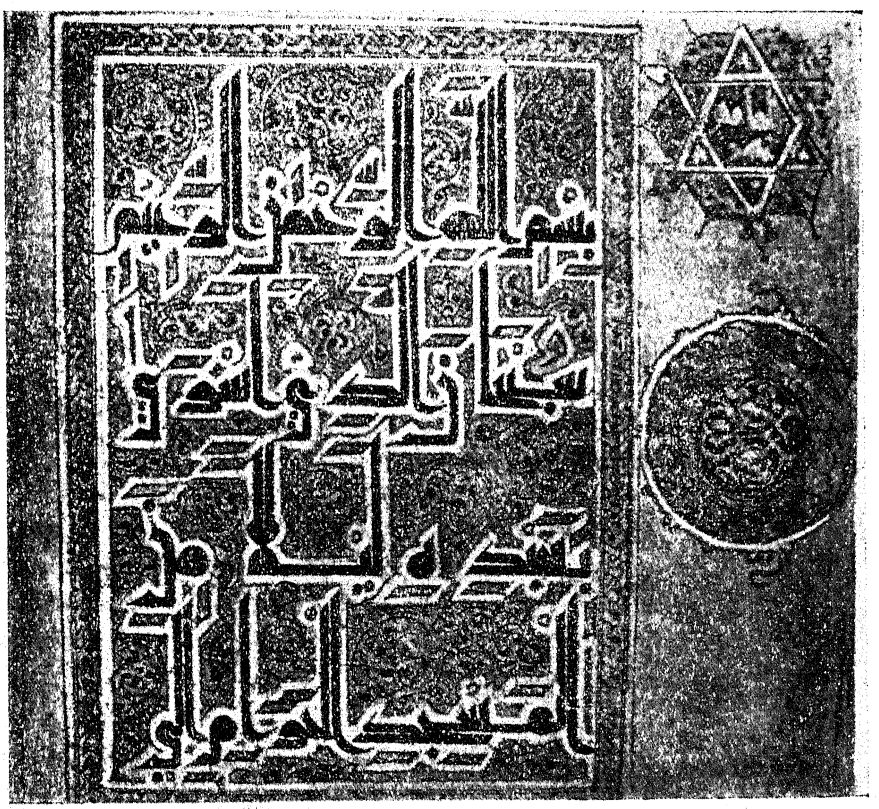
Вѣроятно, этотъ списокъ Корана представляетъ собою копію болѣе древняго теперь не существующаго списка, такъ какъ отъ временъ Улугъ-Бека (1447 г. по Р. Хр.) близъ мечети Биби-Ханымъ до сихъ поръ сохранилась огромная изъ сѣраго мрамора подставка для Корана (ляухъ), на наружныхъ стѣнкахъ которой имѣются значительно стершіяся надписи. О видѣ подставки можно судить по рисунку**).



*) Подставка имѣетъ въ вышину отъ земли 2 ар. $6^1/_2$ в., въ ширину 2 ар. $13^1/_2$ вер. и въ длину 3 ар. $3^1/_2$ вер. Поставка имѣетъ такой общій видъ: на 9 четырехгранныхъ ножкахъ (по 3 въ рядъ), высотой $15^1/_2$ вер., лежитъ квадратная площадка изъ плитъ сѣраго мрамора (каждая сторона квадрата 7 арш. 6 вер.). Толщина мраморной плиты $6^1/_2$ вер. На этой плитѣ установлены два мраморныхъ крыла съ откосами внутрь. Высота крыльевъ 1 арш. $^1/_2$ вер.,

7) Къ числу большихъ по формату и къ древнимъ по письму нужно отнести экземпляръ списка Корана, о которомъ можно судить по прилагаемому снимку, заимствованному мною изъ печатающейся на нѣмецкомъ языкѣ „Энциклопедіи Ислама“, выходящей подъ редакціей профессоровъ Гутсма и Гартмана*).

На снимкѣ, на первой строчкѣ отпечатано молитвенное воззваніе, какимъ начинаются отдѣльныя суры Корана (кромѣ девятой), какъ сказано выше, на страницѣ 32 . На слѣдующихъ трехъ строкахъ напечатаны начальныя слова текста 17-й главы Корана.



8) Какъ совершенную противоположность описанному экземпляру, на мусульманскомъ Востокѣ въ прежнее время изготовлялись необыкновенно миньятюрные списки Корана, какой, напримѣръ, Аббасъ Великій, Персидскій Шахъ (1587—1628 г.г.) подвязывалъ себѣ во вре-

*) Enzyklopaedie des Islam... Von Dr. M. Th. Houtsma und Dr. R. Hartmann. Leiden.

мя похода къ правой рукѣ, повыше локтя. Этотъ списокъ Корана, величиною въ талеръ, при толщинѣ въ полвершка, былъ изготовленъ въ Ширазѣ въ 1010 г. Хиджры (1601 г. по Р. Хр.). Другой экземпляръ былъ въ $1^1/_2$ в. при толщинѣ въ 2 вершка*). Въ Бахчисараѣ въ 1316 г. Хиджры (1898 г. по Р. Хр.) былъ отпечатанъ на папиросной бумагѣ Коранъ въ два вершка длины и въ 1 в. шириной при толщинѣ въ полвершка.

Автору настоящей книги былъ присланъ М. С. Андреевымъ изъ Стамбула еще болѣе микроскопическій экземпляръ Корана, строчки котораго имѣютъ въ длину всего $^1/_4$ в. На каждой страничкѣ его помѣщаются 12 строчекъ, такъ что наборъ всей страницы имѣетъ въ длину только полвершка. Такой миньятюрный экземпляръ Корана напечатанъ на тончайшей папиросной бумагѣ и имѣетъ форму маленькой книжечки, толщиною въ $^1/_4$ в. Печать этого экземпляра настолько мелка, что при самомъ остромъ зрѣніи невозможно разбирать буквы и читать текстъ. Поэтому въ верхнюю крышку его тонкаго серебрянаго складня-футляра вставлено увеличительное стеклышко, при помощи котораго съ трудомъ разбираются мелкія буквы арабскаго текста. Къ футляру придѣлано колечко, за которое можно прикрѣплять этотъ маленькій Коранъ къ чалмѣ, или къ цѣпочкѣ при карманныхъ часахъ.—Очевидно, современные турки хотѣли представить въ этомъ оригинальномъ экземплярѣ Корана своего рода шедевръ печатнаго (фототипія) искусства.

Въ Индіи, Турціи, Стамбулѣ, Египтѣ, Россіи и Туркестанѣ Коранъ литографируется и печатается въ самыхъ разнообразныхъ видахъ по размѣру, по качеству бумаги и по украшеніямъ текста.

Бомбейскія изданія Корана отличаются особенною четкостью и удобными для ежедневнаго пользованія размѣрами (чаще всего въ $^1/_{16}$ листа). Бумага нерѣдко употребляется цвѣтная (желтая и синеватая**). Въ прошломъ году въ Ташкентѣ, Самаркандѣ и Бухарѣ были отлитографированы довольно красивые экземпляры Корана на желтой бумагѣ, съ бордюрами и виньетками, раскрашенными разноцвѣтными красками и позолотой. При этомъ характеръ буквъ одинъ и тотъ же, что достигнуто путемъ типографской копировки, а въ замѣткахъ на поляхъ и въ виньеткахъ есть особенности.

---

*) Г. Саблуковъ. Свѣдѣнія о Коранѣ. (Казань, 1884). Стр. 41.

**) Такой цвѣтъ бумаги примѣняется въ интересахъ сохраненія зрѣнія, особенно при яркомъ солнцѣ.

1) Изъ всѣхъ видѣнныхъ мною печатныхъ и литографированныхъ экземпляровъ Корана въ отношеніи точности текста, отчетливости шрифта и важности пояснительныхъ къ тексту свѣдѣній самымъ лучшимъ изъ современныхъ изданій нужно считать индійское литографированное изданіе 1283 года Хиджры (1866—1867 г. по Р. Хр.), принадлежащее библіотекѣ Туркестанской Учительской Семинаріи и не встрѣчающееся въ настоящее время въ продажѣ. Въ этомъ большомъ томѣ 942 страницы размѣра русскаго писчаго листа по ширинѣ и немного короче по длинѣ. На сплошной страницѣ 13 строкъ. На прилагаемомъ снимкѣ помѣщено начало второй суры въ виньеткѣ.

Въ этомъ экземплярѣ всѣ страницы имѣютъ нумерацію и надписи суръ, джузъ и мунзалей, что облегчаетъ пользованіе этимъ изданіемъ. Заглавный листъ представляетъ виньетку, помѣщенную на стр. 19-й настоящей книги, а о характерѣ надписей на поляхъ можно судить по снимкамъ, напечатаннымъ на стр. 35 и 114.

Большой форматъ и высокая цѣна (8—10 р.) описаннаго экземпляра Корана составляетъ его единственный недостатокъ. Всѣ прочія особенности ставятъ его выше другихъ, извѣстныхъ мнѣ изданій, въ которыхъ замѣчаются частичныя заимствованія изъ описываемаго экземпляра. Ташкентскіе ученые муллы не сразу могли давать мнѣ объясненія замѣтокъ, находящихся на поляхъ индійскаго изданія.

Въ видахъ большого удобства для мусульманъ, въ Бомбеѣ и Стамбулѣ Коранъ издается въ формѣ книги обыкновеннаго размѣра in 16.

2) Принадлежащее автору этой книги Бомбейское литографированное изданіе 1289 г. (1872 г. по Р. Хр.) очень красиво исполнено на плотной желтой бумагѣ. Размѣръ страницы почти 5 вер. въ длину, и 3 в. въ ширину. Позолоченная рамка, окаймляющая текстъ, имѣетъ $3^1/_2$ вер. въ длину и 2 вер. съ небольшимъ въ ширину. На полныхъ страницахъ, на которыхъ нѣтъ заглавій суръ, 15 строкъ. Буквы четкія и красивыя. Стихи отдѣлены одинъ отъ другого чернымъ кружкомъ. Нумераціи страницъ и заглавій суръ надъ строками нѣтъ. Джузы, сяджды и макры отмѣчены на поляхъ словами и небольшими цвѣточками. Первая сура (фатиха) и начало второй занимаютъ, какъ и въ другихъ экземплярахъ, двѣ страницы перваго разгиба (2 и 3 стр.), которыя заполнены сплошной узорной виньеткой, раскрашенной разноцвѣтными красками и позолотой, а самый текстъ названныхъ суръ написанъ бѣлыми письменами по зеленому фону, въ кружкѣ, въ видѣ овала. Обѣ страницы разгиба, на которомъ приходится половина текста Корана (гл. 18, ст. 18), отмѣчены узорной каймой съ позолотой по красному фону, а составляющее середину Кораническаго текста слово написано болѣе крупными буквами. Такимъ же узоромъ и каймой раскрашены и послѣднія двѣ страницы, на которыхъ заглавія послѣднихъ суръ выдѣлены разноцвѣтными заставками. Всѣхъ страницъ въ этомъ экземплярѣ 610. Особенность этого изданія составляетъ то, что всѣ тридцать джузъ начинаются въ немъ съ верхней строки лѣвой страницы разгиба книги.

3) Изъ Стамбульскихъ изданій Корана въ моемъ распоряженіи были два (оба литографированныя): одно—отъ 1299 (1881 г.) и другое—отъ 1327 (1909 г.). Оба изданія изготовлены на плотной желтой бумагѣ и имѣютъ почти одинаковое письмо, но отличаются размѣрами: страница перваго изданія имѣетъ размѣръ $4 \times 2^3/_4$ и 15 строкъ на страницѣ. Нумераціи страницъ и заглавій суръ въ этомъ изданіи нѣтъ.

Во второмъ изданіи введено очень важное удобство для пользованія св. текстомъ — нумерація страницъ и обозначеніе суръ (на правыхъ) и джузъ (на лѣвыхъ страницахъ). За то, въ видахъ экономіи мѣста, стихи Корана не отдѣлены звѣздочками, или кружечками, какъ это обыкновенно встрѣчается въ другихъ изданіяхъ Корана. Всѣхъ страницъ въ этомъ изданіи 358 и на каждой сплошной страницѣ, въ особой рамкѣ, заключены 19 строкъ текста. Отсутствіе раздѣлительныхъ знаковъ между стихами и 19 строкъ на страницѣ дали издателю возможность умѣстить весь Коранический текстъ на 353 страницахъ сравнительно небольшого размѣра ($4^3/_4 \times 3$ вершка), причемъ рамка, окаймляющая строчки текста, имѣетъ размѣръ $3^1/_2 \times 2$ в. На поляхъ страницъ отмѣчены джузы, половины джузъ и сяджды. На первой страницѣ (заглавной) напечатана позолоченная виньетка (звѣзда съ луной), помѣщенная на стр. 26 настоящей книги; на слѣдующихъ двухъ страницахъ даются позолоченныя изображенія мединской и меккской мечетей; на 4-й и 5-й страницахъ въ особыхъ узорныхъ и золоченыхъ виньеткахъ, напоминающихъ своимъ видомъ церковныя хоругви, напечатаны: первая глава Корана (на правой стр.) и первые три стиха второй главы (на лѣвой стр.). Затѣмъ идетъ сплошной текстъ Корана, въ которомъ каждая глава отдѣлена не широкой полоской съ узорными краями. Текстъ Корана оканчивается въ верхней части 357-й страницы, на которой далѣе напечатана молитва, читаемая въ заключеніе благочестиваго подвига, состоящаго въ прочтеніи всей св. книги. За молитвой слѣдуетъ краткое послѣсловіе, въ которомъ названъ издатель и обозначенъ годъ изданія. На послѣдней, уже не нумерованной страницѣ повторена первая (заглавная) виньетка съ словами: تنزيل من رب العالمين

Текстъ молитвы послѣ прочтенія Корана отличается отъ молитвъ, печатаемыхъ въ другихъ изданіяхъ и потому приводится здѣсь полностью*).

هذا دعا ختمى القران العظيم

اللهم ارحمنى بالقرآن ✿ واجعله لى اماما ونورا وهدى ورحمتا ✿ اللهم ذكرنى منه ما نسيت وعلمنى منه ما جهلت وارزقنى تلاوته اناء اليل والنهار ✿ واجعله لى حجة يارب العالمين ✿ اللهم تقبل منى انك انت السميع العليم ✿ واغفرلى انك انت الغفور الكريم ✿ اللهم بلغ ثواب ماقرانا ونور ما تلونا ✿ هدية واصلة الى روح نبينا وشفيعنا محمد صلى الله عليه

*) Въ другомъ стамбульскомъ изданіи эта молитва немного сокращена, а въ нижеописанномъ каирскомъ изданіи сокращеніе доведено до четверти всей молитвы.

وسلم ✿ والى ارواح اله واصحابه رضوان الله تعالى عليهم اجمعين ✿ والى ارواح جميع الانبياء والمرسلين ✿ صلوات الله وسلامه عليهم اجمعين ✿ والى ارواح العلماء العاملين ✿ ومشايخنا في الدين ✿ رحمة الله عليهم اجمعين ✿ والى ارواح ابائنا وامهاتنا واخواننا وجميع تعلقاتنا ✿ والى ارواح جميع صاحب الخيرات والحسنات والى ارواح جميع المؤمنين والمومنات والمسلمين والمسلمات ✿ برحمتك يا ارحم الراحمين اللهم انصر سلطاننا سلطان المسلمين ✿ وانصر علماءه ووزراءه وعساكره الى يوم الدين ✿ واكتب الصحة والسلامة والعفو والعافية علينا وعلى الحجاج والغزاة والمرضى والمسافرين والمقيمين والحاضرين والغائبين ✿ في برك وبحرك من امة محمد اجمعين يارب العالمين ✿

سبحان ربك رب العزة عما يصفون ✿ وسلام على المرسلين ✿

والحمد لله رب العالمين ✿

Это изданіе продается въ красномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ узорнымъ тисненіемъ во всю величину корочекъ. Отъ большаго по формату индійскаго изданія № 1 оно отличается не только своимъ меньшимъ размѣромъ, но и отсутствіемъ на поляхъ его пояснительныхъ замѣчаній, какія изображены на прилагаемомъ рисункѣ (стр. 114).

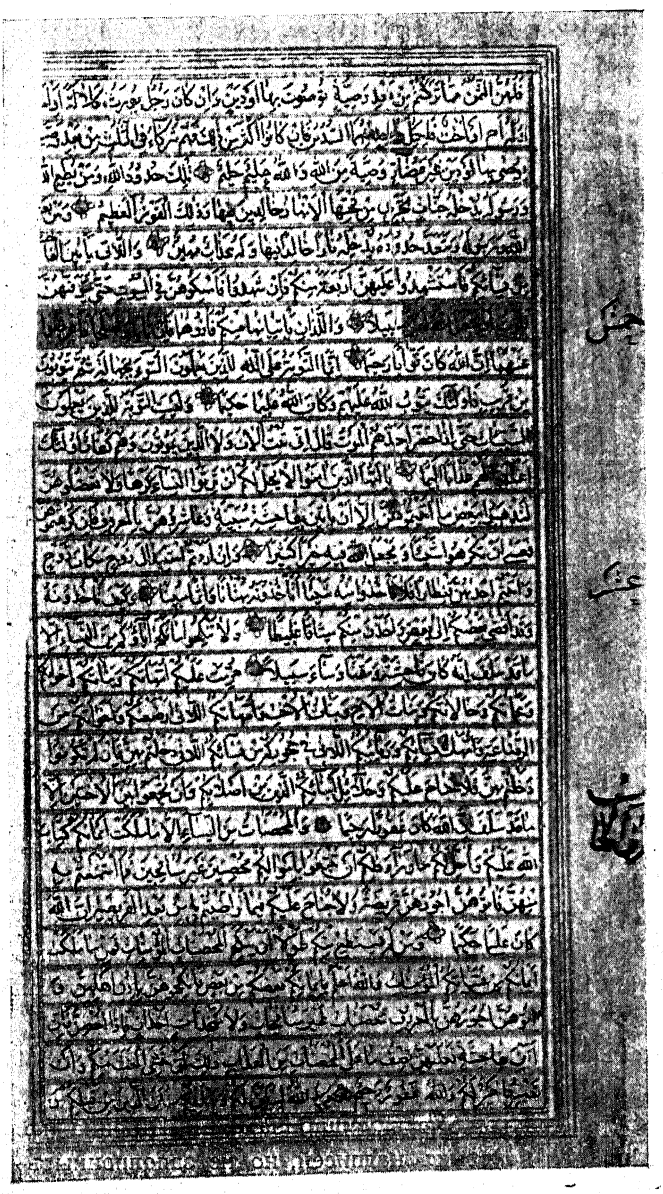
4) Каирское литографированное изданіе Корана 1310 г. Хиджры (1891—1892 г. по Р. Хр.), по характеру печати, подходитъ болѣе къ Стамбульскому изданію. Страницы его имѣютъ размѣры: $2^1/_2$ вершка въ длину и $1^1/_2$ вершка въ ширину (внутри рамка, окаймляющая печатный текстъ). На страницѣ помѣщается 17 строкъ. Начало суръ отдѣляется не широкою каймой. Бумага плотная, сѣрая; письмо не четкое. Вообще внѣшній видъ этого изданія грязноватый. Надъ страницами имѣются нумерація и помѣтки заглавій суръ (на правой) и счетъ джузъ (на лѣвой страницѣ). Начало джузъ и четверти ихъ, а также сяждды отмѣчены на поляхъ. Всѣхъ страницъ въ изданіи 468. Въ концѣ текста помѣщена сокращенная молитва, читаемая по прочтеніи всего Корана (см. выше), и буквенные знаки остановокъ при чтеніи.

Въ рукописныхъ Коранахъ, кромѣ почерка и украшеній*), обращаетъ на себя вниманіе матеріалъ, на которомъ писался св. текстъ. Встрѣчаются экземпляры, писанные на шелковой (китайской бумагѣ).

1) Самый выдающійся въ этомъ отношеніи экземпляръ, въ собственномъ смыслѣ inicum, составляетъ собственность инженеръ-полков-

*) Объ украшеніяхъ въ сохранившихся древнихъ спискахъ Корана трудно судить по цинкографіямъ. Нужно видѣть изящно раскрашенные рисунки, напечатанные въ Парижѣ, въ изданіи Авенна „L'Art arabe“ (т. 3).

ника Б. Н. Кастальскаго, въ Самаркандѣ. Этотъ необыкновенный экземпляръ Корана написанъ на тончайшихъ листикахъ, выпиленныхъ изъ древесины чинароваго дерева, не толще плотной писчей бумаги высокаго сорта. По сообщенію владѣльца этого рѣдкаго экземпляра, деревянные (чинаровые) листики (63) сброшюрованы кожей въ книжку и находятся въ особой кожаной обложкѣ, покрытой сверху шелковой матеріей, вязанной изъ разноцвѣтныхъ нитокъ (бѣлая, черная, желтая, красная, зеленая и сѣрая) съ оригинальнымъ рисункомъ. Мѣдная, въ формѣ листочка, заставка смыкала корочки этого оригинальнаго экземпляра Корана, письмо котораго представлено на рисункѣ.



Размѣры Корана: ширина листиковъ съ полями 4 дюйма, длина также съ полями—7 д., толщина на корешкѣ 0,6 д., ширина рамки съ текстомъ 2,65 д., высота столбца текста 5,4 д. На каждой страницѣ 27 строкъ. Строчки отграфлены одна отъ другой золотыми линіями и заключены въ такую же рамку. Затѣмъ идетъ другая золотая рамка, но болѣе широкая, и далѣе еще двѣ рамки, изъ которыхъ одна—черная, а другая, самая крайняя—красная, болѣе толстая.

Заглавіе суръ написаны красными буквами по зеленому фону, а самый текстъ—черными (тушью?) и имѣютъ надъ собой красные надстрочные знаки (харакаты). Отдѣльные стихи отдѣляются въ текстѣ кружками съ позолоченной серединой и четырьмя лазуревыми точками по окружности и красной точкой въ центрѣ.

На поляхъ текста имѣются отмѣтки трехъ видовъ, указывающія дѣленія текста и остановки голоса во время чтенія.

Первая страница Корана раскрашена узоромъ въ шесть красокъ съ золотомъ, въ стилѣ персидскомъ. Послѣдняя страница сильно пострадала отъ времени.

Года написанія этого списка и имени писца въ рукописи не видно, такъ какъ отъ послѣдней страницы сохранилась только $^2/_3$ ея. Всѣхъ цѣльныхъ листиковъ въ Коранѣ 63; остальные представляются въ изломанныхъ кусочкахъ разной величины.

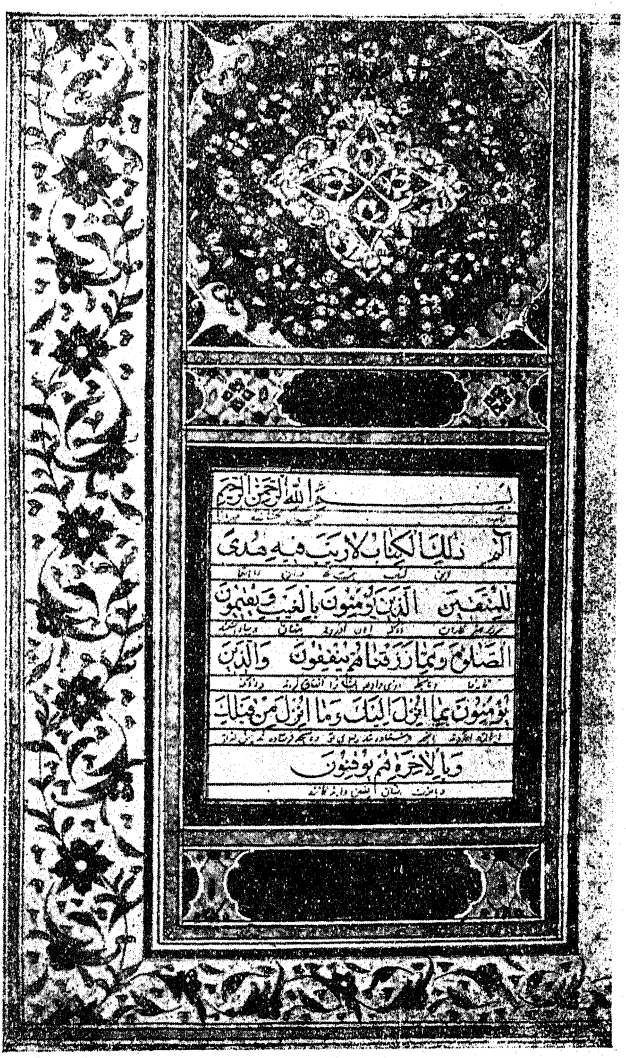
Судя по почерку, нельзя считать этотъ экземпляръ очень древнимъ, но лѣтъ 200 назадъ можно дать ему. Болѣе всего, конечно, заслуживаетъ вниманія матеріалъ (чинаровая древесина), на которой написанъ текстъ: чтобы приготовить не менѣе ста листиковъ такой тонины, гладко отшлифовать ихъ и тщательно исписать и раскрасить, требовалось много тонкости въ рукахъ и большой запасъ благочестиваго терпѣнія, въ надеждѣ на небесную награду (савабъ).

2) Рѣдкій по красотѣ почерка и изяществу раскраски списокъ Корана одинъ ходжентскій скупщихъ древностей (антикчи) привозилъ въ 1911 г. въ Ташкентъ для продажи и просилъ за него тысячу руб. Я совѣтывалъ ему уступить этотъ экземпляръ въ Туркестанскую Публичную Библіотеку за 100 руб., но онъ не согласился. Въ Петербургскія книгохранилища также не поступилъ этотъ манускриптъ. Антикчи послѣ говорилъ мнѣ, что отправилъ свой рѣдкій списокъ Корана въ Бухару для продажи въ Эмирскую библіотеку.

Этотъ экземпляръ, несомнѣнно, изготовленъ въ Персіи, такъ какъ характерно отличается подстрочнымъ персидскимъ переводомъ, составленнымъ извѣстнымъ муллой Хусайнъ-Ваизомъ Кашефи (авторъ Калили и Димны).

Этотъ манускриптъ написанъ въ 1162 году Хиджры (1748—1749 г. по Р. Хр.). Длина каждаго листа $7^1/_2$ в., ширина $4^3/_4$ в. Длина рамки, окаймляющей текстъ, $5^1/_2$ в., ширина 3 в. Ширина полей, предназначенныхъ для боковыхъ надписей, но не заполненныхъ—1 вершокъ.

Всѣхъ листовъ 285. Два послѣдніе обтрепались и потому обклеены кругомъ бумагой другого сорта и худшаго достоинства, а нѣсколько листовъ подклеены по краямъ. При всемъ этомъ описываемый манускриптъ очень хорошо сохранился и заключенъ въ приличный кожанный переплетъ персидскаго типа. Повидимому, искусный и усердный „мирза“ не закончилъ, или—лучше сказать—не отдѣлалъ своей изящной, продолжительной и кропотливой работы. Отдѣланными вполнѣ оказываются только первыя двѣ страницы, на которыхъ, по установившемуся обычаю, пишутся и печатаются первая сура и первые три—четыре стиха второй суры. Какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ, довольно большая страница сплошь заполнена узорнымъ рисункомъ-золотомъ, красной, синей, бѣлой и голубой красками. Арабскій текстъ написанъ китайскою тушью, а персидскій подстрочный переводъ—



красными чернилами. Весь дальнѣйшій текстъ написанъ одинаковымъ почеркомъ. Стихи отдѣлены золочеными звѣздочками, а начало суръ — особыми заставками, шириною въ полвершка. Заглавія писаны красными чернилами по золотому фону, а оба конца заставки раскрашены узоромъ разноцвѣтныхъ красокъ. На поляхъ, въ особыхъ узорныхъ виньеткахъ, отмѣчены „джузы", половины „джузъ" и „сяджды". Странно, однако, что половина текста Корана (гл. 18, ст. 18) не отмѣчена въ этомъ спискѣ. Равно нѣтъ другихъ отмѣтокъ на поляхъ, какія встрѣчаются въ описанныхъ спискахъ и печатныхъ экземплярахъ. Названія главъ и нумерація отдѣльныхъ страницъ въ спискѣ также не обозначены. Въ концѣ текста Корана благочестивый писецъ не написалъ молитвы, читаемой по прочтеніи свящ. книги, не сообщилъ, по чьему распоряженію или просьбѣ онъ трудился надъ столь кропотливой работой, не написалъ своего имени и мѣста выполненія работы. Годъ окончанія письма (1161=1748) скромно обозначенъ мелкими цифрами надъ послѣднимъ словомъ его молитвеннаго обращенія къ Богу и пророку*).

Настоящій владѣлецъ этого чуднаго экземпляра—Ходжентскій антикчи Мирза-Ходжа Сабиръ-Ходжаевъ говорилъ мнѣ, что купилъ этотъ Коранъ въ Кокандѣ, послѣ смерти какого-то шейха. Вѣроятно, этотъ экземпляръ принадлежалъ какому-нибудь вліятельному лицу въ Персіи, а оттуда попалъ въ предѣлы бывшаго Кокандскаго Ханства.

3) Весьма похожій по почерку (только мельче предыдущаго) экземпляръ рукописнаго Корана намъ показывалъ 28 іюля 1911 года почтенный казій и мударрисъ гор. Самарканда Иса-Ходжа. Этотъ изящный экземпляръ написанъ на хорошей бумагѣ, листы которой немного короче современнаго почтоваго листика. Первыя двѣ страницы и двѣ послѣднія украшены сплошною узорною виньеткой, въ которой господствующая краска темно-синяя. Строки каждой страницы окаймлены золочеными линейками и каждая строка отдѣлена отъ сосѣдней также золоченой извилистой полосой. Всѣ листы Корана въ полной сохранности, а въ страницы съ виньетками вложены бѣлые листочки для предохраненія рисунка виньетки отъ смарыванья. Переплетъ персидскій. Содержится этотъ манускриптъ въ хорошемъ футлярѣ.

Казій Иса-Ходжа сообщилъ, что этотъ списокъ изготовленъ рукою персидскаго писца, а мнѣ, кажется, что почеркъ его одинъ и

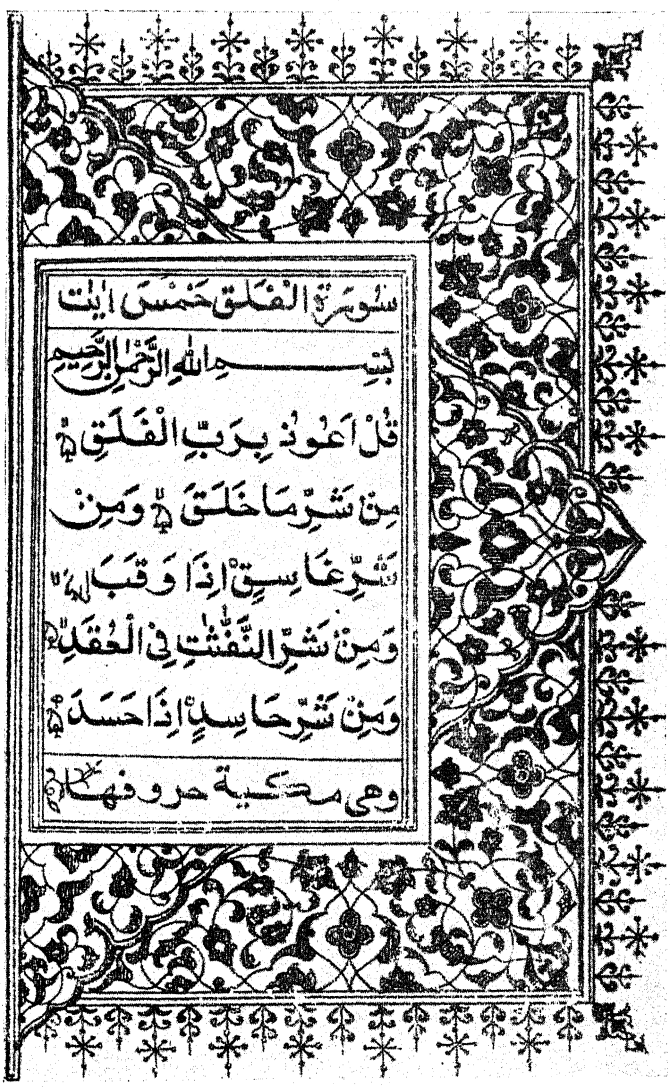
---

*) صدق الله العلى والعظيم وصدق رسوله النبى الكريم ونحن على ذالك من الشاهدين وانشاكرين والحمد لله رب العالمين ١١٦١

Это обращеніе заимствовано изъ традиціонной молитвы, произносимой по прочтеніи всего Корана (دعاى ختم قران). Молитва эта въ полномъ текстѣ печатается обыкновенно въ концѣ Корана. Русскій переводъ ея сдѣланъ г. Саблуковымъ въ его книгѣ „Свѣдѣнія о Коранѣ" (стр. 73—75).

тотъ же, что и предыдущаго экземпляра. Разница только въ размѣрѣ и въ отсутствіи персидскаго перевода арабскихъ выраженій текста.

Въ настоящее время, съ развитіемъ литографнаго и печатнаго искусства среди мусульманъ, рукописные экземпляры Корана встрѣчаются не такъ часто, какъ даже лѣтъ 30 тому назадъ, а особенно экземпляры, подобные только что описаннымъ. Каллиграфы встрѣчаются въ Средней Азіи и въ настоящее время, но они уже составляютъ кланъ промышленниковъ, занятыхъ изготовленіемъ списковъ того или другого текста для литографій. И въ письмѣ ихъ, очень красивомъ, встрѣчаются частые пропуски и ошибки, исправляемые послѣ на поляхъ. Таковъ, напримѣръ, литографированный Коранъ, изд. въ Ташкентѣ въ 1910 году. Изданіе это красиво по бумагѣ, почерку и



цвѣтнымъ узорамъ, но оно не можетъ идти въ сравненіе со списками, приготовленными ради „саваба“ (небесная награда), хотя бы и по приказанію лица, власть имѣющаго. То были писцы по благочестію, а не ремесленники, и въ ихъ спискахъ, писанныхъ неторопливо, а главное—съ благоговѣніемъ, или вовсе не встрѣчается описокъ и пропусковъ, или очень мало таковыхъ. Индустрія и въ Средней Азіи ослабила благочестіе, какъ это было въ Западной Европѣ и у насъ въ Россіи, сравнительно съ древними временами. Идеалы жизни постепенно утрачиваютъ первоначальный религіозный характеръ: на мѣсто религіозной простоты и нравственной чистоты выступаетъ житейская, бьющая въ глаза, роскошь съ ея отрицательнымъ вліяніемъ.

Поэтому теперь въ Средней Азіи рѣдко можно встрѣтить въ мечети, или при мазарѣ святого хорошій манускриптъ Корана: лучшіе старые экземпляры проданы, а новые некому и не для кого приготовлять. Цѣны за переписку какихъ бы ни было списковъ въ Ташкентѣ, напримѣръ, поднялись значительно, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, а главное—современные переписчики превратились въ обыкновенныхъ ремесленниковъ. И самое искусство письма и особенно раскрашиваніе св. текста и узорныхъ виньетокъ пало: вмѣстѣ съ порчей нравовъ понизился изящный вкусъ азіатскихъ художниковъ, какъ это замѣтно также и на другихъ производствахъ. Въ настоящее время не только нельзя встрѣтить въ азіатскомъ орнаментѣ своеобразной оригинальности, но и умѣнья, а главное—желанія воспроизводить древніе рисунки, требующіе вкуса, терпѣнія и вниманія. Для иллюстраціи своей мысли предлагаемъ здѣсь нѣсколько древнихъ виньетокъ, какими украшались древніе списки Корана въ XIV—XVIII в.в.

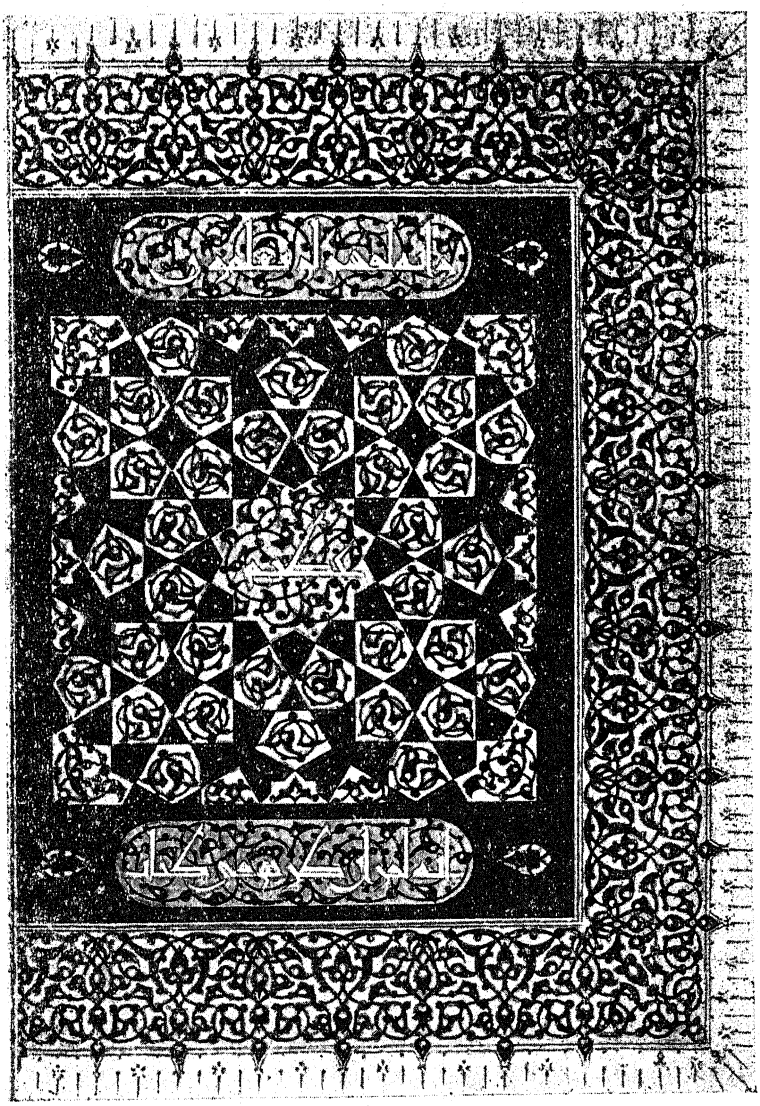
Въ дорогомъ французскомъ изданіи Авенна „L'Art arabe“ напечатаны въ краскахъ дивные образцы древняго арабскаго искусства, о которыхъ современные мусульманскіе художники едвали имѣютъ представленіе: современная каллиграфія, какъ и современное зодчество и другія искусства мусульманъ, далеко отстали отъ образцовъ, коегдѣ сохранившихся отъ временъ знаменитаго Тимура.

---

*) Въ Туркестанской мечети Хазретъ-Султана Ахмеда Яссави сохранились четыре рукописные Корана, изъ которыхъ одинъ, древняго письма, описанъ выше, на стр. 110. Но и эти экземпляры, не смотря на мѣсто своего сохраненія—при гробницѣ святого, отъ времени портятся и грязнятся, такъ какъ они подаются богомольцамъ для цѣлованія, а богомольцевъ, прибывающихъ къ этому мазару на поклоненіе могилѣ Хазретъ-Султана, бываетъ очень много. Особенно число богомольцевъ изъ разныхъ мѣстностей Туркестанскаго края увеличилось съ проведеніемъ до Оренбурга желѣзной дороги, соединившей гор. Туркестанъ съ Самаркандскою и Ферганскою областями.

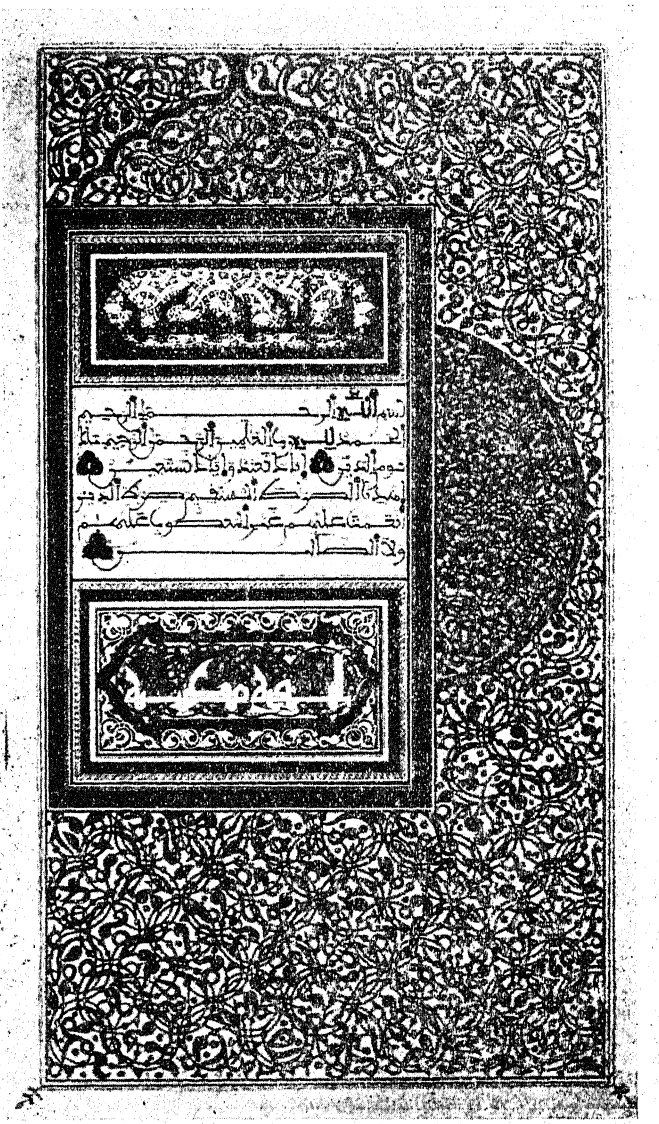
На прилагаемомъ рисункѣ изображенъ орнаментъ Корана XIV в., находящагося въ мечети Кейкунъ. Въ надписи, оттиснутой на рисункѣ, значатся слова Корана, гл. 56, ст. 75—76:

وانه لقسم لوتعلمون
عظيم
انه لقران كريم فى كتاب



На этомъ оттискѣ представлена первая сура Корана по Мавританскому списку XVIII вѣка.

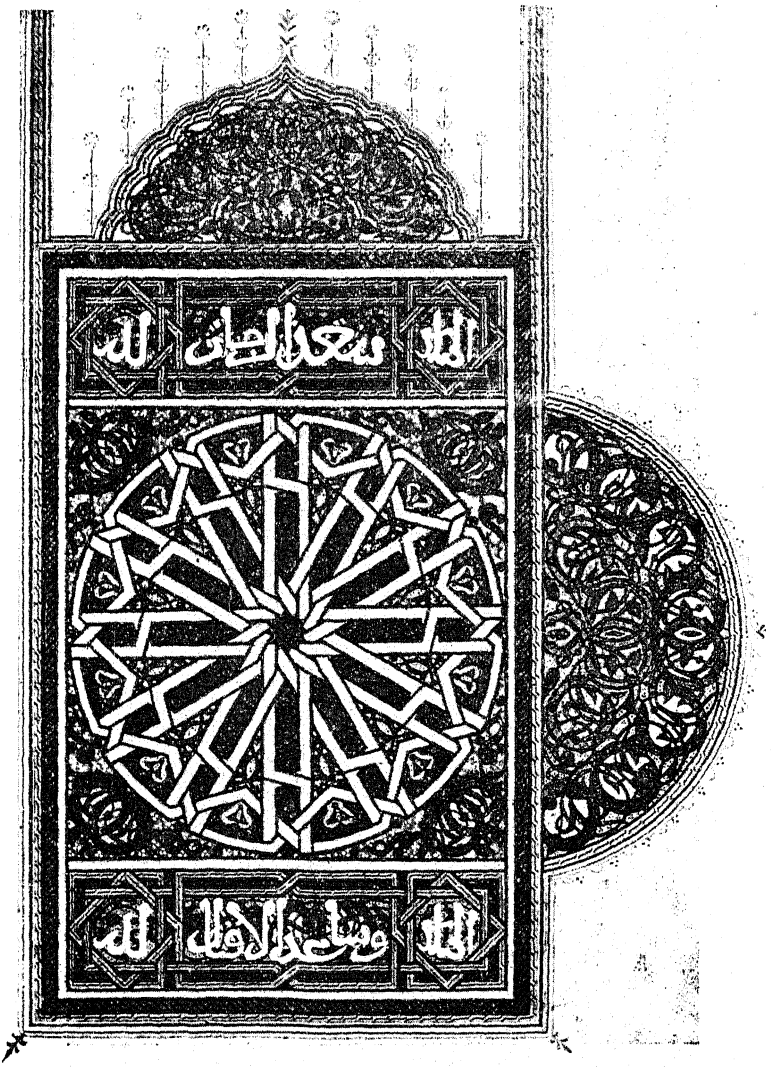
Рисунокъ уменьшенъ въ $2^1/_4$ раза противъ оригинала, хранящагося въ Каирѣ*).



*) Надъ сурой на верхней строкѣ значится: الفاتحة مكية
На нижней строкѣ: السورة مكية

Этотъ рисунокъ изображенъ на обложкѣ Мавританскаго списка Корана XVIII вѣка, образецъ письма котораго представленъ на предыдущемъ рисункѣ.

Подлинный рисунокъ раскрашенъ разноцвѣтными красками и позолотой. Размѣры рисунка уменьшены въ два раза*).



На верхней строкѣ рисунка значится: الملك سعد الزمان لله

На нижней строкѣ: الملك وساعد الاقبال لله

*) Этотъ и предыдущіе два снимка заимствованы изъ 3 тома французскаго изданія „L'Art arabe". (Paris, 1877).

На прилагаемомъ рисункѣ оттиснута начальная страница съ первой сурой (не закончена) Корана изъ великолѣпной рукописи, хранящейся въ Королевской Библіотекѣ въ Берлинѣ (Ms. orient. fol. 36).

Подлинникъ изящно раскрашенъ позолотой и разноцвѣтными красками, о чемъ цинкографія не даетъ понятія, близкаго къ дѣйствительности*).

*) Настоящее изображеніе (уменьш. въ 2½ раза) заимствовано изъ соч. „Исторія человѣчества. Всемірная исторія“. Подъ ред. Гельмольта. Томъ 3. С.-Петербургъ, 1904. Изд. Товарищества “Просвѣщеніе“.

8. Теорія отмѣненія — насхъ.

Изложенныя въ гл. 3 и 4 свѣдѣнія, касающіяся обнародованія отдѣльныхъ вдохновеній Мухаммеда и собранія ихъ въ одну книгу, съ неопровержимою очевидностью говорятъ за то, что въ Коранѣ нѣтъ ни внѣшняго, ни внутренняго порядка, вслѣдствіе чего чтеніе этой книги для не-мусульманина становится столь утомительнымъ, что даже любознательный читатель съ трудомъ можетъ довести чтеніе ея до конца, только по побужденію научнаго долга, какъ архивный матеріалъ, въ надеждѣ найти въ ней какія-либо данныя, проливающія свѣтъ на замѣчательнаго человѣка, какъ высказалъ Т. Карлейль*). Въ этомъ именно отношеніи Коранъ представляетъ собою своеобразный религіозно-законодательный кодексъ, въ которомъ на ряду съ многочисленными повтореніями насчитывается двѣсти двадцать пять (225) стиховъ, противорѣчащихъ одинъ другому. Для примиренія всѣхъ этихъ противорѣчій въ мусульманскомъ богословіи существуетъ „теорія отмѣненія“ („насхъ“), при помощи которой мусульмане еще первыхъ вѣковъ пытались примирить замѣченныя въ Коранѣ противорѣчія**), основываясь на буквальномъ смыслѣ словъ Корана: „Когда Мы (Богъ) отмѣняемъ какой-либо стихъ, или повелѣваемъ забыть его, тогда Мы даемъ другой, лучшій того, или равный ему“ ***).

Въ этомъ отношеніи первое мѣсто по важности занимаетъ ученіе о значеніи той или другой религіи въ дѣлѣ спасенія людей.

Во второй главѣ Корана, появившейся въ 622 г., по вступленіи Мухаммеда въ Медину (историки Корана признаютъ эту главу первою

*) Герои и героическое въ исторіи. Перев. съ англійскаго. С.-Петербургъ, 1891 г. Стр. 90—91.

**) Собиратели Корана заботились токько о томъ, чтобы внести въ свой сборникъ всѣ изрѣченія Мухаммеда, не думая при этомъ о послѣдствіяхъ такой чисто механическої работы. О наукѣ и научной критикѣ среди арабовъ, конечно, не могло быть и рѣчи въ то время, когда самый алфавитъ только еще входилъ въ употребленіе и состоялъ изъ неуклюжихъ буквъ, не имѣвшихъ надъ собой діакритическихъ точекъ и гласныхъ знаковъ. (См. оттискъ на стр. 107 и др.).

***) Коранъ, гл. 2, ст. 100.

„мединскою“ главой), обнародовано ученіе о зависимости спасенія человѣка отъ исповѣданія основныхъ догматовъ, имѣющихъ мѣсто въ каждой болѣе или менѣе развитой религіи, и отъ добрыхъ дѣлъ, одобряемыхъ также всякою религіей. Въ 59 ст. этой главы говорится: „Истинно: вѣрующимъ, христіанамъ, іудеямъ и сабеямъ,—тѣмъ, которые вѣруютъ въ Бога, въ послѣдній день и дѣлаютъ доброе,—награда у Господа ихъ; имъ не будетъ страха, и они не останутся въ печали“. Послѣднія слова этого стиха объявлены были Мухаммедомъ въ первый разъ еще въ Меккѣ, незадолго до бѣгства его въ Медину. Именно, въ 6-й главѣ Коранѣ, принадлежащей къ послѣднему (третьему) періоду Мухаммедовой дѣятельности въ Меккѣ, въ ст. 48 сказано: „Кто вѣровалъ имъ (посланникамъ) и дѣлалъ добрыя дѣла,—тѣмъ не было никакого страха, тѣмъ не было никакой печали“.

Мысль о томъ, что вѣра въ Бога и въ послѣдній день, а также—что добрыя дѣла составляютъ условіе спасенія человѣка, повторяется въ Коранѣ очень часто, особенно въ меккскихъ главахъ, и стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ другимъ ученіемъ Корана о зависимости спасенія человѣка исключительно „отъ исповѣданія ислама“. Но въ 3-й главѣ, относимой историками Корана къ 3-му году Мухаммедовой жизни въ Мединѣ, въ 17 стихѣ положительно сказано, что религія Аллаха есть „исламъ“, а въ стихѣ 79-мъ той же главы подтверждено: „кто слѣдуетъ другому какому-либо вѣроуставу, „а не исламу“, въ томъ нѣтъ ничего угоднаго Богу; въ будущей жизни онъ будетъ въ числѣ несчастныхъ“. Въ 5-й главѣ, относимой къ послѣднему году Мухаммедовой жизни на землѣ, въ стихѣ 5-мъ, отъ имени Бога объявлено: „сегодня Я завершилъ для васъ вѣроуставъ вашъ, въ полнотѣ проявилъ мое благодѣяніе вамъ: Я благоизволилъ поставить вѣроуставомъ для васъ исламъ“. Очевидно, 73-й стихъ этой же главы, въ которомъ говорится, что вѣрующимъ, іудействующимъ, сабеямъ и назарянамъ не будетъ ни страха, ни печали,—вставленъ редакторами Корана въ пятую главу по недосмотру, потому что онъ находится въ полномъ противорѣчіи не только съ выше приведеннымъ 5-мъ стихомъ, но и со многими другими стихами пятой главы, направленными противъ іудеевъ и христіанъ. Пятая глава Корана, какъ послѣдняя по времени обнародованія, проникнута „нетерпимостью“ къ іудеямъ и христіанамъ*).

Въ связи съ ученіемъ объ исламѣ стоитъ ученіе о посланникахъ (пророкахъ), взглядъ на которыхъ подвергался также колебаніямъ и привелъ Мухаммеда къ противорѣчію. Исходя изъ той мысли, что религія Божія всегда была одна и та же, Мухаммедъ училъ, что въ

*) См. стихи 17, 18, 21, 56, 65, 76—77, 116—117.

разное время Богъ посылалъ къ разнымъ народамъ избранныхъ изъ ихъ же среды мужей (пророковъ), которые и возвѣщали соотечественникамъ божественный законъ и истинный путь ко спасенію: „Прежде тебя (Мухаммеда) Мы посылали посланниковъ... На каждое опредѣленное время было свое писаніе*). Не было ни одного народа, у котораго не было бы проповѣдника**), и каждый посланникъ говорилъ на языкѣ своего народа для того, чтобы говорить понятно имъ***). Главная задача посланниковъ Божіихъ состояла въ томъ, чтобы вѣрно передать соотечественникамъ законъ Божій—вѣроученіе ислама****). Такъ были посылаемы: Ной, Гудъ, Салихъ, Лотъ, Авраамъ, Моисей, Ааронъ, Шуаибъ, Исмаилъ, Исаакъ, Іаковъ, Іона, Давидъ, Соломонъ, Іисусъ и наконецъ Мухаммедъ*****). Всѣ эти посланники проповѣдывали одну и ту же религію: у нихъ было одно и то же писаніе. „Скажи: мы вѣруемъ въ Бога и въ то, что свыше ниспослано намъ; въ то, что было ниспослано Аврааму, Исмаилу, Исааку, Іакову и колѣнамъ его; въ то, что дано было Моисею, Іисусу и пророкамъ отъ Господа ихъ: мы не дѣлаемъ различія между ними“ ******). При такомъ взглядѣ на единство и преемство откровеній Божіихъ не могло быть мѣста въ Коранѣ для „теоріи отмѣненія“: многочисленные*******) посланники, которыхъ Богъ въ разное время воздвигалъ среди разныхъ народовъ, только напоминали своимъ соотечественникамъ и разъясняли единую волю Божію—истинное богопочитаніе, единый исламъ********). Не было ни одного народа, у котораго не было бы своего проповѣдника вѣры (гл. 35, ст. 22); и въ послѣдній день суда эти проповѣдники будутъ свидѣтельствовать противъ своихъ невѣровавшихъ соотечественниковъ (гл. 16, стр. 91). И Мухаммедъ, хотя и мало освѣдомленный относительно древнихъ еврейскихъ пророковъ, старался подражать имъ въ своей жизни и проповѣднической дѣятельности, а въ постигавшихъ его неудачахъ и огорченіяхъ утѣшалъ себя примѣрами изъ жизни своихъ предшественниковъ, которыхъ такъ же оскорбляли, преслѣдовали и даже убивали*********).

---

*) Коранъ, гл. 13, ст. 38. Это изрѣченіе вложено М. Горькимъ въ уста татарина („На днѣ“) и послужили поводомъ къ полемикѣ Рус. Богатства съ Міромъ Божіимъ.

**) Гл. 35, ст. 22.

***) Гл. 14, ст. 4.

****) Гл. 24, ст. 53. См. параллельныя мѣста.

*****) Въ Коранѣ названы далеко не всѣ пророки, упоминаемые въ Библіи.

******) Гл. 3, ст. 78.

*******) По преданію, всѣхъ пророковъ было 124 тысячи и даже болѣе.

********) Гл. 29, ст. 19, ст. 2, ст. 130 и 285, гл. 4, ст. 135—151.

*********) Кромѣ І. Христа, смерть котораго отрицается въ Коранѣ (гл. 4, ст. 156).

Проповѣдуя такое ученіе, Мухаммедъ надѣялся, что его безъ труда признаютъ истиннымъ пророкомъ Божіимъ не только арабы, но іудеи и христіане; однако онъ ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Тогда, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, онъ объявилъ отъ имени Божія, что христіане и іудеи забыли нѣкоторыя откровенія Божія, а нѣкоторыя умышленно исказили*) и потому онъ считалъ себя обязаннымъ поучать истинной вѣрѣ не только арабовъ, но и христіанъ, и іудеевъ, говоря: „Знающіе писаніе! Къ вамъ пришелъ посланникъ Нашъ; онъ ясно укажетъ вамъ многое изъ того, что скрыли вы изъ писанія, и „отмѣнитъ“ многое“ **).

Такимъ образомъ, Мухаммедъ изъ „посланника арабовъ“ постепенно превратился во „всемірнаго“ проповѣдника и притомъ въ „послѣдняго“ и совершеннѣйшаго пророка. Въ этомъ смыслѣ онъ называется въ Коранѣ „печатью пророковъ“ ***). Вотъ въ какихъ выраженіяхъ новѣйшій апологетъ ислама****) высказываетъ свою мысль о превосходствѣ Мухаммеда предъ другими пророками и о законченности его миссіи: „Преимущество Мухаммеда надъ другими пророками, мудрецами и философами другихъ странъ состоитъ въ неоспоримомъ фактѣ, что трудъ его увѣнчался успѣхомъ при его жизни. Іисусъ, Моисей, Зороастръ, Сакьямуни, Платонъ—всѣ имѣли свои понятія о царствѣ Божіемъ, о республикахъ, свои идеи, долженствовавшія возвысить униженное человѣчество къ нравственной жизни. Всѣ они оставили этотъ міръ, не увидѣвъ исполненія своихъ свѣтлыхъ стремленій, или поручили обязанность возвышенія своихъ собратій кровожаднымъ ученикамъ, или царственнымъ ученикамъ*****). Мухаммеду было назначено исполнить какъ свою миссію, такъ и миссію своихъ предшественниковъ. Ему одному было дано увидѣть исполненіе своего преобразовательнаго труда: никакой царственный ученикъ не пришелъ къ нему на помощь (съ) указомъ о насильственномъ навязываніи новаго ученія“... „Когда народы Аравіи собрались для присоединенія къ его вѣрѣ, Мухаммедъ почувствовалъ, что задача его исполнена“. (Коранъ, гл. 110)... „Смиренный проповѣдникъ возвысился до управленія Аравіей, сравнялся съ Хозревомъ и Кесаремъ и сдѣлался распорядителемъ судьбы народовъ“... (Стр. 245, 247 и 254).

---

*) Гл. 5, ст. 17—49 и им. др.

**) Гл. 5, ст. 18.

***) Гл. 33, ст. 40.

****) Ученый индійскій мусульманинъ Миръ-Али (какъ сообщаетъ г. Гаспринскій), издавшій въ 1902 г. въ Берлинѣ русскій переводъ своей книги „Жизнь и ученіе Мухаммеда или духъ ислама“ (стр. 1—437).

*****) Миръ-Али подразумѣваетъ въ этомъ случаѣ: евр. пророка Іосію, Асоку буддистовъ, Дарія—послѣдователей Зороастра и Константина Великаго.

Нѣтъ нужды опровергать всѣ эти ходульныя фразы, показывающія только, что каждый послѣдователь религіи старается защитить ее отъ возраженій противниковъ. Изъ исторіи извѣстно, во первыхъ, что халифы и ихъ полководцы не стѣснялись въ средствахъ распространенія и насажденія ислама среди иновѣрцевъ не только Европы, но и Азіи, по буквальной заповѣди Корана—воевать съ кяфирами (см. исторію ислама). Для насъ пока достаточно сказать, что Мухаммедъ еще при жизни своей поставить свою скромную личность народнаго (неученаго) проповѣдника рядомъ съ именемъ Аллаха*), и тѣмъ не менѣе мусульманамъ предписывается соблюдать вѣру не только въ Коранъ, но и въ тѣ писанія, которыя Богъ послалъ прежде (гл. 4, ст. 135). Іудеевъ, къ которымъ Мухаммедъ сначала относился съ терпимостью, потому что хотѣлъ привлечь ихъ на свою сторону, и христіанъ, которыхъ прежде даже одобрялъ за кротость и любовь къ ближнимъ, онъ сталъ теперь считать опасными людьми, съ которыми не слѣдовало дружить**).

Одновременно съ новымъ взглядомъ на себя, какъ на всемірнаго и послѣдняго пророка, Мухаммедъ измѣнилъ взглядъ и на на способъ распространенія вѣры-ислама среди народовъ, признававшихъ древнія религіи. Въ первые годы проповѣднической дѣятельности Мухаммеда въ Меккѣ, у него не было еще значительнаго числа приверженцевъ, и онъ чувствовалъ себя безсильнымъ противъ своихъ враговъ; поэтому онъ говорилъ, что посланъ только проповѣдывать и предостерегать. Такъ въ 17 гл. (ст. 106), относимой къ меккскимъ главамъ 2-го періода, Богъ говоритъ Мухаммеду: „Мы послали тебя проповѣдывать и предостерегать". Въ 28 стихѣ 18-й (меккской) главы Богъ говоритъ Мухаммеду: „Скажи: истина отъ Господа вашего; кто хочетъ, увѣруетъ; кто хочетъ, будетъ невѣрнымъ". Въ согласіи съ такимъ взглядомъ на распространеніе ислама, въ 88-й главѣ Корана Мухаммеду заповѣдано: „Учи ихъ" (ст. 21—22). Въ гл. 50 заповѣдуется не принуждать невѣрныхъ (ст. 44). Въ гл. 10-й, появившейся въ послѣдніе годы жизни Мухаммеда въ Меккѣ, Богъ спрашиваетъ (ст. 99—100) Мухаммеда: „Принудишь ли ты людей силою быть мусульманами? И отвѣчаетъ: „ни одна душа не можетъ увѣровать безъ соизволенія Божія". Въ 16-й главѣ, относимой также къ послѣднему меккскому періоду, Богъ повелѣваетъ Мухаммеду: „Призывай на путь Господа твоего мудрыми, добрыми наставленіями и веди съ ними споры о томъ, что добро. Будь терпѣливъ" (ст. 126). Въ 29-й главѣ (также меккской) Мухаммеду было предписано Богомъ вступать съ іудеями и

*) Гл. 24, ст 62 и др.

**) Гл. 5, ст. 56; гл. 9, ст. 23. См. сл. „Невѣрный" въ Указателѣ къ Корану.

христіанами въ споры только о томъ, что есть лучшаго и говоритъ: „мы вѣруемъ въ то, что свыше ниспослано намъ и что ниспослано вамъ; Богъ вашъ и Богъ нашъ—единъ“ (ст. 45).

Такъ, дѣйствительно, Мухаммедъ и поступалъ, пока жилъ въ Меккѣ, гдѣ не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ. Многіе стихи Корана этого времени дышатъ кротостью и терпимостью. Даже въ Мединѣ, въ первое время онъ высказывалъ тотъ же взглядъ, что исламъ нужно распространять силою убѣжденія, а не принужденіемъ: въ религіи не должно быть принужденія (гл. 2, ст. 257). Столкнувшись здѣсь съ іудеями и христіанами, Мухаммедъ, чтобы склонить ихъ на свою сторону, соглашался на уступки, подобно тому, какъ уступалъ раньше арабамъ язычникамъ*). Но всѣ такія уступки не приводили къ желательными результатамъ, а время шло и требовало рѣшительныхъ мѣръ, особенно послѣ Оходской битвы; поэтому онъ объявилъ отъ имени Божія открытую войну за вѣру, пока остаются на землѣ другія вѣры, кромѣ ислама. Возбужденіе къ войнѣ сначала съ невѣрующими арабами, а затѣмъ уже съ іудеями и христіанами постоянно, въ продолженіе всего мединскаго періода его жизни (622—632), озабочивало Мухаммеда и было естественно въ его положеніи: новому вѣроученію (исламу) угрожала серьезная опасность со стороны его враговъ; необходимо было уничтожить этихъ враговъ, чтобы всѣхъ арабовъ сдѣлать вѣрующими въ исламъ и послѣдователями Корана. Въ средствахъ выбора не было: кроткихъ увѣщаній арабы не слушали, угрозъ и обличеній не страшились: оставалсѕ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, чтобы самому избѣжать насилія со стороны враговъ. Особенно были опасны для Мухаммеда нѣкоторыя арабскія племена и іудеи, занимавшіе въ разныхъ мѣстностяхъ Аравіи цѣлые города и селенія; арабскіе христіане были не страшны для ислама вслѣдствіе своей малочисленности и кротости. Въ тоже время у Мухаммеда начало развиваться и чувство личнаго властолюбія, искусно прикрываемое высокимъ призваніемъ національнаго арабскаго пророка... Такимъ образомъ появились въ Коранѣ совершенно новыя предписанія о войнѣ съ невѣрными, стоящія въ явномъ противорѣчіи съ первоначальнымъ взглядомъ Мухаммеда на способъ распространенія ислама. Эти новыя предписанія, касающіяся открытой войны съ невѣрными, обнародованы Мухаммедомъ во 2-й, 8, 9 и др. главахъ Корана.

*) Въ Меккѣ Мухаммедъ оставилъ неприкосновенными Каабу и обряды хаджа, а въ Мединѣ, въ подражаніе іудеямъ и христіанамъ, установилъ постъ и допускалъ сначала обращеніе лица къ іерусалимскому храму во время молитвы. (См. подробно въ Миссіонерскомъ противомусульманскомъ сборникѣ. вып. VII—VIII).

На войну съ невѣрными („джигитъ, газаватъ") послѣдователи Корана всегда смотрѣли и до сихъ поръ смотрятъ, какъ на „священную войну". Правила веденія этой войны подробно изложены въ мусульманскомъ законовѣдѣніи (шаріатъ, агкаидъ) и изучаются въ мусульманскихъ школахъ; къ этому ученію послѣдователи ислама обращаются каждый разъ, когда имъ предстоитъ вооруженное столкновеніе съ иновѣрцами. Исторія Турціи, Кавказа, Туркестана, Афганистана, Египта, Алжира, Индіи полна примѣрами, доказывающими высказанную мысль*). При этомъ особенное вниманіе обращаетъ на себя тотъ фактъ, что не только самостоятельныя мусульманскія государства пользовались этимъ ученіемъ, но и тѣ послѣдователи ислама, которыя утратили свою политическую независимость и находятся въ подчиненіи у христіанскихъ народовъ**). Но новѣйшіе защитники Корана усиленно стараются доказывать, что проповѣданная въ Коранѣ война за вѣру имѣла „оборонительный" характеръ, а не наступательный. „Исламъ взялся за мечъ для самозащиты и всегда будетъ держать его для этой цѣли, но „никогда" (!) не вмѣшивался въ догматы какой-либо нравственной религіи, никогда не преслѣдовалъ и никогда не устанавливалъ инквизиціи. Онъ никогда не прибѣгалъ къ костру, или колесу, чтобы заглушить различіе мнѣній, или подавить человѣческую совѣсть, или уничтожить ересь", говоритъ Миръ-Али***), очевидно, упустилъ изъ вида главную задачу своей апологіи: дѣло не въ инквизиціи и не въ Крестовыхъ походахъ, а въ принципахъ Евангелія и Корана. Сравненіе судьбы учредителя христіанства и законодателя ислама, изложенное на стр. 345—348 книги Миръ-Али, отличается искусственными натяжками, въ чемъ не было надобности, такъ какъ І. Христосъ проповѣдывалъ царство небесное и совсѣмъ не стремился къ земной власти, а Мухаммедъ ставилъ свою земную власть условіемъ спасенія людей (Коранъ, 24, 26).

Противодѣйствіе іудеевъ и христіанъ вѣроученію Мухаммеда, которое онъ считалъ тождественнымъ съ вѣроученіемъ древнихъ пророковъ, привело основателя ислама къ новой мысли—объ искаженіи

*) Ср. Войны Турціи съ Россіей и послѣднюю войну съ Италіей.

**) Разумѣются мусульманскія возстанія въ разныхъ странахъ см. главу Х въ соч. П. Ѳ. Дубровина „Исторія Крымской войны и обороны Севастополя". Томъ І. (С.-Петербургъ, 1900) и описаніе Андижанскаго возстанія въ 1898 г.

***) Жизнь и ученіе Мухаммеда или духъ ислама. Томъ І, стр. 361 и 362 и вся глава XII. Но авторъ умалчиваетъ объ отношеніяхъ мусул. правителей къ вѣроотступникамъ и къ иновѣрцамъ: первыхъ побивали камнями, а послѣднихъ разными стѣсненіями принуждали къ принятію ислама (Гиргасъ). Авторъ умалчиваетъ также о звѣрствахъ турокъ по отношенію къ балканскимъ христіанамъ и къ грекамъ даже въ XIX и XX стол., когда турки стали считать себя уже образованнымъ народомъ и ввели даже конституцію.

іудеями и христіанами своихъ священныхъ книгъ. Мухаммедъ, какъ будто, разсуждалъ такимъ образомъ: проповѣдуемое имъ ученіе должно быть сходно съ ученіемъ св. книгъ іудеевъ и христіанъ, которые должны найти указанія на него въ своихъ св. книгахъ и признать его (Мухаммеда) истиннымъ пророкомъ; но такъ какъ іудеи, а потомъ и христіане не признали его обѣщаннымъ имъ Утѣшителемъ, то Мухаммедъ объявилъ, что въ св. книгахъ іудеевъ и христіанъ есть искаженія, или они забыли часть Божіихъ откровеній (ср. гл. 2, ст. 72—73; гл. 3, ст. 72). Въ 5-й главѣ Корана самъ Богъ представляется обличающимъ іудеевъ и христіанъ за искаженіе св. книгъ: „Знающіе писанія! Къ вамъ пришелъ посланникъ Нашъ (т. е. Мухаммедъ); онъ ясно укажетъ вамъ многое изъ того, что скрыли вы изъ писанія, и „отмѣнитъ“ многое“ (ст. 18).

Изложенныя и другія противорѣчія Корана подрывали вѣру въ авторитетъ Корана, какъ слова Божія не только по мысли, но и по буквѣ, какъ вѣроустава, происшедшаго всецѣло отъ Бога. Въ самомъ Коранѣ (4 гл., 84 ст.) говорится: „Не разсматривали ли они внимательно Корана? Если бы онъ былъ не отъ Бога, то навѣрное нашли бы въ немъ множество противорѣчій“. Стихъ этотъ, по надписанію главы, относится къ мединскимъ; но, вѣроятно, онъ происхожденія меккскаго, потому что противорѣчія въ Коранѣ стали появляться уже въ Мединѣ, когда Мухаммедъ началъ измѣнять свои первоначальные взгляды на религіозные и общественные порядки. Но гдѣ бы не явился этотъ стихъ, въ данномъ случаѣ важно то, что Мухаммедъ, считая отсутствіе противорѣчій однимъ изъ доказательствъ божественнаго происхожденія Корана, оказался еще на первыхъ порахъ своей жизни въ Мединѣ въ неловкомъ положеніи отъ сознанія, что въ Коранѣ начали замѣчаться противорѣчія, на которыя уже стали обращать вниманіе невѣрующіе въ Мухаммеда іудеи и старались подрывать вѣру въ авторитетъ Корана. Тогда-то Мухаммедъ и нашелся вынужденнымъ объявить въ Коранѣ, что видимыя противорѣчія Корана въ нѣкоторыхъ стихахъ не суть противорѣчія въ собственномъ смыслѣ, а только замѣна однихъ стиховъ другими, лучшими. Въ 16 гл. 103 ст. говорится: „Когда Мы „замѣняемъ“ одинъ стихъ Корана другимъ (Богъ лучше знаетъ, что Онъ открылъ), то невѣрующіе говорятъ: это ты выдумываешь самъ... Нѣтъ! Большая часть ихъ не знаютъ этого“. Во 2 гл. 100 ст. говорится также: „Мы „не отмѣнимъ“ ни одного стиха этой книги и ни одному стиху не позволимъ уничтожиться въ твоей памяти, „не замѣнивъ“ его другимъ лучшимъ, или равнымъ ему“. „Богъ, что захочетъ, то уничтожаетъ или сохраняетъ. Мать книгъ (т. е. небесный первотекстъ Корана) находится въ Его рукахъ“,—говорится въ 13 гл. 39 стихѣ.

Такъ защищалъ себя Мухаммедъ отъ высказываемыхъ его врагами укоризнъ и отъ подозрѣнія въ обманѣ: „Не можетъ быть, чтобы пророкъ обманывалъ“... говорится въ 3-й гл. 155 ст. Корана.

Но, очевидно, такая защита Мухаммеда не убѣждала его враговъ. Особенно по смерти его, въ исламѣ выступили враждебныя одна другой религіозныя партіи, которыя старались не только укорять и обличать одна другую въ неправотѣ мнѣній, но и подрывать авторитетъ самаго ислама. Однимъ изъ поводовъ къ такому возраженію противъ ислама служили противорѣчивыя мѣста въ Коранѣ. Тогда правовѣрная партія озаботилась не только утвердить главныя положенія ислама, но и защитить недостатки Мухаммеда и Корана.

На основаніи приведенныхъ стиховъ Корана, въ которыхъ говорится, что самъ Богъ „замѣняетъ“ одинъ стихъ Корана другимъ, мухаммеданскіе правовѣрные богословы составили особую теорію о такъ называемомъ „насхѣ“, т. е. объ „отмѣненіи“ однихъ стиховъ Корана и замѣнѣ ихъ другими. Этою теоріей мусульманскіе ученые старались убѣдить если не своихъ противниковъ, то по крайней мѣрѣ самихъ себя въ томъ, что въ Коранѣ нѣтъ противорѣчій, которыя бы оставались неустранимыми. Теорія эта имѣетъ цѣлью прикрыть недостатки Корана, примирить противорѣчія въ его ученіи какимъ бы то ни было образомъ и успокоить религіозное сознаніе вѣрующихъ мусульманъ. Чтобы должнымъ образомъ объяснять Коранъ, необходимо, по этой теоріи, знать стихи отмѣняющіе („насыхъ“) и стихи отмѣненные („мансухъ“), какъ указалъ на это еще Алій, осудившій въ свое время Абдуррахмана, ученика Абу-Мусы-Аш'ари, за то, что при объясненіи Корана Абдуррахманъ не принималъ въ соображеніе „насыха и мансуха“. Мнѣніе свое мусульманскіе богословы подкрѣпляютъ уже извѣстнымъ намъ стихомъ Корана (2, 100) и на основаніи этого стиха заключаютъ, что нѣкоторыя положенія Корана отмѣнены другими, что въ замѣнъ однихъ религіозныхъ установленій въ религіозной практикѣ ислама получили силу другіе порядки. Такъ, напримѣръ, во время Адама было позволено его сыновьямъ жениться на своихъ родныхъ сестрахъ, но послѣ, при Моисеѣ, это разрѣшеніе было отмѣнено и при Мухаммедѣ подтверждено.

По „теоріи отмѣненія“, изложенной въ краткомъ видѣ въ трактатѣ Джалаледдина Ас-Суюти*), отмѣняются; 1) одна св. книга другою; 2) одно преданіе другимъ преданіемъ; 3) отмѣненіе преданія св. книгой и 4) отмѣненіе св книги преданіемъ.

---

*) كتاب فى معرفة الناسخ والمنسوخ. Напечатано въ Тафсирѣ Абдаллы бенъ-Аббаса (Миеръ, 1316). Есть и отдѣльное изданіе.

Отмѣняемое же бываетъ трехъ родовъ.

1) Когда легкое предписаніе замѣняется болѣе труднымъ, напримѣръ: сначала за прелюбодѣяніе назначалось тюремное заключеніе, пожизненное или временное, а потомъ за это преступленіе было назначено тѣлесное наказаніе плетью и даже побіеніе камнями.

2) Когда тяжелое постановленіе замѣнялось болѣе легкимъ, напримѣръ: во время первыхъ воинъ ислама каждый мусульманинъ не долженъ былъ бѣжать съ поля сраженія отъ десяти враговъ, нападавшихъ на него, а впослѣдствіи мусульманамъ запрещалось бѣжать уже не отъ десяти, а отъ двухъ только враговъ.

3) Когда одно постановленіе отмѣнялось другимъ, равнымъ по значенію, напримѣръ: въ первые годы мединской жизни Мухаммедъ, чтобы угодить іудеямъ, предписалъ своимъ послѣдователямъ обращаться лицомъ во время молитвы къ Іерусалимскому храму, а потомъ вмѣсто Іерусалимскаго храма было указано мусульманамъ обращаться во время молитвы къ языческому храму арабовъ—Меккской Каабѣ (Коранъ, 2, 136—145).

Въ 43 главахъ Корана нѣтъ отмѣняющихъ и отмѣненныхъ стиховъ, въ шести главахъ есть только отмѣняющіе стихи, въ 40 главахъ встрѣчаются только отмѣненные стихи и въ 25 главахъ содержатся отмѣняющіе и отмѣненные стихи*).

При отмѣненіи стиховъ Корана отмѣняются: 1) текстъ, чтеніе и смыслъ стиховъ Корана; 2) отмѣняются текстъ и чтеніе стиха, но остается его смыслъ; 3) отмѣняется смыслъ, но остаются текстъ и чтеніе стиха.

Примѣромъ полнаго отмѣненія служитъ отмѣненіе цѣлой главы Корана, изъ которой преданіе сохранило только одинъ стихъ, читавшійся такъ: „Если бы сынъ человѣческій имѣлъ двѣ долины золота, то непремѣнно пожелалъ бы третьей, а если бы имѣлъ три долины золота, то пожелалъ бы четвертой". Точно

*) Главы Корана, въ которыхъ нѣтъ отмѣняющихъ и отмѣненныхъ стиховъ, слѣдующія: 1, 12, 36, 49, 55, 57, 61, 62, 66, 67, 69, 71, 72, 77, 78, 79, 82, 83, 84, 85, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 104, 106, 107, 108, 110, 111, 112, 113, 114.

Шесть главъ Корана, въ которыхъ есть стихи отмѣняющіе, но нѣтъ отмѣненныхъ, слѣдующія: 48, 59, 63, 64, 65, 87.

Сорокъ главъ, въ которыхъ есть только отмѣненные стихи, слѣдующія: 6, 7, 10, 11, 13, 15, 16, 17, 18, 20, 23, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 35, 37, 38, 39, 41, 43, 44, 45, 46, 47, 50, 53, 54, 60, 68, 70, 75, 76, 80, 86, 88, 95, 109.

Главы Корана, въ которыхъ содержатся отмѣняющіе и отмѣненные стихи: 2, 3, 4, 5, 8, 9, 14, 19, 21, 22, 24, 25, 26, 33, 34, 40, 42, 51, 52, 56, 58, 73, 74, 81, 103.

также извѣстно изъ преданія, что Ибнъ-Мас'удъ заучилъ со словъ Мухаммеда главу Корана и, пришедши домой, записалъ ее. Но на утро Ибнъ-Мас'удъ не могъ припомнить этой главы, хотя съ вечера и зналъ ее наизусть. Поэтому онъ обратился къ своей записи, на которой была записана названная глава, и къ своему удивленію замѣтилъ, что написанное вчера было совершенно изглажено. Тогда онъ обратился къ Мухаммеду и разсказалъ ему о случившемся. Мухаммедъ отвѣчалъ, что эта глава вчера же была взята обратно на небо. Так. обр., глава эта отмѣнена и по чтенію и по буквѣ, и по смыслу.

Примѣромъ отмѣненія текста и чтенія, но не смысла служитъ стихъ, не находящійся теперь въ Коранѣ, но читавшійся такъ: „Если мужчина и женщина впадутъ въ прелюбодѣяніе, то побивайте ихъ обоихъ камнями. Таково наказаніе отъ Бога, потому что Богъ всесиленъ и премудръ". Этотъ стихъ былъ извѣстенъ при Омарѣ, который ввелъ его въ законъ, но не внесъ въ Коранъ**).

Наконецъ, примѣромъ отмѣненія смысла, но не текста служитъ гл. 9, стихъ 5: „По окончаніи священныхъ мѣсяцевъ, убивайте многобожниковъ вездѣ, гдѣ найдете ихъ, берите ихъ въ плѣнъ, подкарауливайте ихъ во всякой засадѣ. Но если они обратятся, если станутъ совершать молитву и подавать милостыню, то оставьте ихъ въ покоѣ, потому что Богъ терпѣливъ и милосердъ". Этотъ стихъ имѣетъ у мусульманъ особое значеніе, какъ отмѣнившій многіе стихи Корана, и носитъ даже особе названіе „Стихъ меча", подобно тому, какъ 256 стихъ 2-й главы извѣстенъ подъ именемъ „Стихъ Престола Божія". „Стихъ меча" отмѣняетъ: а) 2 гл. 186—187 ст., въ которыхъ заповѣдуется Мухаммеду сдержанность во время войны; б) 257 ст. той же главы, гдѣ говорится, что въ религіи нѣтъ принужденія; в) гл. 6, ст. 108, гдѣ запрещается Мухаммеду раздражать язычниковъ поношеніемъ ихъ боговъ; г) гл. 18, ст. 28, гдѣ вѣра и невѣріе предоставлены на волю каждаго человѣка и д) наконецъ всѣ тѣ стихи, въ которыхъ заповѣдуется Мухаммеду только предлагать свое ученіе (42, 47), терпѣливо переносить возраженія и насмѣшки невѣрующихъ (20, 130), опровергать ихъ съ кротостью (41, 34; 16, 126; 23, 98; 29, 45), приглашать къ принятію ислама ласкою и вообще держать себя, какъ прилично проповѣднику (35, 21—23), а не какъ полицейскому чиновнику (42, 4; 6, 104—107, и предоставлять всѣ дѣла невѣрующихъ суду Божію (95, 8; 22, 67—68).

Теорія отмѣненія прилагается и къ ученію Корана о священныхъ книгахъ іудеевъ и христіанъ, въ такомъ смыслѣ: каждый послѣ-

*) См. Свѣдѣнія о Коранѣ, стр. 138 и 335.

дующій пророкъ даннымъ ему отъ Бога закономъ отмѣняетъ законъ предшественника. А такъ какъ Мухаммедъ есть послѣдній пророкъ, „печать пророковъ", то и данная ему книга „Коранъ" отмѣняетъ собою всѣ священныя книги бывшихъ прежде него пророковъ. Это отмѣненіе простирается не только на текстъ и чтеніе, но и на самый смыслъ, и такимъ образомъ осуждаетъ священныя книги евреевъ и христіанъ на совершенное забвеніе. Между тѣмъ въ гл. 5, ст. 47—48 сказано, что въ Законѣ Моисея заключается судъ Бога, что въ немъ правота и свѣтъ. Подобно этому, въ ст. 50—51 сказано, что въ Евангеліи—правота и свѣтъ, подтверждающіе то, что было въ Законѣ Моисея—руководство и ученіе для богобоязливыхъ. Которые не судятъ по Закону и Евангелію, въ Коранѣ названы нечестивыми (ст. 49—51). Если же признать, что въ Коранѣ ничего не опущено (6, 38 и 59), и что Коранъ—истолкованіе всѣмъ вещамъ (12, 111; 16, 91), то какъ согласить съ этимъ заявленіе о невозможности записать все, что о нѣкоторыхъ пророкахъ не разсказано въ Коранѣ (4, 162; 40, 78; 18, 109; 31, 26).

Слабая сторона теоріи отмѣненія состоитъ въ томъ, что вопреки ея положенію о замѣнѣ одного стиха другимъ лучшимъ, оказывается иногда, что отмѣняющій стихъ хуже отмѣняемаго. Сначала Мухаммедъ распространялъ свое ученіе только убѣжденіемъ съ кротостью и утверждалъ въ Коранѣ, что этотъ именно способъ и есть лучшій, заповѣданный Богомъ, а потомъ сталъ утверждать, что Богъ открылъ ему новый способъ распространенія своей вѣры посредствомъ войны; но между тѣмъ самъ же Мухаммедъ объявлялъ ранѣе, что насильно никого не должно принуждать къ вѣрѣ: „Если бы было угодно Господу твоему—говорится въ Коранѣ,—то всѣ вообще обитатели земли увѣровали бы въ тебя. И принудишь ли ты людей насильно вѣровать? Никто не можетъ вѣровать безъ соизволенія Божія" (10, 99—100). По смыслу приведенныхъ стиховъ Корана, насильственныя средства не могутъ служить къ распространенію вѣры (50, 44). Значитъ, они не надежны:

Иногда изъ теоріи отмѣненія получаются странныя заключенія. Изъ положенія о болѣе высокомъ достоинствѣ отмѣняющаго стиха не слѣдуетъ, очевидно, того, чтобы отмѣненный стихъ не имѣлъ никакого достоинства. Какъ откровеніе Божіе, и отмѣненный стихъ долженъ быть, по крайней мѣрѣ, для извѣстнаго времени хорошъ, какъ думаютъ объ этомъ и мусульмане. Прилагая же эти соображенія къ вопросу о спасеніи человѣка вѣрою и добрыми дѣлами, какъ объ этомъ говорится въ Коранѣ, мы получимъ несообразное заключеніе, именно, что откровеніе Божіе не имѣетъ приличествующаго ему достоинства.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Корана, какъ было упомянуто, высказывается взглядъ Мухаммеда на другія религіи—взглядъ, отличающійся вѣротерпимостью: всѣ спасутся – и христіане, и іудеи, и сабейцы, и послѣдовали Мухаммеда, словомъ всѣ, кто вѣруетъ въ Бога и послѣдній день и творитъ добрыя дѣла (2, 59; 5, 73). Но этотъ стихъ отмѣненъ по смыслу другимъ стихомъ, въ которомъ говорится, что послѣдователи иныхъ религій, кромѣ ислама, не угодны Богу и въ будущей жизни будутъ въ числѣ несчастныхъ (3, 79), между тѣмъ въ 78 стихѣ той-же главы самъ Богъ предлагаетъ Мухаммеду признать откровенія, данныя прежде него бывшимъ пророкамъ, и не дѣлать различія между всѣми ними.

По той же теоріи отмѣненія, нѣкоторые отмѣняющіе стихи („насыхъ“) появились прежде отмѣненныхъ ими стиховъ („мансухъ“). Примѣромъ такого страннаго отмѣненія служитъ 234 ст. 2 гл., который былъ ниспосланъ Мухаммеду прежде 241 ст. той же главы, отмѣненнаго раннимъ стихомъ. Въ 234 ст. говорится: „Если кто изъ васъ умираетъ, оставляя женъ, то жены должны ждать четыре мѣсяца и десять дней. По окончаніи этого срока, онѣ могутъ располагать собою добровольно, и вы не будете отвѣчать за нихъ: Богъ вѣдаетъ ваши поступки“. Этотъ стихъ, явившійся ранѣе 241, отмѣнилъ его, а въ 241 ст. говорится: „Кто изъ васъ умираетъ, оставляя послѣ себя женъ, долженъ назначить имъ содержаніе достаточное „на годъ“, безъ выхода ихъ изъ дома. Если же онѣ сами оставятъ домъ въ теченіе этого времени (и выйдутъ замужъ), то вы не отвѣчаете за то, что онѣ сдѣлаютъ добровольно“. Дѣло здѣсь въ томъ, что сначала Мухаммедъ назначилъ 4 мѣс. и 10 дней для иддата*) вдовъ, каковой срокъ вошелъ въ законъ, а послѣ сказалъ, что срокъ этотъ продолжится годъ.

Другой примѣръ такого отмѣненія представляетъ 49-й стихъ 33 главы, гдѣ сказано: „Пророкъ! тебѣ позволено жениться на женахъ, которыхъ ты одаришь, на плѣнницахъ, которыя по изволенію Божію попадутъ въ твои руки, на дочеряхъ твоихъ дядей и тетокъ по матери и по отцу, которыя переселились съ тобою въ Медину, и на всякой вѣрующей, которая отдастся въ руки пророка, если пророкъ захочетъ жениться на ней. Это—твое особенное право, а не всѣхъ вѣрующихъ“. Послѣ этого въ 52 ст. было открыто ему: „Впередъ тебѣ не позволено брать другихъ женъ, мѣнять ихъ одну на другую, даже когда тебя обворожитъ ихъ красота, кромѣ невольницъ, которыхъ ты можешь пріобрѣтать“.

*) Спеціальный терминъ, опредѣляющій для вдовъ срокъ вдовства ихъ до новаго замужества.

Кромѣ приведенныхъ противорѣчій, въ Коранѣ есть и такія противорѣчія, на которыя мусульманскіе ученые не обращали своего вниманія и потому не позаботились примирить ихъ своею теоріей о насхѣ. Таково (3, 127; 57, 21) предоставленіе Корана о раѣ, занимающемъ пространство, равное небу и землѣ, и потому исключающее возможность существованія земли и ада, не говоря уже о томъ, что оно противорѣчитъ другому представленію, по которому рай весь помѣщается на небѣ (34, 36). Такое же противорѣчіе заключается въ представленіи, что престолъ Божій обширнѣе неба и земли (2, 256), а между тѣмъ нѣкоторые богословы думаютъ, что у Бога на небѣ два престола. Въ одномъ мѣстѣ Корана говорится, что идолы не живыя существа, а только имена (53, 23), а въ другомъ мѣстѣ говорится, что въ день суда Богъ соберетъ ложныхъ боговъ и заставитъ ихъ отвѣчать (25, 18—20), а потомъ ввергнетъ ихъ въ адъ, гдѣ они будутъ топливомъ геенны, въ которой будетъ только одинъ визгъ... (21, 98—100).

Особенно много противорѣчій въ ученіи Корана о предопредѣленіи и добрыхъ дѣлахъ: въ однихъ стихахъ Корана добрыя дѣла признаются условіемъ спасенія человѣка, а въ другихъ стихахъ говорится, что Богъ спасаетъ, кого захочетъ, и осуждаетъ на вѣчныя муки, кого захочетъ*).

Не легко высказать заключительное слово объ изложенной „теоріи отмѣненія“. Безъ сомнѣнія, Коранъ, какъ религіозная доктрина, какъ „истина, исходящая отъ Бога“, не долженъ бы заключать въ себѣ противорѣчій, какъ объ этомъ и заявлено въ Коранѣ (4, 84); но религіозное созваніе Мухаммеда развивалось постепенно, подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ обстоятельствъ, и онъ неизбѣжно мѣнялъ свои убѣжденія, а увлеченные имъ послѣдователи его, жившіе непосредственнымъ чувствомъ обаянія его личностію, какъ посланника Божія, благоговѣйно запоминали и записывали всѣ его изрѣченія прежнія и послѣдующія и переживали сладостныя минуты религіознаго восторга; они въ каждый данный моментъ не замѣчали противорѣчій, которыя были замѣтны для упорныхъ враговъ Корана, имѣвшихъ возможность относиться къ словамъ Мухаммеда спокойно и критически обсуждать его проповѣди. При томъ же самъ Мухаммедъ не заботился придать Корану видъ систематически изложеннаго кодекса, а собиратели Корана не рѣшались свободно распоряжаться „словомъ Божіимъ“ и старались внести въ сборникъ все, что находили записаннымъ и подтвержденнымъ свидѣтелями**) Такъ получилась безпорядочная книга, для оправданія которой и была придумана „теорія

*) См. въ Указателѣ къ Корану, сл. Богъ и Награда.

**) См. выше (стр. 61—95) исторію текста Корана.

отмѣненія“, не только не улучшившая дѣла, а еще бо́лѣе запутавшая его. Можно съ увѣренностью сказать, что въ дѣйствительности всѣ отмѣняющіе стихи были обнародованы „послѣ“ отмѣненныхъ, а не наоборотъ, какъ учитъ иногда „теорія насха“. При такомъ взглядѣ на дѣло, многіе недостатки Корана должны быть отнесены на долю собирателей и редакторовъ его, не умѣвшихъ размѣстить стиховъ Корана въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ.

3. Толкованія и переводы Корана на европейскіе и азіатскіе языки.

Изъ приложенныхъ на стр. 107, 111, 125, 126—127 снимковъ съ разныхъ манускриптовъ Корана видно, насколько было затруднительно разбирать и правильно читать св. текстъ, особенно для послѣдователей Корана не-арабскаго происхожденія. Тѣмъ болѣе для точнаго пониманія содержащагося въ Коранѣ догматическаго и нравственно-обрядоваго ученія необходимы ученыя коментаріи св. текста съ различныхъ точекъ зрѣнія—филологической, географической, исторической и спеціально богословской. Эта естественная потребность въ толкованіи основного текста свящ. книгъ каждаго народа чувствовалась особенно сильно среди мусульманъ, въ зависимости отъ двухъ причинъ: отъ несовершенства арабскаго письма безъ діакритическихъ знаковъ и потому дававшаго поводъ къ спорнымъ разночтеніямъ, особенно въ ранній періодъ исторіи ислама, пока не было установлено правильное чтеніе Корана, и еще болѣе—отъ характера самаго содержанія этого религіозно-законодательнаго кодекса. Потребность въ комментаріяхъ—говоритъ проф. А. Л. Крымскій*)—сознавалась рано... Главный редакторъ Корана, Зейдъ Ибнъ-Тсабитъ внесъ въ текстъ Корана всѣ записи, какія только могъ собрать, и не дерзалъ подвергать ихъ критической отборкѣ. Но, какъ извѣстно, Мохаммедъ часто свои приказанія отмѣнялъ, ссылаясь на то, что Богъ посылаетъ ему нѣкоторыя откровенія лишь на время (16, 103, 2, 100 и пр.). Отсюда въ Коранѣ Зейда явилось много правилъ, взаимно противорѣчивыхъ,—ме ду прочимъ по такимъ, напримѣръ, существеннымъ пунктамъ, какъ отношенія мусульманъ къ язычникамъ и иновѣрцамъ: въ Меккѣ говорилось одно, въ Мединѣ—другое, болѣе строгое. Кромѣ того, Мухаммедъ предупредилъ (3, 5), что нѣкоторые стихи нельзя понимать буквально, п. ч. они имѣютъ аллегорическій, сокровенный смыслъ. Далѣе: сжатая, отрывочная форма Корана была вполнѣ понятна только современникамъ Пророка, хорошо знавшимъ каждое событіе, на которое

*) Исторія арабовъ и арабской литературы, свѣтской и духовной (Корана, фыкха, сунны и пр.) А. Крымскаго. Новое переработанное изданіе. Часть первая. Москва, 1911. Стр. 203—205.

Коранъ дѣлалъ намекъ; но для послѣдующихъ поколѣній многія мѣста Корана дѣлались уже непонятными по своей стилизаціи. Наконецъ, съ теченіемъ времени, дѣлалось непонятнымъ точное значеніе того или иного отдѣльнаго слова и выраженія, употребленнаго Пророкомъ. Вотъ почему рано ощутилась необходимость въ разъяснительныхъ толкованіяхъ на Коранъ—толкованіяхъ историческихъ, реальныхъ, богословскихъ, потомъ филологическихъ и т. п.

Во главѣ комментаторовъ стоитъ двоюродный братъ Мухаммеда Абдалла Ибнъ-Аббасъ (род. ок. 622, ум. ок. 687 Хиджры, прозванный „аль-Хабръ—(„книжникъ“). Онъ съ набожнымъ самозванствомъ взялся авторитетно истолковать неясныя мѣста св. книги, хотя казалось бы, что ему трудно было бы помнить все изъ жизни Мухаммеда отчетливо: Ибнъ-Аббасу было всего лѣтъ 30, или какъ установилъ Мас'удій (ум. въ 956 г.), только десять лѣтъ, когда Мухаммедъ умеръ. Быть можетъ, многаго Ибнъ-Аббасъ самъ не понималъ и лишь потому истолковывалъ невѣрно, напримѣръ, еврейскія слова и выраженія; но гораздо чаще въ его объясненіяхъ встрѣчаются извращенія, безусловно умышленныя, сдѣланныя ради благочестиваго обмана или нежеланія признаться въ своемъ невѣдѣніи по поводу какого-нибудь мѣста въ Коранѣ. Послѣ него его ученики и другіе ученые мусульмане, ссылаясь на Ибнъ Аббаса, или на другое преданіе, продолжали истолкованіе Корана.

При Аббасидахъ, во II—III вѣкѣ Хиджры, въ виду потребностей инородцевъ, число комментаріевъ сильно возросло, при чемъ дѣло не ограничивалось чисто-филологическими доказательствами и соображеніями, но для авторитетности каждое толкованіе, путемъ ретроспективной цѣпи ссылокъ (иснадъ), по возможности, возводилось къ сотоварищамъ Пророка (асхабы), преимущественно же къ „книжнику“ (хабръ) Ибнъ-Аббасу.

Авторитетными толковниками Корана считаются: Табарій (838—923), Талябій (ум. 1036), его ученикъ Аль-Вакыдій (ум. около 1075), Хусаинъ Аль-Багавій (ум. 1122), Замахшарій (1074—1143), Казы Байзавій (ум. около 1286), Джалаледдинъ Соютій (1445—1505) и изъ позднѣйшихъ—Хаккы Эфендій (1306). (Проф. Крымскій).

Кромѣ перечисленныхъ, среди туркестанскихъ мусульманъ пользуется вниманіемъ толкованіе на Коранъ, извѣстное подъ именемъ „Руху-ль-баянъ“ и др.

Европейская наука до XII вѣка по Рожд. Христ. не располагала знаніемъ содержанія Корана, и только въ XVI вѣкѣ въ первый разъ увидѣла въ печати арабскій текстъ и переводъ Корана. Петръ, аббатъ Клюнійскій, желая познакомиться съ религіей Мухаммеда въ ея первоисточникѣ и доказать ея ложность, нашелъ въ Испаніи людей, знакомыхъ

съ арабскимъ языкомъ, и поручилъ имъ перевести арабскій текстъ Корана на латинскій языкъ. Въ 1143 году они окончили переводъ Корана*), который не былъ изданъ**). Въ концѣ XII в. доминиканецъ Рикольдъ-де-Монте-Круа рѣшилъ было сдѣлать переводъ съ арабскаго подлинника Корана, но съ переводомъ каждаго отдѣльнаго листа у переводчика все болѣе усиливалось отвращеніе къ содержанію переводимаго текста, и благочестивый доминиканецъ вынужденъ былъ прекратить свою работу, не доведя ея до конца. И долго спустя, на Западѣ, у католиковъ, господствовало не только предубѣжденіе противъ Корана, но и опасеніе оскорбить религіозное чувство христіанъ ученіемъ этой книги, опасеніе за самую христіанскую вѣру отъ обнародованія перевода Корана. Поэтому, когда въ западно-европейскихъ школахъ было введено изученіе арабскаго языка, на которомъ написанъ подлинникъ Корана, изданіе этой книги было строго запрещено католическою церковью, наравнѣ съ другими еретическими книгами. Въ началѣ XV-го столѣтіи Хуанъ Андреасъ, католическій священникъ, обращенный изъ мусульманъ, перевелъ Коранъ съ арабскаго на аррагонскій языкъ, по приказанію епископа Барцелонскаго Мартина, инквизитора аррагонскаго***). Въ началѣ XVI в. нѣкто Paganius ed Brescia****) издалъ было въ Венеціи полный арабскій текстъ Корана, но Папа осудилъ это изданіе на сожженіе. Исполнители папскаго приказанія такъ усердно и аккуратно занялись этимъ, что отъ изданія не только не сохранилось ни одного экземпляра, но и годъ изданія его остался неизвѣстенъ; сохранилось только краткое заглавіе этого изданія „Alcoranus arabice“.

Въ 1547 г. въ Венеціи былъ изданъ переводъ Корана на итальянскомъ языкѣ Андрея Арривабена; въ 1616 и 1623 г.г. былъ изданъ нѣмецкій переводъ, а съ этого былъ сдѣланъ въ 1641 г. переводъ на голландскій языкъ. Въ 1649 г. въ Парижѣ былъ изданъ французскій переводъ Корана, сдѣланный Дю-Ріе (Du-Ryer), а въ 1649 г. появился англійскій переводъ въ Лондонѣ. Въ концѣ

*) Главнымъ переводчикомъ былъ обыспанившійся англичанинъ Робертъ Ретинскій, возведенный вскорѣ въ санъ Архидіакона. (Исторія арабовъ и арабской литературы проф. А. А. Крымскаго. (Москва, 1911). Стр. 135 и слѣд.)

**) Этотъ переводъ въ 1543 г. былъ изданъ на латинскомъ языкѣ Библіандеромъ. Но переводъ этотъ, какъ первый опытъ, не только не имѣлъ научныхъ достоинствъ, но и не заслуживалъ названія перевода, потому что безчисленныя ошибки, пропуски въ однихъ мѣстахъ и прибавленія въ другихъ слишкомъ отдалили переводъ отъ подлинника и лишили его научнаго значенія.

***) Этотъ переводъ не сохранился въ полномъ своемъ видѣ и извѣстенъ только по цитатамъ, въ которомъ арабскій текстъ транскрибированъ латинскими буквами. (Проф. А. Крымскій).

****) Изъ Бресчіи въ Италіи.

XVII столѣтія переводъ Корана былъ изданъ на англійскомъ языкѣ, именно въ 1688 г. Отъ того же времени упоминается польскій переводъ Корана, находившійся въ библіотекѣ русскаго князя В. В. Голицына*). Нѣсколько позже, именно въ 1694 г. А. Гинкельманъ, издавая въ Гамбургѣ арабскій текстъ Корана, писалъ: „Negotium nobis est cum libro, quem legere et delegere est refutare". И аббатъ Людовикъ Марраччи, издавшій въ 1698 г. арабскій текстъ и латинскій переводъ Корана съ примѣчаніями къ тексту и опроверженіями ученія Корана, между прочимъ замѣтилъ, что „запрещеніе обнародовать Коранъ должно имѣть силу только по отношенію къ изданіямъ его, какія не снабжены приличными опроверженіями его ученія, безъ которыхъ оно можетъ повредить вѣрѣ простодушныхъ". Черезъ 40 лѣтъ послѣ Марраччи, именно въ 1734 г., англійскій переводчикъ Корана Джоржъ Сейль (G. Sale) высказался на ту же тему уже рѣшительнѣе и смѣлѣе: „кажется, мнѣ не нужно извиняться въ томъ,—пишетъ онъ въ предисловіи къ своему переводу,—что я издаю въ свѣтъ переводъ этой книги, или доказывать, что это полезно и любопытно. Тѣ должны имѣть очень низкое представленіе о христіанской вѣрѣ, или худо въ ней наставлены, которые опасаются чего-нибудь отъ книги, въ коей виденъ явный обманъ" **)...

У насъ, въ Россіи Петръ Великій, по свойственной ему любознательности и проницательности, также обратилъ вниманіе на Коранъ. По его повелѣнію, князь Кантеміръ перевелъ эту книгу на русскій языкъ съ французскаго перевода Дю-Ріе и въ 1716 году этотъ переводъ былъ напечатанъ въ С.-Петербургской типографіи***). Съ того-же французскаго перевода, при Императрицѣ Екатеринѣ II, (въ 1790 г.) изданъ былъ русскій переводъ Корана, сдѣланный Веревкинымъ, подъ заглавіемъ: „Книга Аль-Коранъ Аравлянина Магомета". До 1877 г. въ Россіи былъ въ обращеніи переводъ К. Николаева****) (съ французскаго перевода Казимірскаго) и только въ 1877 году въ Казани появился первый самостоятельный переводъ Корана съ арабскаго языка, сдѣланный г. Саблуковымъ*****).

*) См. Курсъ русской исторіи проф. В Ключевскаго, вып. III, стр. 458.

**) См. русскій переводъ съ этого перевода, сдѣланный Ал. Колмаковымъ. С.-Петербургъ. 1792 г. Предисловіе.

***) Полное заглавіе этого изданія, составляющаго библіографическую рѣдкость, слѣдующее: „Алкоранъ о Магометѣ или законъ турецкій, переведенный съ французскаго языка на россійскій. Напечатался повелѣніемъ царскаго величества. Въ Санкпітербургской типографіи, 1716 года въ мѣсяцѣ декамбріи.

****) Въ 1901 году переводъ Николаева былъ напечатанъ пятымъ изданіемъ.

*****) Полное заглавіе этого изданія слѣдующее: „Коранъ. Законодательная книга мухамеданскаго вѣроученія. Переводъ и приложенія къ переводу Гордія Саблукова".

Не говоря уже о томъ, что переводъ Николаева, какъ не самостоятельный, не можетъ имѣть научнаго значенія, онъ страдаетъ большими недостатками и какъ переводъ съ французскаго. Между тѣмъ переводъ г. Саблукова отличается буквальною точностью, какая приличествуетъ свящ. тексту, и пониманіемъ духа Корана, что повліяло на сухость русской передачи арабскаго текста. При многолѣтнемъ и рѣдкомъ по добросовѣстности изученіи ислама вообще и Корана въ частности, Г. С. Саблуковъ умѣлъ удержать въ переводѣ своемъ буквальный смыслъ и тонъ рѣчи арабскаго подлинника, что удавалось немногимъ арабистамъ. Въ его переводѣ, кромѣ рѣдкихъ неясностей, обусловленныхъ неясностью подлиннаго текста, одинаковыя выраженія арабскаго подлинника переданы одинаковыми русскими выраженіями, а это весьма важно какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ при сношеніяхъ съ мусульманами, вообще оч недовѣрчиво относящимися къ переводамъ Корана, особенно сдѣланнымъ иновѣрцами Въ переводѣ Саблукова всѣ особенности арабскаго подлинника характерно переданы: читатель чувствуетъ дѣйствительно языкъ восточнаго народа и въ тоже время языкъ священной книги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переводчику удалось даже удержать рифмованную рѣчь подлинника. Словомъ, какъ научный трудъ, переводъ Корана, сдѣланный г. Саблуковымъ, можетъ имѣть свою цѣну сравнительно съ другими иностранными и русскими перезодами Корана. Особенно точность перевода г. Саблукова бросается въ глаза читателю при сравненіи его съ переводомъ Николаева, давно распространеннымъ въ русской публикѣ. Въ послѣднемъ, кромѣ неясностей и неточностей, встрѣчаются иногда положительныя несообразности. Такъ, напримѣръ, гл. 67, ст. 22 г. Саблуковъ переводитъ такъ: „Тотъ-ли идетъ прямо по дорогѣ, кто ходитъ потупивъ лицо свое? или тотъ на прямомъ пути, кто ходитъ, держа себя прямо“? У г. Николаева эти слова переведены: „Человѣкъ ползая, воздѣлывающій землю лбомъ, лучше-ли направленъ того, кто идетъ прямо по прямому пути“? Еще характернѣе слѣдующее сопоставленіе: гл. 19, ст. 27 г. Николаевъ переводитъ: „Скажи ему: я предаю дитя Милосердному; сегодня я не буду говорить ни съ однимъ человѣкомъ“, а Саблуковъ переводитъ это мѣсто, совершенно согласно съ текстомъ подлинника, такъ: „Говори ему: Милостивому я дала обѣтъ поститься; потому мнѣ нельзя говорить ни съ однимъ человѣкомъ“.

Проф. Лазаревскаго института восточныхъ языковъ А. Е. Крымскій считаетъ переводъ Саблукова оч. тяжелымъ и опубликовалъ въ 1905 году свой переводъ нѣсколькихъ главъ Корана, подъ заглавіемъ: „Суры старѣйшаго періода“ *). (Москва).

*) Кромѣ перечисленныхъ русскихъ переводовъ Корана, былъ еще переводъ извѣстнаго оріенталиста А. А. Казембека (1859 г.), но онъ въ обращеніи совсѣмъ не встрѣчается.

Что касается переводовъ Корана на другіе языки мусульманскихъ народовъ*), то они ограничиваются пословнымъ подписаніемъ подъ арабскимъ текстомъ Корана перевода на народный языкъ. Вслѣдствіе этого дѣйствительнаго „перевода“ арабскаго текста не получается, такъ какъ синтаксисъ арабскаго языка существенно отличается отъ синтаксиса персидскаго и турецкаго языковъ. Своеобразный пріемъ переводовъ Корана на персидскій и турецкій языки объясняется убѣжденіемъ мусульманъ вообще и турко татаръ стараго направленія въ особенности, что переводить Божественное слово Корана преступно и невозможно, ибо никакой человѣческій языкъ не въ состояніи въ точности передать неподражаемый текстъ Корана, подлинникъ котораго находится на небѣ**). Но тѣмъ не менѣе нужда въ переводѣ вѣроучительной книги всегда сознавалась разноплеменными исповѣдниками ислама, въ согласіи съ указаніями, находимыми въ самомъ Коранѣ о томъ, что слово Божіе обнар довано на языкѣ арабовъ, чтобы арабы не только слушали и читали, но и понимали проповѣдуемое ученіе. Иноплеменные (не арабы) послѣдователи ислама испытывали затрудненіе въ пониманіи чуждаго имъ текста и стремились облегчить пониманіе его при помощи объясненій на родномъ языкѣ, которыя они и подписывали подъ словами подлинника, какъ это видно на прилагаемомъ снимкѣ (стр. 121).

*) Проф. А. Е. Крымскій упоминаетъ о переводахъ Корана на персидскій, урдусскій, гиндустанскій и китайскій языки. (Энцикл. Сл. Брокгауза „Коранъ“).

**) Казанскіе муллы подавали въ Оренбургское мусульманское духовное правленіе (въ Уфѣ) коллективное прошеніе, чтобы правленіе не разрѣшало никому переводить Коранъ на какой-бы то ни было языкъ. Но казанскіе муллы запоздали со своимъ страннымъ заявленіемъ, такъ какъ переводы Корана уже имѣются на персидскомъ, тюрко-татарскомъ, грузинскомъ, армянскомъ, русскомъ и польскомъ языкахъ, не говоря о многочисленныхъ переводахъ Корана на разные языки.

9. Назначеніе Корана и примѣненіе его въ жизни мусульманъ.

„Изъ всѣхъ божественныхъ книгъ Коранъ есть единственная книга, текстъ (слова и смыслъ) которой были внушены пророку совнѣ стороннимъ голосомъ. Иначе было съ Пятикнижіемъ, Евангеліемъ и другими божественными книгами: пророкамъ и писателямъ ихъ внушенія дѣлались (только) въ формѣ идей“,—высказалъ знаменитый мусульманскій мыслитель Ибнъ-Хальдунъ (ум. въ 1406 г.). Самъ Богъ предупреждалъ Мухаммеда: „Не произноси (Коранъ) торопливо языкомъ твоимъ: Наше (Божіе) дѣло составить его и прочитать“. (Коранъ, гл. 75, ст. 16—17).

Такимъ образомъ, по всеобщему вѣрованію мусульманъ, Коранъ есть Слово Божіе, открытое Мухаммеду чрезъ ангела Гавріила и имѣетъ своею задачей научить людей истинному богопознанію (догматы вѣры) и истинному богопочитанію (религіозные обряды) и вмѣстѣ съ тѣмъ—служитъ для нихъ закономъ нравственности и дѣятельности въ жизни.

Чтобы произвести на арабовъ VII в. большее впечатлѣніе, Мухаммедъ училъ, что Богъ ничего не опустилъ въ Коранѣ, что нѣтъ зерна во мракѣ земли, нѣтъ былинки ни свѣжей, ни сухой, которые не были бы обнародованы въ этой книгѣ (гл. 6, ст. 58—59), что въ ней заключается истолкованіе всѣмъ вещамъ (гл. 12, ст. 111). Словомъ—Коранъ былъ нислосланъ Мухаммеду для объясненія всѣхъ вещей и въ руководство, какъ милость и благовѣстіе покорнымъ (гл. 16, ст. 91). И такое всеобъемлющее ученіе предлагается въ Коранѣ съ авторитетомъ непогрѣшности, не допускающимъ сомнѣнія: „Это писаніе—нѣтъ сомнѣнія въ немъ—служитъ руководствомъ для благочестивыхъ“ (гл. 2, ст. 1).

Не входя въ оцѣнку столь большихъ притязаній Корана*), мы должны все-таки сказать, что эта книга принадлежитъ къ числу оч.

*) См. отзывъ В. В. Дрэпера о Коранѣ въ его „Исторіи умственнаго развитія Европы“. Рус. пер. А. Н. Пыпина.

немногихъ произведеній человѣческаго генія, на которыя продолжаютъ и въ наши дни обращать серьезное вниманіе ученые люди разныхъ научныхъ спеціальностей—историки, филологи и богословы. Какъ религіозно-законодательный кодексъ, Коранъ оказываетъ неотразимое вліяніе на судьбу огромной части человѣчества, такъ какъ многочисленные народы Азіи, Африки и Европы обязаны ему складомъ своей религіозно-нравственной и общественно-государственной жизни*). Какъ литературный памятникъ арабскаго языка и арабской письменности, Коранъ до сихъ поръ служитъ предметомъ усерднаго изученія оріенталистовъ; наконецъ, Коранъ обращалъ и обращаетъ на себя вниманіе ученыхъ богослововъ разныхъ странъ, временъ и вѣроисповѣданій, какъ главная вѣроучительная книга одной изъ наиболѣе распространенныхъ религій человѣчества, извѣстной подъ именемъ „ислама".

Вслѣдствіе такого разносторонняго интереса, представляемаго Кораномъ и побуждавшаго серьезно и долго изучать эту сравнительно небольшую книгу очень многихъ людей различнаго направленія, людей большой эрудиціи и талантливости,—въ настоящее время европейская наука обладаетъ обширною литературою по этому предмету, не прекращающею своего роста и въ наши дни**). Достоинства ученыхъ изслѣдованій о Коранѣ, древнихъ и новыхъ, въ значительной степени зависятъ отъ времени ихъ появленія и, такъ сказать, обратно пропорціональны вѣкамъ ихъ авторовъ: чѣмъ ближе къ нашему времени появленіе европейскаго изслѣдованія о Коранѣ, тѣмъ болѣе отличается оно эрудиціей, широтою взгляда, глубиною мысли и критики, и на оборотъ, такъ какъ историческая и оріентальная наука, съ теченіемъ времени, располагаетъ все большими и большими средствами для разносторонняго строго научнаго изученія этого оригинальнаго произведенія арабскаго реформатора VII вѣка***).

Прогрессивные мусульмане съ своей стороны усиливаются доказывать, что европейскіе оріенталисты не понимаютъ Корана и потому неправильно о немъ думаютъ. Это противорѣчіе объясняется просто:

---

*) Франц. проф. А. Ле-Шателье опредѣляетъ общее число мусульманъ на всемъ земномъ шарѣ до 250 милліоновъ. (Revue economique internationale). 1010 г. Л. Зиминъ напечаталъ рус. пер. ст. франц. оріенталиста въ „Туркест. Курьерѣ" за 1912 г. №№ 49 и слѣд.

**) Французскіе, нѣмецкіе и англійскіе ученые каждый годъ опубликовываютъ все новыя и новыя изслѣдованія по исламовѣдѣнію. (См у проф. Крымскаго въ его „Исторія арабовъ и арабской литературы". Часть первая, стр. 159 и слѣд.

***) Въ С.-Петербургѣ съ настоящаго года издается журналъ „Міръ ислама", подъ редакціей проф. Вост. Факультета В. Вл Бартольда.

европейскіе ученые относятся къ занимающему ихъ вопросу объективно, такъ какъ для нихъ Коранъ есть произведеніе Мухаммеда, а не Бога, и такъ какъ въ текстѣ Корана заключаются неопровержимыя доказательства его естественнаго происхожденія; мусульманскіе же прогрессисты хотятъ невозможнаго—склонить современныхъ мусульманъ къ современной европейской образованности и въ тоже время отстоять божественный авторитетъ Корана, будто бы не заключающаго въ себѣ никакихъ преградъ къ прогрессу мусульманъ. Этимъ и объясняется враждебное отношеніе мусульманскихъ старовѣровъ къ новаторамъ ислама, какъ объ этомъ можно судить по мусульманскимъ газетамъ.

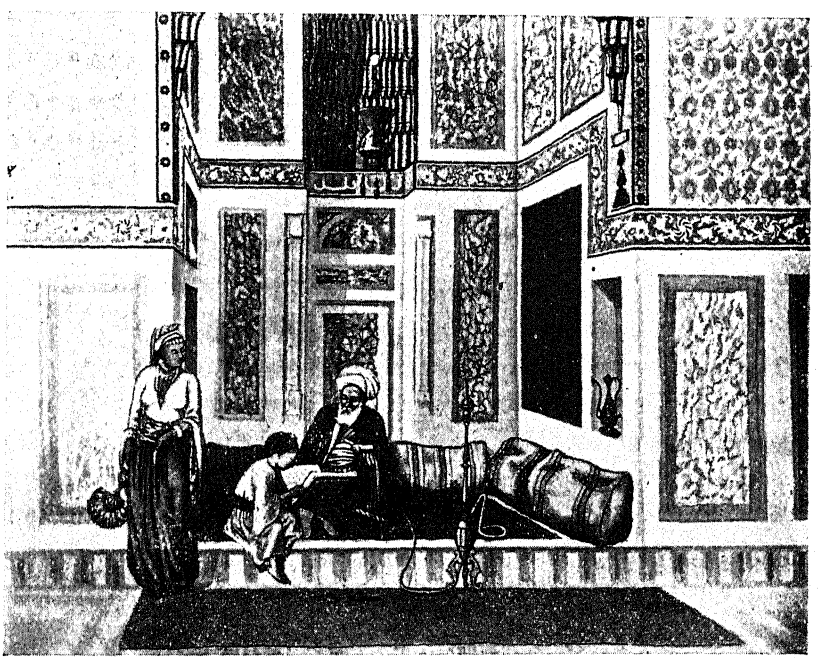
Но Коранъ, по своему прямому назначенію, остается для всѣхъ мусульманъ, безъ различія племенъ и образованности, главною основою ихъ вѣрованій и нравственной дѣятельности. Мусульманскіе богословы не могутъ не опираться на тексты Корана, какъ на слова Божіи, въ своихъ догматическихъ изслѣдованіяхъ; ученые законовѣды обязаны считать Коранъ первымъ и самымъ главнымъ источникомъ законовѣдѣнія; совершители общественныхъ молитвъ (имамы) должны читать во время богослуженія разные отрывки изъ Корана; частныя лица и въ наши дни читаютъ Коранъ для собственнаго и общаго назиданія, особенно въ дни поста (въ мѣсяцъ Рамазанъ), а нѣкоторые заучиваютъ священный текстъ наизусть; наконецъ, Коранъ и отдѣльныя его части предпочтительно читаются въ разныхъ опредѣленныхъ случаяхъ жизни мусульманъ, иногда съ цѣлью узнать будущее.

Не говоря о значеніи и важности Корана для мусульманской науки (богословія и законовѣдѣнія), укажемъ на случаи практическаго примѣненія чтенія Корана къ разнымъ положеніямъ въ религіозной жизни мусульманъ. Въ этомъ отношеніи чтеніе Корана прежде всего составляетъ предметъ обученія въ школѣ и примѣняется къ мусульманскому молитвословію (салатъ, намазъ). Въ каждой изъ пяти ежедневныхъ обязательныхъ молитвъ*) чтеніе Корана составляетъ существенную часть, при чемъ читается обязательно первая глава (Фатиха) и нѣсколько стиховъ изъ другихъ главъ Корана, или цѣлая небольшая глава, состоящая изъ немногихъ стиховъ. Таковы послѣднія главы, помѣщенныя въ концѣ Корана. Отрывки изъ другихъ главъ, рекомендуемыя для чтенія во время того или другого молитвословія, въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Корана отмѣчаются на поляхъ арабскими словами, обозначающими самыя молитвословія. Кромѣ того, въ два мусульманскіе праздника (праздникъ разговленія послѣ поста и празд-

*) См. объ этомъ въ сокращенномъ руководствѣ по мусульманскому законовѣдѣнію (Мухтасаруль-Викая), въ главѣ о молитвѣ.

никъ жертвоприношенія), во время пятничнаго соборнаго молитвословія (Джума-намазъ) и въ нѣкоторые другіе дни въ году, съ которыми соединяются какія-либо особыя воспоминанія или вѣрованія мусульманъ, читаются назначенныя для этихъ случаевъ главы, или отрывки изъ Корана. Въ дни поста (въ мѣсяцъ Рамазанъ) Коранъ обыкновенно прочитывается весь въ мечетяхъ, на особыхъ вечернихъ молитвословіяхъ (таравихъ), а набожные мусульмане считаютъ для себя душеспасительнымъ чтеніе Корана и дома въ этотъ мѣсяцъ.

На прилагаемомъ рисункѣ, заимствованномъ изъ цитированнаго выше французскаго изданія L'Art arabe изображена характерная сцена обученія мальчика правильному чтенію св. текста Корана, по указаніямъ „Науки чтенія Корана". Мелодичный распѣвъ молодого наслѣдника дома привлекъ вниманіе служанки, въ почтительной позѣ слушающей пріятные звуки, воспроизводящіе ученіе „небесной книги".



Въ обыкновенныхъ школахъ (мактабъ) обученіе чтенію Корана производится сначала по такъ называемому Хафтьяку (седьмая часть Корана), а затѣмъ—по полному изданію, при обыкновенной школьной обстановкѣ, когда дѣтишки сидятъ рядами и голосятъ каждый свой урокъ, мѣрно и нервно наклоняясь къ книжкѣ.

Надъ умирающимъ, во время его предсмертныхъ мукъ, читается 36-я глава, къ которой присоединяютъ, по усердію чтеца, и 37-ю главу Надъ тѣломъ умершаго, предъ выносомъ его на кладбище, и при посѣщеніи кладбищъ въ установленные дни, съ цѣлію поминовенія умершихъ и испрошенія имъ милостей Божіихъ, принято читать предпочтительно 67-ю главу Корана.

Для испрошенія у Бога исцѣленія отъ болѣзни читается 36-я сура Корана (Я-Синъ). При этомъ рекомендуется прочитывать указанную главу по особому чину—семи отдѣльнымъ чтецамъ, чтобы каждый чтецъ прочитывалъ опредѣленную (седьмую) часть главы, которая дѣлится на семь частей стихами, имѣющими въ концѣ слово „мубинъ", именно: 1—11, 12—16, 17—23, 24—47, 48—60, 61—69 и 70—77. Этотъ чинъ сопровождается заклинаніями отъ болѣзни, дуновеніемъ и плеваніемъ, и напоминаетъ обрядъ элеосвященія, совершаемый семью священниками надъ больными у христіанъ.

Для охраненія себя отъ всего вредоноснаго, исходящаго отъ злого духа (шайтанъ), и даже отъ такъ называемаго сглаза (презоръ очесъ) мусульмане, преимущественно женщины и дѣти, носятъ въ особыхъ ладанкахъ или металлическихъ трубочкахъ амулеты, состоящіе также изъ словъ Корана (113 и 114 главы), въ которыхъ обращающійся къ Богу проситъ защиты отъ злого духа и отъ злыхъ людей, отъ завистниковъ и отъ женщинъ, дующихъ на узлы. Эти двѣ суры, а также 109 и 112*) въ Туркестанскомъ краѣ читаются ишанами надъ больными**).

Словомъ, каждый богобоязненный мусульманинъ обращается къ Богу словами своей св. книги во многихъ случаяхъ жизни, не только испрашивая благословенія Божія, но и желая заранѣе узнать волю Божію относительно своихъ намѣреній, каковы: посѣвъ, покупка, путешествіе, торговое предпріятіе, женитьба, разводъ и всякое другое будущее, словомъ—судьба, ожидающая человѣка въ здѣшней и будущей жизни. Это составляетъ религіозное гаданіе, для совершенія котораго существуетъ особая молитва „Истихара", имѣющая происхожденіе будто бы отъ самаго Мухаммеда.

---

*) Суры эти начинаются словомъ: „Скажи" (по араб. куль), почему всѣ они извѣстны подъ именемъ „тюрть куль". Въ Константинополѣ еще въ прошломъ столѣтіи главный врачъ гражданскаго госпиталя лѣчилъ своихъ больныхъ по арабскому способу—Кораномъ и прижиганіями (Шателье).

**) О вредной дѣятельности ишановъ можно судить по описанію, напечатанному въ моей книгѣ „Сарты. Этнографическіе матеріалы. Общій очеркъ". Изданіе третье. (Ташкентъ, 1908 г.), стр. 206—228.

Текстъ этой молитвы, въ переводѣ Саблукова, читается такъ: „Боже! испрашиваю у Тебя добраго успѣха, прибѣгая къ Твоему всевѣдѣнію; прошу доброй судьбы у Твоего предопредѣленія; обращаюсь съ молитвой къ Тебѣ ради великой Твоей благости. Ты силенъ, а я безсиленъ; Ты вѣдаешь, а я не вѣдаю, ибо Ты единъ тайновѣдѣцъ. Боже! Если это дѣло хорошо для меня—въ моемъ состояніи и въ моей жизни, какъ Ты вѣдаешь, то даруй мнѣ силу совершить его, ниспошли мнѣ помощь и благослови меня въ ономъ; а если это дѣло, какъ Ты вѣдаешь, злотворно для меня въ моемъ состояніи и въ моей жизни, то останови для меня успѣхъ этого дѣла и меня удержи отъ исполненія его. По всемогуществу своему, ниспошли мнѣ благо, гдѣ только оно есть“ *).

Къ чтенію этой молитвы испытующій судьбу мусульманинъ приступаетъ по совершеніи омовенія и намаза по установленному обряду, а по прочтеніи молитвы (10 разъ), раскрываетъ Коранъ и по смыслу стиховъ, на которые упалъ его взоръ, предрѣшаетъ успѣхъ или неуспѣхъ задуманнаго имъ дѣла и соотвѣтственно тому поступаетъ.

Иногда мусульманинъ задумавшій какое-либо дѣло (напримѣръ женитьбу) молится передъ сномъ, читаетъ упомянутую молитву и Коранъ, а утромъ припоминаетъ, что видѣлъ во снѣ, и растолковываетъ свое сновидѣніе въ связи со смысломъ открывшихся ему въ Коранѣ стиховъ**).

Кромѣ перечисленныхъ случаевъ, различные тексты Корана вырѣзываются на надгробныхъ камняхъ, пишутся на стѣнахъ мечетей, мавзолеевъ, на аркахъ, служащихъ входомъ въ мадрасы и др. св. мѣста.

Вслѣдствіе воспрещенія мусульманамъ изображеній живыхъ существъ, особенно людей, мусульмане удовлетворяютъ требованіямъ своего эстетическаго чувства красивыми до вычурности письменами, передающими какой-либо стихъ Корана. Особенно распространенъ въ мечетяхъ и дома основной символъ ислама: „Нѣтъ божества, кромѣ Аллаха; Мухаммедъ—посланникъ Аллаха“.

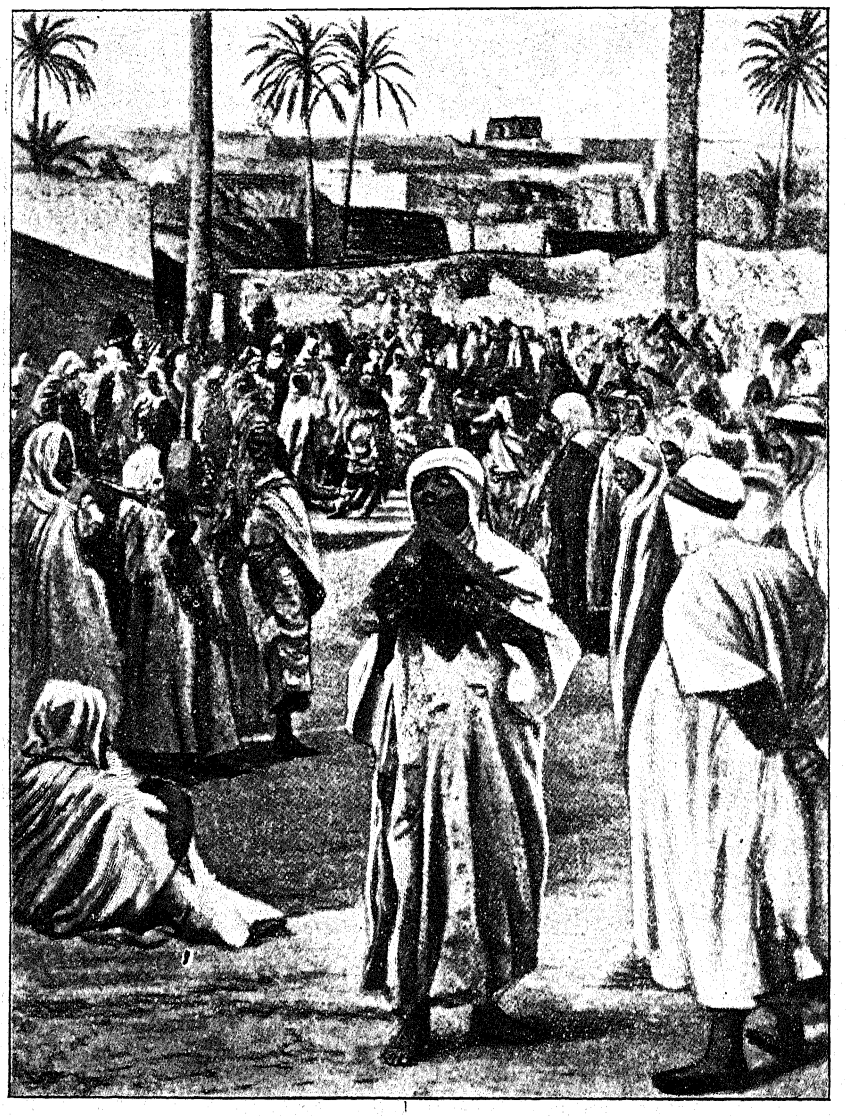
---

*) Свѣдѣнія о Коранѣ, стр. 68.

**) Вѣра въ зраченіе сновидѣній повсемѣстоо распространена среди мусульманъ не только по общей склонности людей къ таинственноиу, но и потому, что такая вѣра освящена Кораномъ. Въ 12-й главѣ Корана подробно разсказана, съ отступленіями отъ Библейскаго разсказа, исторія Іосифа, видѣвшаго сны и разъяснявшаго значеніи сновидѣній другихъ лицъ.

Отдѣльные сонники извѣстны у мусульманъ съ давнихъ временъ. Одинъ сонникъ изданъ въ Казани въ 1902 г. Н. Г. Малицкимъ.

Наконецъ, съ Кораномъ въ рукахъ ишанъ, или его старшій мюридъ (хальфа) выступаетъ передъ экзальтированной толпой, призывая ее къ священной войнѣ съ невѣрными, заповѣданной Кораномъ и извѣстной подъ именемъ „джихадъ“ *), какъ это изображено на прилагаемомъ рисункѣ, относящемся къ возстанію марокканцевъ противъ французовъ въ Казабланкѣ.



*) См въ Указателѣ Саблукова къ Корану цитаты на слово: „Война за вѣру“, для обозначенія которой извѣстно другое выраженіе—„газаватъ“. Подъ этимъ названіемъ война мусульманъ съ невѣрными извѣстна болѣе, чѣмъ подъ именомъ „джихадъ“. Въ наши дни священная война объявлена итальянцамъ африканскимъ шейхомъ Сануси.

При всѣхъ изложенныхъ случаяхъ, набожный мусульманинъ вѣритъ, что чтеніе Корана и даже какой-либо главы сопровождается особою милостью Божіею, какъ объ этомъ опредѣленно высказались авторитетные толковники Корана. Такъ, напримѣръ, прочтеніе Фатихи малолѣтнимъ ребенкомъ доставитъ его грѣшнымъ родителямъ избавленіе отъ адскихъ мученій, назначеннымъ Богомъ. За прочтеніе 36-й главы, которую Мухаммедъ назвалъ „Сердцемъ Корана", Богъ проститъ всѣ грѣхи и даруетъ такую награду, какая обѣщана за 20 кратное прочтеніе всего Корана. Когда читаютъ эту главу надъ умирающимъ, то къ нему сойдутъ съ неба по десяти ангеловъ на каждую букву прочитаннаго текста и будутъ молиться о прощеніи грѣховъ его. Ангелъ смерти безболѣзненно возьметъ душу его; ангелы будутъ присутствовать при омовеніи тѣла умершаго и при погребеніи; умершій вкуситъ райскаго напитка и будетъ въ сладкомъ упоеніи лежать во гробѣ, не будетъ нуждаться въ питьѣ изъ источниковъ пророческихъ и войдетъ въ рай упоеннымъ до-сыта*).

Такая вѣра въ спасительность чтенія Корана объясняетъ намъ то необыкновенное благоговѣніе, съ какимъ мусульмане относятся къ своей св. книгѣ и то усердіе, съ какимъ они механически заучиваютъ его въ низшей школѣ (мактабъ), а загѣмъ, съ полнымъ разумѣніемъ въ высшей (мадраса) подъ руководствомъ авторитетныхъ толковников. Этою-же вѣрою въ спасительность чтенія Корана побуждаются многіе къ заучиванію всего его текста на память, чѣмъ пріобрѣтаютъ особое уваженіе и особый титулъ—хафизъ, кары. Особенно трогательно наблюдать, какъ несчастные слѣпцы трудятся надъ заучиваніемъ св. словъ со-слуха въ особыхъ благотворительныхъ пріютахъ-школахъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Кары-Хана", имѣющихъ задачей научить желающихъ „правильному" чтенію Корана, согласно таджвида**) Многочисленность такихъ благотворительныхъ учрежденій въ Туркестанскомъ краѣ подтверждаетъ положеніе, что божественный авторитетъ Корана въ главахъ туркестанскихъ мусульманъ продолжаетъ сохранять свою силу и поддерживаетъ въ нихъ опасеніе за возможность ослабленія вѣры въ божественность его происхожденія отъ вліянія на учащихся современной европейской науки, основывающейся на точномъ знаніи человѣческаго разума, а не на божественномъ авторитетѣ слова Божія, не допускающемъ сомнѣнія и критики. „Чудеса вашихъ наукъ поражаютъ насъ,—говоритъ авторъ „Послѣдняго слова ислама Европѣ; мы чувствуемъ часто непреодолимое желаніе

*) Описаніе различныхъ наградъ за чтеніе разныхъ главъ Корана особенно распространено среди россійскихъ татаръ.

**) „Таджвидъ" то же, что „Ильми кыраатъ"—названіе науки правильнаго чтенія Корана.

"быть въ силахъ вамъ подражать... Одно насъ останавливаетъ и пугаетъ,—это нравственное смятеніе, лихорадочное безпокойство духа вашихъ обществъ... У васъ вѣра сильно поколеблена. Богъ удаляется отъ васъ, и въ этомъ—великое несчастіе ваше: безъ религіи, безъ Бога нѣтъ мира, нѣтъ жизни!.. Для насъ въ мірѣ существуютъ только правовѣрные и невѣрные: любовь, благотворительность, братство—по отношенію къ правовѣрнымъ; презрѣніе, отвращеніе, ненависть и война—для невѣрныхъ...

„Коранъ вѣченъ; каждое его слово имѣетъ семьдесятъ значеній. Сто двадцать четыре тысячи пророковъ были посланы Богомъ на землю, чтобы разъяснять всѣмъ народамъ Божественныя заповѣди этого закона"...

Этими словами современнаго мусульманскаго публициста мы заканчиваемъ первую часть предлагаемаго изслѣдованія о Коранѣ.

Добавленія къ книгѣ.

Къ стр. 21 настоящей книги.

Джамаль Кураши, авторъ арабско-персидскаго словаря „Сурахъ", названъ такъ по мѣсту жительства, которое неправильно напечатано (въ скобкѣ)—Каршинскій. Нужно читать: Курашскій.

Къ стр. 90.

Текстъ молитвы „Кунутъ", помѣщенный въ казанско-татарскомъ букварѣ, издаваемомъ подъ именемъ شرط الايمان

﴿دعأ قنوت﴾

اللهم انا نستعينك ونستغفرك ونؤمن بك ونتوكل عليك ونثنى عليك الخير نشكرك ولا نكفرك ونخلع ونترك من يفجرك * اللهم اياك نعبد ولك نصلى ونسجد واليك نسعى ونحفد نرجو رحمتك ونخشى عذابك ان عذابك بالكفار ملحق ✿

Оглавленіе.

	Страницы.
Предисловіе	5—18.
1) Разныя названія Корана	20—24.
2) Особенности изданій арабскаго текста Корана . .	25—46.
3) Происхожденіе Корана и обнародованіе его . .	47—60.
4) Собраніе отдѣльныхъ главъ Корана и редакція сборника.	61—95.
5) Хронологическій распорядокъ главъ Корана . .	96—101.
6) Внѣшній видъ наиболѣе замѣчательныхъ списковъ и изданій Корана	102—128.
7) Теорія отмѣненія—насхъ	129—143.
8) Толкованія и переводы Корана на азіатскіе и европейскіе языки	144—149.
9) Назначеніе Корана и примѣненіе его къ разнымъ случаямъ въ жизни мусульманъ	150—158.
10) Добавленія и оглавленіе	159—160.

